МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВАСИЛИЙ РЕВА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СЛЕДСТВИЯ, ИЛИ ВСТРЕЧИ С УБИЙЦАМИ

СБОРНИК ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ РАССКАЗОВ

Липецк Липецкий государственный технический университет 2016 ББК Ш44(2)-445.7

P-32

Рева, В.А.

Р-32 На перекрестках следствия, или Встречи с убийцами [Текст]: сборник документальных рассказов / В.А. Рева. – Липецк: Изд-во Липецкого

государственного технического университета, 2016. – 133 с.

ISBN 978-5-88247-757-7

«На перекрестках следствия, или Встречи с убийцами» — это сборник рассказов Василия Ревы. Книга повествует о подлинной работе следователя и условиях, в которых она протекает. Автор на примере нескольких конкретно расследованных дел, в которых принимал непосредственное участие, в доступной и увлекательной форме рассказывает о раскрытии и расследовании тяжких

преступлений, причинах их совершения и нелегком труде следственных работников, посвятивших себя благородному делу защиты граждан, общества и государства от

любых преступных посягательств, обеспечения неотвратимости наказания за

совершенные преступления. В книге нет выдуманных событий и персонажей, хотя в

некоторых рассказах изменены имена.

ББК Ш44(2)-445.7

ISBN 978-5-88247-757-7

© ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный технический университет», 2016

© Рева В.А., 2016

© Цывильский Л.А., иллюстрации, 2016

К предисловию книги

Возможно, будущий читатель этих документальных очерков и будет не удовлетворен отсутствием умело закрученной интриги, в которой герой — суперменследователь — лихо раскрывает любое преступление. Эти стереотипы, которые назойливо пытается прививать нам современное телевидение, тут отсутствуют.

Однако в книге есть абсолютное следование прозе жизни — суровой, трагичной и от этого часто жестокой, с которой автору пришлось сталкиваться в своей повседневной следственной работе. Да и следственный процесс в этих очерках абсолютно натурален. Он рутинный и одновременно азартный, требующий самоотдачи, везения, а иногда и рискованных шагов. И все это в рамках реального процессуального закона, а не размытых нравственных принципов авторов современных детективов. Читая эти документальные зарисовки, я погрузился в давние годы начала собственного прокурорского пути на пермской земле. Зримо представил себе людей, с которыми автор сотрудничал. С теплотой вспоминая многих из них, еще раз поблагодарил судьбу, что они были и в моей жизни.

Книга будет небезынтересна следователям сегодняшнего дня. Они еще раз сумеют убедиться, что и 30–40 лет назад их коллеги при отсутствии сегодняшнего большого экспертного арсенала и научных возможностей раскрывали серьезные преступления.

У них не было экспресс-анализа ДНК, они не могли анализировать биллинг мобильной телефонной связи, да ее и не было, как и самих телефонов в деревнях и селах. Только приобретенный опыт, упорство и огромное желание восстановить справедливость двигали ими в поиске виновного.

Автор в очередной раз убеждает, что работа следователя не только интересна и в чем-то романтична, но очень непроста и ответственна.

В.Г. Степанков, заслуженный юрист РФ, почетный работник Прокуратуры СССР, Генеральный прокурор Российской Федерации в 1991-1993 гг., действительный Государственный советник юстиции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своём сборнике документальных рассказов, названном «На перекрёстках следствия, или Встречи с убийцами» и посвященном пятилетию создания Указом Президента РФ от 14.01.2011 г. № 38 Следственного комитета Российской Федерации хотелось рассказать без всяких прикрас многообразии следственной работы, которой отдано без малого двадцать два года, на примере конкретно расследованных уголовных дел в Пермской области (ныне крае). Там я начинал свою следственную деятельность. Благодарен моей малой родине и тем людям, которые окружали меня и помогли мне стать тем, кем стал – следователем. После этого было



многое – работа по делам в Узбекистане и Армении, в прокуратурах России и Союза ССР, о чем тоже собираюсь в дальнейшем рассказать. В предлагаемом сборнике рассказы о делах, расследованных на прекрасной земле Прикамья, – о начале пути, когда следствие было ещё в прокуратуре. Помимо этого, собственные следственные аппараты имелись в системах КГБ-ФСБ и МВД страны, и следствие было подчинено трем разным ведомствам. Поэтому идея о создании Следственного комитета как отдельного самостоятельного органа, не подчиненного какому-то ведомству, уже давно витала среди правоохранителей, о ней много говорили, спорили, но дальше этого дело не шло. И только когда за реализацию этого насущного и необходимого стране проекта взялся со свойственной ему энергией и настойчивостью нынешней Председатель СК РФ Александр Иванович Бастрыкин, эта идея была воплощена в жизнь.

При создании нового следственного органа, равному которому раньше не было, Александр Иванович сразу обозначил простые и ясные приоритеты и задачи, заявив: «...Мы сейчас создаем Следственный комитет с нуля. С моей точки зрения, это уникальная возможность попытаться создать новый правовой процессуальный орган, в котором будут разделены процессуальные функции предварительного следствия, надзора за ним и поддержания обвинения в суде. Хотел бы особо подчеркнуть, что на предварительном следствии нам необходимо вернуться к таким понятиям, как совестливость, нравственность, профессиональная этика, порядочность...». За прошедшие с момента его создания пять лет Следственный комитет занял достойное место среди других правоохранительных органов страны и стал мощной опорой Президента и Правительства в борьбе с коррупцией, грозой для нарушителей закона.

Главной и основной задачей следствия, как и раньше, остаётся расследование преступлений и соблюдение принципа неотвратимости наказания. И в этой связи перед моим мысленным взором встают две дороги: по одной из них вдаль убегает с места происшествия совершивший его, по другой – спешат те, кому надо остановить, обезвредить силу, ставшую опасной для людей. Обе дороги обязательно пересекутся, каким бы долгим и трудным ни был путь к этому перекрёстку, как бы искусно ни маскировался убегавший.

Исторически преступления существуют со времени появления человечества, с библейских времен Каина, убившего своего брата Авеля, тогда же и возникла необходимость в их расследовании. Следствие на Руси всегда было дотошным, и профессия следователя, одна из древнейших, безусловно, очень интересная и увлекательная. В разные времена отношение к ней менялось, но при любом обществе она была востребована.

Следствие является, по-моему, наукой о поведении человека, исследующей криминальные помыслы и поступки человека, когда над ним берут верх и возобладают низкие и тёмные инстинкты и страсти, приводящие его, прежде всего, к нравственному падению и совершению уголовного преступления. Романтический флёр профессии следователя, создаваемый и насаждаемый многочисленными детективными телесериалами, порой исчезает при соприкосновении с жуткой и грязной реальностью содеянных преступлений и встрече со зверьми в человеческом облике. В жизни всё далеко не так, как иногда показывают с экрана, где в конце фильма появляются титры, сообщающие нам, что все показанные события вымышлены автором и возможные совпадения носят случайный характер.

Действительность гораздо разнообразнее и может преподнести сюжеты, которые не придут в голову даже самому креативному сочинителю вымышленных криминальных историй, но даже и тогда следствие продолжает оставаться не менее интригующим и увлекательным занятием.

В одном из подаренных буклетов театра оперетты его художественный руководитель в автографической надписи подметил: «Встреча со следователем – это нечто вроде первой любви, правда, не всегда приятно, но волнующе обязательно!». Об этом и хотел рассказать на страницах предлагаемого сборника рассказов, в котором изменены лишь некоторые фамилии. Насколько это удалось, судить читателю.

Я хочу выразить глубочайшую признательность и благодарность за помощь в подготовке книги руководителю следственного управления СКР РФ по Пермскому краю генерал-лейтенанту юстиции Заббаровой Марине Николаевне, а также первому заместителю прокурора Пермского края, заслуженному юристу РФ, государственному советнику юстиции 3 класса Черкасову Владимиру Александровичу, почетному работнику прокуратуры РФ, государственному советнику юстиции 3 класса Фомичеву Виктору Владимировичу и доктору юридических наук, члену-корреспонденту РАЕН Попову Сергею Егоровичу.

Василий Рева

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ» УБИЙСТВО

Общеизвестно, что в России две беды — дураки и плохие дороги, но почемуто забывают ещё о третьей, даже не беде, а настоящем бедствии — пьянстве. Так повелось, что с петровских времён на Руси питие не считалось особым грехом. Этот порок, передаваемый на генетическом уровне (не всем, конечно), воистину неистребим, несмотря на проводимые властями регулярные антиалкогольные кампании и заклинания — хотя бы соблюдать культуру и меру потребления. Но что такое мера?! Её каждый понимает по-своему, её никто не устанавливал и размера не определял, для многих мерой была душа. В народе так и говорили — «душа-мера», что значило: пей, сколько хочешь и сколько сможешь. Ограничителем в этом случае выступало только одно, когда зелёный змий борол человека и тот засыпал пьяным, без сновидений, сном, или исчерпание запасов спиртного. Поэтому такие возлияния зачастую заканчивались ссорами, перерастающими в пьяные драки, и большинство тяжких преступлений, таких, как убийства и причинение телесных повреждений, происходили именно на этой почве.

В один из дней начала сентября 1973 года после работы ко мне, молодому начинающему следователю прокуратуры Дзержинского района города Перми, на квартиру заглянули мой шеф – прокурор района Магнутов Александр Васильевич и заместитель начальника РОВД этого же района – Колупаев Петр Максимович: оба старше меня, прошедшие войну фронтовики, уважаемые мной люди, у которых было чему поучиться. Имеющие богатый жизненный опыт, они были интересными собеседниками, которых я, младший по возрасту, слушал всегда с большим вниманием, набираясь ума. Как водится, мы сели за стол, они выставили на него бутылку водки, принесённую с собой, я собрал незатейливую закуску – огурцы, помидоры, хлеб. Не торопясь, выпили по одной, затем по другой стопке. Разговорились о делах.

Мужская компания в таких случаях сначала обсуждает дела на работе, потом переходит на обсуждение противоположного пола, а на последней стадии, когда выпито уже изрядно, разговор обязательно заходит о политике. Что касается политики, то обсуждать тогда было что. Накануне, 29 августа, в газете «Правда» было опубликовано открытое письмо членов Академии наук СССР с осуждением деятельности академика Сахарова А.Д. (так называемое «письмо сорока», по числу подписавших его академиков), а 31 августа в той же газете опубликовано было «Письмо писателей» с осуждением Сахарова и Солженицына, которые были названы духовными отщепенцами, занимавшимися подрывной деятельностью против нашего государства. При всем этом никак не сообщалось, в чём же конкретно заключалась антигосударственная позиция и деятельность обоих будущих Нобелевских лауреатов, что они предлагали и что делали, никому из нас доподлинно известно не было.

Наш застольный разговор о делах текущих был прерван звонком в дверь. Открыв её, увидел стоявшего на пороге начальника уголовного розыска района Александра Матрунчика, он был несказанно рад, что застал нас всех вместе. Случилось убийство, и, по действующим правилам, на место происшествия должны были выезжать помимо следователя прокуратуры обязательно прокурор района и начальник РОВД или их заместители. В нерабочее время приходилось объезжать всех перечисленных лиц по разным адресам и собирать, что занимало немало времени, к тому же на всех была одна дежурная машина, а тут такая удача — все в одном месте, никуда не надо больше ехать. Мы все встали из-за стола, не окончив разговор и никак не предполагая, что разговоры об академике Сахарове нам сегодня придётся слушать, но в другом месте и при других, не застольных, обстоятельствах.

Пока мы ехали, Матрунчик сообщил нам, что в котельной школы № 26 обнаружен труп бригадира Леонида Иванова, 43 лет, с множественными повреждениями тела и рублеными ранами головы: эксперты насчитали потом свыше восьмидесяти телесных повреждений. На месте был задержан находящийся в сильнейшей степени опьянения младший брат убитого — Николай Иванов, весь в крови и кровоподтёках. Иванов бывший офицер ВДВ, комиссованный из армии после неудачного приземления с парашютом, работающий в настоящее время на железнодорожной станции Пермь-2 помощником составителя поездов.

Вскоре мы прибыли на место происшествия – в небольшое подвальное помещение, прокопченное, везде уголь. На залитом кровью полу – труп окровавленного мужчины, кровь издаёт резкий, смешанный с водочным, запах. Тут же несколько пустых бутылок из-под спиртного и окровавленная лопата, явно побывавшая в деле. Осмотр не занял много времени, и, изъяв все необходимые вещественные доказательства и направив тело в морг, мы покинули место убийства. Подозреваемого уже доставили в медицинский вытрезвитель РОВД. Мы поспешили туда. Задержанный, крупный, крепко сбитый мужчина в возрасте 33 лет вёл себя буйно, пытался избить окружающих, поэтому его усадили на специальную скамью и привязали к ней. Судебно-медицинский эксперт зафиксировал на нём множественные кровоподтёки и синяки. Одежда его в пятнах крови и местами порвана. Сам он крайне агрессивен. Допрашивать его в таком состоянии мы не могли, но поговорить с ним нам ничего не мешало. Александр Васильевич, недолго думая, уселся рядом с ним, благо, на скамье было предостаточно места, и начал разговор о том, что произошло. Николай Иванов с глубоким возмущением рассказал, что пришёл к брату забрать секцию батареи, они выпили, снова сбегали в магазин, добавили. После нескольких бутылок спиртного у них зашёл разговор об академике Сахарове, и тут выяснилось, что его родной брат выступает против академика, тогда как он, Николай, наоборот его поддерживает, поскольку он идёт против власти правильно. Между ними завязался спор, переросший в драку, в которой он сначала бил старшего брата кулаками, а потом – лопатой по лицу. Свой рассказ задержанный обильно сдабривал грубой нецензурной бранью, возмущался, что его брат по взглядам оказался коммунистом, а их «грызть зубами надо», и тут он начал грозно и страшно скрежетать зубами, показывая, как это нужно делать. Магнутов поглаживал его по привязанной руке, пытаясь успокоить, но это ещё больше распаляло пьяного сторонника академика Сахарова, и он начал повторять всё снова. Картину эту нужно было видеть: солидный и статный, в красивом синего цвета мундире старшего советника юстиции, увешанном колодками фронтовых наград, мой уважаемый шеф и здоровенный, пьяный до изумления, убийца в изодранной одежде и крови, сидящие рядом. Такого больше не увидеть — никогда и нигде.

На следующий день шеф, как положено, отправил специальное сообщение в прокуратуру области о совершённом убийстве, позвонил в областное управление КГБ и сообщил о мотивах убийства. Я отправился в РОВД, где, по моим предположениям, подозреваемый уже должен был протрезветь. Теперь его можно будет допросить. Камера с задержанным находилась на первом этаже, а кабинет для допроса — на втором. Задержанного вели по коридору. Вид у него был ещё тот: лицо опухшее и в синяках, одежда изодрана и запачкана кровью, волосы всклокочены, босой (обувь потерял), с него вполне можно было писать картину — допрос коммуниста в колчаковской контрразведке. Немногочисленные посетители в коридоре шарахались от него во все стороны.

Объявил ему, что он допрашивается в качестве подозреваемого в убийстве своего старшего брата. Мужчину, как током пронзило, он ошарашенно закрывает лицо руками, его голова упала на стол. Прошла минута, другая. Он медленно поднял голову, лицо его стало белым как мел. На вопрос, что он может сказать по поводу возникшего в отношении него подозрения, тот посмотрел на меня глазами, полными ужаса: «Отпустите меня, я не могу говорить, ничего сейчас не помню. Дайте прийти в себя». Пришлось отправить его обратно в камеру.

Следствие по делу не было долгим. Мы нашли свидетелей, один из которых присутствовал при начале драки между братьями, а другой – при её окончании, когда убийца избивал ногами уже не подававшего признаков жизни брата. Приехавшим первыми на место происшествия медикам скорой помощи агрессивный подозреваемый заявил, что он убил своего брата, и так ему, мол, и надо. Были собраны и другие достаточные доказательства для направления дела в суд. Эксперты-психиатры признали Иванова вменяемым в инкриминируемом убийстве, указав, что преступление совершено им в состоянии обычного алкогольного опьянения.

Из управления КГБ прибыл сурового вида полковник в штатском. Двадцати минут общения с обвиняемым оказалось ему достаточно для того, чтобы понять, — перед ним обычный алкоголик, а не идейный враг Отечества. После этого он утратил к нему всякий интерес и отбыл.

Как известно, Каин убил своего брата Авеля из-за зависти. Была причина, по крайней мере. В гражданскую войну брат шёл брата убивать, но то была война, и не пьяные они шли друг на друга, а каждый за свою идею отдавал жизнь. Тоже была причина.

Произошедшее можно было рассматривать двояко: убийство произошло по политическим мотивам на почве разных взглядов потерпевшего и обвиняемого на деятельность уважаемого академика Сахарова, который, понятно, даже и не подозревал о противоположных политических пристрастиях братьев Ивановых, да и вообще не знал об их существовании. С другой стороны, нельзя было не понимать, что убийство произошло на почве пьяной ссоры (тут даже причина второстепенна и не столь важна) допившихся до «поросячьего визга» братьев: возможно, достаточно было «а ты меня уважаешь» как повода для того, чтобы выплеснуть пьяную, смертельно опасную агрессию. Однако в газетах писали об академике Сахарове... Но разве это причина убивать...

И в те же сентябрьские дни в далёкой и малоизвестной стране Чили, на другом континенте, произошёл государственный переворот, и было совершено политическое убийство законно избранного президента Сальвадора Альенде...

Приговором суда подсудимый Иванов Николай был осуждён за совершение убийства на почве ссоры к девяти годам лишения свободы.

КРАСИВАЯ КОЗА

Это преступление произошло 21 июля 1973 года в Индустриальном районе города Перми, когда семейная пара, жившая в обычной пятиэтажной «хрущёвке», после обеда вместе с дочерью собиралась пойти в магазин. Пока родители одевались, их шестилетняя дочка Лена отпросилась у них выйти на улицу, чтобы подождать их у подъезда. Через несколько минут вслед за ней отец и мать вышли на улицу, но дочери у подъезда не обнаружили. Обошли вокруг дом — безрезультатно. Игравшая во дворе подружка, ровесница их дочери Вера, сказала, что та ушла с каким-то дядей, одетым в синий форменный костюм, в сторону леса.

Родители стали метаться в поисках ребёнка по микрорайону. Отец девочки попросил соседа Сергея помочь ему в поиске исчезнувшей дочери. Они прочесывали окрестности уже почти час, когда увидели на тротуаре у остановки «Советская армия» незнакомого мужчину, который вёл за руку их дочь. Сосед оказался проворнее всех и первый подбежал к мужчине и девочке. Он спросил у девочки, где она разгуливает, ведь её отец ищет. Неожиданно для него незнакомец возмутился и заявил, что отец девочки – он. Сосед ответил, что сейчас станет ясно, кто тут папа, – настоящий-то уже идёт сюда. Услышав это, мужчина сразу рванул прочь, но Сергей, как оказалось, бегал быстрее, догнал и скрутил его. Подбежавшая мать схватила дочь. В тот момент Лена не сказала

сразу отцу и матери, что с ней делал чужой дядя (об этом она первой расскажет маме, но позже). Расскажи она обо всём тут же, не избежать бы пойманному самосуда на месте, и, возможно, это обстоятельство и спасло тогда ему жизнь. С педофилами на Урале не церемонились, поэтому дела такие попадались нечасто. Даже в исправительных лагерях к такой публике было особое, презрительное отношение со стороны других заключённых, они автоматически попадали в касту униженных — «машек» и изгоев. Участь их на зоне была очень незавидной.

Уже потом, на допросе, девочка рассказала, что у подъезда к ней подошёл незнакомый дядя в синей форме и, пообещав показать ей большую куклу, увёл в лес. Там, в кустах, он стал делать с ней что-то странное. Ей было больно, она плакала и просилась домой.

Возня троих мужчин не осталась незамеченной и привлекла внимание наряда милиции, проезжавшего мимо. Поэтому вскоре все участники происшествия оказались в дежурной части Дзержинского РОВД. Дела данной категории были в ведении следователей прокуратуры, поэтому через полчаса, по указанию прокурора района Магнутова А.В., поручившего мне разобраться в случившемся, прибыл в РОВД. Девочка к тому времени смогла связно рассказать родителям о том, что с ней делал чужой дядя в синей форме. В присутствии матери и срочно приглашённого педагога мы записали рассказ ребёнка в протокол допроса и сразу же направили девочку на судебномедицинскую экспертизу на предмет обнаружения следов насилия. Не теряя времени, пока всё свежо в их памяти, допросил папу и маму девочки, а также соседа Сергея. Затем очередь дошла до задержанного, тридцатилетнего Анатолия Гадюшкина, работавшего аккумуляторщиком в Пермском аэропорту. Внешне он производил неприятное впечатление: невысокого роста, худощавый, с прилизанными набок волосами, он бегающим взглядом напоминал загнанную в угол крысу. Он категорически отрицал свою причастность к совершению сексуального насилия и объяснял, что в лесу увидел испуганную заблудившуюся девочку, которая просила отвести ее домой к родителям. А тут его, «ни в чём не виноватого», ни за что схватили. И хорошо бы уже отпустить.

Только вот вел он девочку, по показаниям отца и соседа, в противоположную от их дома сторону. Кроме того, когда Гадюшкин уводил ребенка от дома, он был одет в полную форму работника гражданской авиации. При задержании на нём не было фуражки и пиджака, которые были сложены в портфель, с которым тот и был задержан. Поэтому легко, можно было предположить, что сделал он это отнюдь не случайно, а с целью изменить внешность. Пока мы разбирались с делом, поступил звонок от судебно-медицинского эксперта. Опытнейший специалист Югов Г.Г. сообщил, что осмотрел ребёнка и обнаружил телесные повреждения, которые свидетельствовали о совершении с ней полового акта в извращённой форме. Акт экспертизы в письменном виде Югов обещал прислать через несколько дней. Гадюшкин был отправлен в камеру предварительного заключения, несмотря на его бурные протесты.

Между тем возникла необходимость в правильном определении места совершения преступления, поскольку законом регламентировано производство расследования по территориальному признаку, а это значит, что следователь одного района не должен и не может расследовать дела о преступлениях, совершённых в соседнем районе, за исключением случаев, когда преступник совершил несколько преступлений на разных территориях. В нашем случае начато преступление было в Индустриальном районе, откуда подозреваемый увёл девочку, затем он отвёл её, перейдя через шоссе Космонавтов (границу двух районов), в Черняевский («Балатовский») лес, который находится в Дзержинском районе, то есть на обслуживаемой нами территории, где совершил своё гнусное дело. После этого он вновь вернулся с девочкой в Индустриальный район, где и был задержан. И теперь возникали вопросы по определению территориальной подследственности. Всё это могло бы напоминать кадры из фильма с участием Чарли Чаплина, в котором полицейские по очереди перемещают пьяного мужчину туда и обратно через улицу, чтобы он оказался на территории соседнего участка. Но наше дело было слишком серьёзным, чтобы на данном этапе следствия вести об этом спор. Опытный и мудрый прокурор Магнутов принял соломоново решение – с подследственностью и a территориальностью разберёмся потом, сейчас важно обстоятельства и собрать доказательства, подозреваемого отпускать нельзя, будем арестовывать его в порядке статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса, допускающего арест до предъявления обвинения на срок до десяти дней. Некоторые затруднения в расследовании вызывали показания потерпевшей: шестилетняя девочка, сильно напуганная, плакала и давала односложные и скупые ответы на наши вопросы, поначалу никак не позволяющие составить полную картину случившегося, да и что можно было требовать от малолетнего ребёнка, пережившего такой кошмар?. Шеф попросил меня отложить все остальные дела в сторону и сделать всё возможное для установления всех обстоятельств произошедшего и причастности к нему задержанного.

На следующий день вместе с начальником уголовного розыска района Александром Александровичем Матрунчиком мы направились в изолятор временного содержания и приступили к допросу Гадюшкина. В течение долгих часов он подвергался перекрёстному допросу, на котором никак не мог объяснить, почему и зачем оказался в районе, где жила девочка, зачем и для чего ходил в лес, и так далее. В его показаниях была масса нестыковок и оговорок, но изнасилование девочки Гадюшкин, тем не менее, продолжал категорически отрицать. На другой день всё повторилось сначала, только вопросы стали более наступательными и неожиданными, неудобными для подозреваемого. Ему было всё сложнее и сложнее уклоняться от ответов, и наконец, поняв, что попался на вопросах-ловушках и дальше пытаться водить нас за нос смысла нет, он начал рассказывать, как всё было на самом деле. Факт изнасилования он признал, но его оправдывает то, что был он

слегка выпивши и не контролировал себя. И вообще, другой бы на его месте мог убить девочку в лесу или, на худой конец, бросить её в лесу и скрыться, а он не такой – пожалел и не только оставил в живых, но и вывел к людям. Поэтому нужно дать ему возможность написать явку с повинной, чтобы это как-то было зачтено судом при определении ему меры наказания. Мы, естественно, не возражали. После написания Гадюшкиным явки с повинной составили протокол его допроса с признательными показаниями.

Личность обвиняемого нас заинтересовала особенно. Педофил – явление в то время редкое. Кроме того, изучение личности совершившего преступление является обязательным. Оказалось, что в областном центре он объявился около года назад, бросив в таёжном леспромхозовском посёлке жену с двумя маленькими детьми. Причину расставания с семьёй обвиняемый объяснить не пожелал. Он успел поработать в нескольких местах, и из характеристик, пришедших оттуда по нашему запросу, и, в общем, удовлетворительных, складывался образ обычного середняка, ничем особо не выделявшегося среди окружающих.

Только вот допрос брошенной жены внёс весьма неожиданные и существенные дополнения в характеристику Гадюшкина, вскрыв его сексуальные пристрастия. Сначала она пожаловалась, что тот был не прочь выпить, потом встречался с женщиной старше его по возрасту, и это в небольшом лесном посёлке, где все и всё знают друг о друге. Женщина ради детей многое терпела, но произошёл случай, переполнивший чашу её терпения, она выгнала мужа из дома, и тот уехал жить в Пермь. Год назад, летним вечером к ней пришла соседка Некина и рассказала, что услышала, как в сарае непрерывно ревёт её коза Дашка. Пошла посмотреть, и увидела пьяного Гадюшкина, абсолютно голого, который пристроился к её козе сзади. От козы она его отогнала, и теперь он голый бегает по огороду. Жена после рассказа Некиной выглянула в окно и увидела, что её муж бегает в чем мать родила и матерится на чем свет стоит.

Соседка была солидной и рассудительной женщиной бальзаковского возраста, главным бухгалтером леспромхоза. Она рассказала, что у них около дома стоит сарай – на двоих с Гадюшкиными. Там они держали своих двух коз, разделив их перегородкой, – её козу Дашку и соседскую. А после того, как его застукали на месте преступления, на вопрос, чего он к её козе Дашке лезет, Гадюшкин ответил: «Что, тебе козы жалко, что ли?»

Беготня пьяного матерящегося Гадюшкина нагишом была квалифицирована как бытовое хулиганство. Законодательством не было предусмотрено ответственности за скотоложство или за жестокое обращение с животными.

Следствие подходило к завершению. Было получено заключение судебнобиологической экспертизы, установившей наличие на трусиках девочки спермы, которая могла принадлежать обвиняемому. Эксперты-криминалисты установили также наличие микрочастиц одежды потерпевшей на брюках обвиняемого и, наоборот, микрочастиц его брюк на одежде девочки, что подтверждало их контакт. К окончанию следствия Гадюшкин отказался от своих признательных показаний, заявив, что написал явку с повинной из жалости к следователям. Не знаю, почему он решил, что следствие нуждается в его жалости, впрочем, чего не сделаешь, чтобы избежать наказания, каждый защищается, как может. Дело было направлено для рассмотрения по существу в Пермский областной суд и рассматривалось дело под председательством опытного члена областного суда Василия Яковлевича Садовенко, который до этого уже рассматривал некоторые расследованные мной дела. Когда была возможность, я посещал такие процессы, а после их окончания обращался к председательствующим с просьбой указать на имеющиеся недостатки следствия, если таковые были обнаружены. Особенно важно мне было услышать мнение судей областного суда, как наиболее опытных и квалифицированных специалистов. Высказанные в доброжелательной форме замечания очень помогали в дальнейшем избежать недоработок при расследовании последующих дел. В результате подобного общения выстраивались добрые и деловые отношения, которые шли только на пользу общему делу – борьбе с преступностью.

На процессе по делу Гадюшкина побывать не удалось из-за загруженности другими делами. Но спустя какое-то время после окончания процесса удалось встретиться с председательствующим Садовенко. Тот рассказал мне, что замечаний по качеству ведения следствия у него не возникло, но процесс, в силу самого характера дела и позиции, занятой подсудимым, шёл очень сложно и напряжённо. Гадюшкин вёл себя агрессивно, всё подряд отрицал, менял показания, пытался воздействовать психически на девочку, которая продолжала его бояться и плакала. Садовенко был вынужден удалить подсудимого из зала, после чего стал возможен допрос ребенка, и девочка рассказала о произошедшем с ней судьям. Обстановка была угнетающая, но в конце концов разрядилась и случилось это, когда суд подошёл к рассмотрению эпизода с козой Дашкой. Гадюшкин и данный эпизод отрицал. Показания в суде давала хозяйка козы. Она подробно рассказала о произошедшем. И тут упорно отрицавший все подсудимый имел неосторожность задать ей вопрос: «Объясните, почему я насиловал вашу козу, когда моя собственная рядом стояла?» Женщина на минуту задумалась, а потом задорно и громко ответила: «Так понятно же почему. Значит, моя коза красивше вашей». На лицах присутствующих в зале впервые появились улыбки. Подсудимый был приговорен судом к десяти годам лишения свободы. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

ДЕСЯТОЕ НОЯБРЯ

В этот день вся милиция страны Советов отмечает свой профессиональный праздник: проводится торжественное собрание в Кремлёвском дворце съездов, на котором присутствуют первые лица государства, после чего даётся праздничный концерт с участием известных артистов, он транслируется по центральному телевидению на всю большую страну. Исключением стал только 1982 год: в этот день умер генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, и в стране был объявлен государственный траур.

На местах, в райотделах милиции, тоже всегда отмечали этот праздник, объявляли приказы о награждении отличившихся, как водится, местными силами организовывали концерт, после чего было непременное застолье, понятно, что не такое, как в Москве, но тут, как говорится, и труба пониже, и дым пожиже. Но даже и в этот праздничный день никто не в силах был отменить совершаемые преступления.

10 ноября 1973 года в линейном отделе милиции на станции Пермь-2 отмечали свой профессиональный праздник. После торжественной части было организовано небольшое застолье, и около десяти часов вечера народ стал расходиться. Два младших инспектора уголовного розыска вышли из отдела милиции и направились к остановке общественного транспорта. По дороге им навстречу шло несколько молодых мужчин. По какой-то причине, которую никто так и не смог потом объяснить, сначала началась словесная перепалка между одним из инспекторов и молодым парнем, а после чего тот неожиданно достал нож и ударил им инспектора один раз в левое бедро. К несчастью, в общем-то, как казалось, несмертельная рана, оказалась смертельной, поскольку задела основную кровяную артерию. Парень убежал, а инспектор истёк кровью, и подъехавшая через двадцать минут Скорая помощь зафиксировала смерть молодого цветущего мужчины. Так трагически, ни за что, погиб сержант Мелихов.

Менее чем через час мы уже были на месте происшествия: огромная лужа крови на месте гибели милиционера и, как приложение к ней, большое количество высоких милицейских чинов, не имеющих к следствию никакого отношения, но отвлекающих и мешающих. Закончили осмотр, который мало что дал для розыска преступника, поскольку всё, что можно было затоптать до нашего прибытия, было затоптано. Попутно мы выяснили, что, примерно, в то время, когда произошло преступление, с центрального железнодорожного вокзала города отправлялся целый эшелон с призывниками в Приморье.

На станции вместе с провожающими на тот момент ориентировочно находилось не менее двух тысяч человек, а так как одна из версий - преступление могло быть совершено кем-либо из призывников и их провожающих, то быстро установить

личность каждого из них и опросить их - задача сложная, требующая значительного времени и большого количества работников милиции и следствия.

Эшелон с призывниками к тому времени уже отмерял километры пути, удаляясь от нашего города. Малочисленная оперативная группа успела сесть в эшелон для опроса будущих защитников отечества, но её полномочия были ограничены пределами Пермского отделения железной дороги, и через несколько часов, на следующей станции, они вынуждены были покинуть поезд. Понятно, что они не успели сделать за это время практически ничего из того, что позволило бы пролить свет на произошедшее преступление. Кроме того, в эшелоне ехали в основном изрядно выпившие молодые парни, некоторые с трудом могли вспомнить свои имя и фамилию. Достаточных сил для отработки и проверки такого количества народа, находящегося в эшелоне, у нас просто не было.

Что же касается местных бродяг и прочей странствующей и праздно шатающейся публики, имеющих обыкновение отираться около вокзала, то за них взялись понастоящему. Облавы следовали одна за другой, и весь этот отловленный люд проверялся на причастность к совершению преступления самым серьёзным образом.

Однако время шло, но, несмотря на большую проделанную работу, преступление оставалось нераскрытым. Затем следствие по делу было приостановлено в виду не установления лица, совершившего преступление, но розыск, тем не менее, продолжался. Лишь через пять лет, прошедших после убийства, наконец, был обнаружен преступник - им оказался один из призывников, который в том поезде благополучно отбыл к месту несения срочной военной службы, отслужил и вернулся обратно в Пермь. Фамилия его имелась в списках призывников, которые продолжали отрабатываться на причастность к смерти инспектора. Он был осуждён на 10 лет лишения свободы.

За годы работы следователем пришёл к выводу, что, за редким исключением, можно раскрыть любое преступление, но для этого, помимо высокой профессиональной подготовки ведущих следствие и осуществляющих розыск, требуется порой привлечение больших сил и ресурсов и, конечно, терпение и время. Последнее особенно.

Ровно через семь лет после описанных выше событий - 10 ноября 1980 года, когда я находился у себя на работе в кабинете криминалистики областной прокуратуры, поступило сообщение об обнаружении трупа шестилетней девочки, Лены Вязиковой, на станции Менделеево Карагайского района, что в более чем сотне километров от областного центра - на запад. Поскольку преступление было не раскрыто, т.е. носило неочевидный характер, созвонился с начальником управления уголовного розыска Я.А. Вагиным. Он, как и положено ему по службе, уже был полностью в курсе происшедшего. Договариваемся с ним, что в район совершённого убийства вместе со мной прямо сейчас выезжает и работник областного управления

- подполковник Владимир Полыгалов, имеющий многолетний успешный опыт по раскрытию убийств. Мы с ним прекрасно знакомы по совместной работе и вскоре на обычной электричке, посчитав это самым быстрым способом добраться до места расследования за два часа, прибываем на станцию Менделеево. Там находим участок милиции и застаём местного участкового, лет сорока пяти, одетого в форменный полушубок без погон, и в валенках. Видно, что он уже отметил свой профессиональный праздник, но на ногах держится крепко, выдаёт его только свежий запах только что выпитой водки и несколько заторможенная речь, впрочем, он при нас старается избегать говорить и дышать перегаром. Меня и Полыгалова задевает такое его состояние - надо делом заниматься, а не водку пить, но нет времени для выяснения отношений. Про себя решаем, что потом с ним разберёмся. Предлагаем ему провести нас к месту происшествия. Он нас ведёт почти километр от станции, в лесопосадки вдоль железной дороги.

В лесу уже лежит небольшой снег, сильно похолодало, вдобавок начинает усиливаться пронизывающий северный ветер. Труп ребенка до нашего приезда уже отправлен в районный центр - село Карагай в морг для вскрытия. Участковый нам рассказал, что мать девочки, одинокая женщина, по просьбе её подруги, проживающей в железнодорожной казарме на западной окраине станционного посёлка, отпустила дочь к ней погостить на праздники. Трудно понять, чем руководствовалась мать погибшего ребёнка, отправляя его к чужим людям, за что и была страшно наказана. Оттуда девочка и была уведена преступником, почти на километр от казармы, о чём свидетельствовали имеющиеся рядом следы – девочки и убийцы - на свежевыпавшем снегу.

Девочка была обнаружена полностью раздетая, на шее - затянутая петля из шарфа, с повреждениями в области промежности, это давало основание предполагать, что в отношении неё было совершено также и насилие. Одежда девочки лежала рядом. От трупа девочки шли следы обратно - убийца, судя по ним, вновь вернулся в казарму, но уже без девочки. Нам становится ясно - убийца был среди находящихся в казарме, деревянном бараке с общим коридором и отдельными комнатами, и с её обитателями нам предстоит серьёзно поработать. Когда мы возвращаемся, наступают сумерки. Я и Полыгалов выехали прямо из кабинетов, одетые не попоходному, сильно замёрзли, пройдя два километра в лёгких туфлях по снегу и на ветру. Окоченевшие, мы начинаем понимать участкового, который до нас уже полдня провёл на месте происшествия, и претензии к нему исчезают сами по себе. Просим его помочь нам приобрести пару бутылок водки в единственном местном магазине - не для того, чтобы отмечать День милиции, а для того чтобы согреться и не заболеть, и организовать транспорт в морг, до которого ехать ещё более десяти километров.

Бывалый участковый всё понимает, с заднего хода попадает в магазин и вскоре выходит оттуда уже со спрятанным в карманах полушубка дефицитом.

Поблагодарив его, тут же садимся в подъехавшую машину и следуем в морг, где после нашего прибытия судебно-медицинский эксперт начинает вскрытие тела девочки. Через час он выдаёт результаты вскрытия — девочка скончалась от механической асфиксии - удушение петлёй из шарфа, кроме того, имеются поверхностные повреждения половых органов, но признаки изнасилования отсутствуют.

Перед самым окончанием исследования в морг заходит прокурор Карагайского района Махмуд Усманович Латыпов и районный следователь — Богомолова Анна Алексеевна. Приветствуем друг друга. Неожиданно Латыпов вызывающе и недовольно спрашивает, по какому праву мы занимаемся делом, которое находится у них в производстве. Сдерживаюсь, чтобы резко не ответить и не поставить его в неловкое положение в присутствии судебно-медицинского эксперта и подчиненного следователя, спрашиваю, раскрыто ли дело. Он отвечает, что нет.

Объясняю ему, что мы прибыли сюда для оказания практической помощи в преступления, которое они сами раскрыть пока не могут. Кроме того, как прокурор-криминалист, согласно уголовно-процессуальному кодексу, обладаю функциями надзирающего за следствием прокурора вышестоящей областной прокуратуры, с правом производства всех следственных действий, поэтому прошу предоставить мне для ознакомления все имеющиеся материалы следствия. Латыпов ссылается на то, что они целый день со следователем занимаются только этим делом. Отвечаю, вот и отлично, посмотрим, что сделано за день, в каком направлении ведётся следствие. Латыпов, по-видимому, понял, что переборщил, - подобное поведение мы между собой называли «воинствующий провинциализм» или «местечковый провинциализм». Происходило это, порой, от непонимания сложившейся ситуации и, как правило, из-за завышенной самооценки своих возможностей и излишней амбиции. Каждый должен знать, что он может и что не может. Тон его сменился. Выяснив, что мы никуда не собираемся уезжать, пока не раскроем дело, он под предлогом заботы о нас, отдыха и позднего времени пытался уклониться от передачи материалов, но я был непреклонен - приехали сюда не отдыхать, а работать.

Забрав материалы дела, прибыли в гостиницу, по дороге успели купить в магазине райцентра буханку чёрного хлеба, весь наш ужин на двоих - за неимением ничего другого съедобного в торговой точке. Гостиница была новая и только недавно открылась, поэтому нас ждал сюрприз — температурный. Холодина была в ней необыкновенная, даже стены её казались ледяными, единственное, что вода не замерзала. Потребовав по три одеяла и закутавшись в них, выпив, для согрева, водки с кипятком и закусив тем, что послал бог в местный магазин, мы приступили к изучению полученных материалов.

Материалы состояли из полутора десятков листов, в основном с краткими объяснениями. Отдельные объяснения были настолько короткие, что стало понятно – всё надо начинать выяснять сначала. Ни одной бумаги, составленной прокурором, я не обнаружил. Какой-либо общей картины после прочитанного дела составить не удалось. К двум часам ночи, покончив с материалами, решаем следующий день начать с допроса находящихся в казарме: оттуда была уведена девочка, туда же и вернулся убийца.

Задача представлялась нам не сложной, поскольку в то время там находилось всего восемнадцать лиц мужского и женского пола, в основном, в состоянии беспробудного многодневного праздничного запоя. Среди них и нужно было отыскать убийцу. Составив список находящихся в казарме, с утра следующего дня начинаем допросы этих лиц. Выясняется, что добрая половина обитателей барака в то время, когда девочка исчезла, приняв вовнутрь очередную дозу алкогольной дури, спали беспробудным сном и по этой причине ничего не могли пояснить.

В течение четырёх часов допрашиваю двадцатилетнею девушку, она ранее уже была опрошена, но никаких объяснений, кроме того, что была пьяна и ничего не помнит, тогда она не дала. Сейчас, хоть она и с явного похмелья, тем менее, какието проблески памяти у неё появляются. Она вспоминает, что в казарме, кроме постоянно проживающих там, объявился какой-то приблудившийся детдомовец из Тулы, лет шестнадцати. Он уходил из помещения с потерпевшей девочкой и после этого она её больше не видела. Рассказала она ещё, что в бараке была больная кошка и этому парню предложили её ликвидировать. Парень, недолго думая, взял эту кошку за задние лапы и при всех размозжил голову домашнему зверьку, ударив об угол дома. Кошка успела его поцарапать, у парня пошла кровь из кисти правой руки, и когда парень открывал дверь, то пораненной рукой испачкал её, оставив кровавое пятно.

Вместе со следователем Богомоловой мы изымаем первую улику - образец крови подозреваемого, фамилии и имени, которого пока ещё не знаем. Во время допроса несколько других свидетелей вспомнили имя этого парня — Гена, описали его приметы. Это уже кое-что. Запрашиваем тульских коллег. Вскоре приходит ответ - такой несовершеннолетний беглец имеется, сообщаются его анкетные данные и прилагается фото. Проблема только в том, что местонахождение его неизвестно. Поскольку все данные его имеются и даже группа крови установлена, он объявляется во всесоюзный розыск. Подобный розыск - серьёзное мероприятие, и спустя месяц он был задержан в средней полосе России на одной из железнодорожных станций. Доставленный спецконвоем, он ничего и не думал отрицать. Мотив убийства объяснил просто: девочка ему не понравилась, и он решил её убить, для этого увел её из казармы, раздел и задушил, а, чтобы поиздеваться над ней, повредил её промежность. Выведенный на место преступления, он повторил свои показания.

Суд определил ему максимально возможную меру наказания, приговорив к десяти годам лишения свободы. Совершенно разные преступления, но произошли они в один и тот же праздничный ноябрьский день.

ШИЗОФРЕНИЯ

В конце дня 8 апреля 1976 года рейсовый самолёт Аэрофлота, в котором я летел из Ташкента, благополучно приземлился в Пермском аэропорту Большое Савино: закончилась моя командировка в Узбекскую ССР продолжительностью в триста одиннадцать дней. Там, в составе следственной группы, возглавляемой начальником следственной части прокуратуры Союза ССР Германом Каракозовым и известным следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР Юрием Зверевым, я принимал участие в расследовании уголовных дел о получении взяток и злоупотреблениях партийно-советскими и судебными работниками этой азиатской республики.

А в день вылета, рано утром, я был разбужен в гостинице «Россия» землетрясением: кровать, на которой спал, двигалась то в одну, то в другую сторону, а само здание гостиницы стало трясти. К счастью, всё обошлось и осталось позади, в том числе и колорит солнечного Востока с прекрасной цветущей столицей республики, но это, как говорится, другая история, и о ней я напишу позже и отдельно.

До отъезда в командировку я состоял в должности районного следователя, а по возвращении из неё я узнал, что, будучи ещё в командировке, назначен на должность старшего следователя прокуратуры области. Это было неожиданно и вместе с тем приятно, как-никак, и прибавка к зарплате в пятнадцать рублей к имеющимся ста пятидесяти, и продвижение по службе.

Как приложение к новой должности мне сразу же было поручено нераскрытое уголовное дело об убийстве 7 апреля 1976 года девятиклассницы Вали Щербининой в частном жилом доме, находящемся в Кировском районе города Перми. Труп её был обнаружен в сенях дома, со связанными за спиной верёвкой руками. Смерть её наступила от пятнадцати ножевых ранений в сердце, одно из них было сквозным. Тело девочки обнаружила мать, пришедшая вечером с работы. Из дома были похищены деньги — четыре рубля и библиотечная книга «Соседи». Убитая школьница характеризовалась исключительно положительно: скромница, отличница, умница. Жили без отца. Недоброжелателей, врагов не имела. Предстояло понять, кому могла помешать девочка-подросток, и за что с ней так жестоко расправились.

По нераскрытым тяжким преступлениям обычно формируется следственнооперативная группа, состоящая из следователя, имеющего уголовное дело в производстве, и работников уголовного розыска. Раскрытие подобных преступлений требует большого и напряжённого коллективного труда. Из управления уголовного розыска УВД для оказания помощи в раскрытии данного преступления направляют оперуполномоченных капитана Виктора Кряжевских и старшего лейтенанта Ивана Доцяка. С первым я уже знаком по совместной работе по предыдущим делам, с Доцяком же знакомимся в ходе работы по этому делу.

На месте происшествия - в доме был обнаружен пепел от папиросы. Получается, что преступник проник в дом и там курил. Во дворе дома имелась небольшая собака, но она не лаяла. Возможно, этот кто-то - знакомый семьи, но семья жила замкнуто, гости их не посещали. Между тем к заместителю начальника РОВД Николаю Беспалову обратился один из бывших милиционеров медвытрезвителя, который рассказал о давнем странном разговоре, произошедшем между ним и сержантом Геннадием Горбуновым, командиром отделения того же медвытрезвителя.

По его словам, они как-то вечером вместе выпивали. Разговор неожиданно зашёл об убийствах. Своё мнение высказал и Горбунов: «Если уж убивать, так ножом, и для верности - в сердце, ударить десять - двадцать раз». По тому, как он серьёзно это сказал, собеседник понял, что сказано им это не шутя, неспроста и обдуманно. Узнав именно о таком способе убийства девочки, подумал, уж не Горбунова ли это дело рук.

Наводим справки о Горбунове: он уже как три месяца уволился с работы и неизвестно где обитает, а ещё в отношении него возбуждено уголовное дело за совершение угона автомобиля «Москвич-408» 26 марта 1976 года, и была избрана мера пресечения - подписка о невыезде. В угнанном автомобиле не было аккумулятора, и для того, чтобы его заполучить, Горбунов вскрыл соседний гараж, снял аккумулятор с другой машины и поставил его на угнанную машину. После этого гараж закрыл на принесённый с собой замок, поэтому угон автомобиля был обнаружен не сразу. Проживал он у своей тёти в частном доме, в нескольких кварталах от места убийства.

Прошу оперативников найти Горбунова и доставить на допрос. Это оказалось непросто - он куда-то успел скрыться. Начинаем его розыск, 15 апреля Горбунова задерживают – из-за совершённого им ночного поджога квартиры. В ней проживала его знакомая Коротова, у него с ней были близкие отношения, пока она не ушла к другому.

На первом допросе двадцатипятилетний Горбунов, ладно скроенный, выше среднего роста, отрицает напрочь какую-либо причастность к совершению убийства незнакомой ему девочки. Рассчитывать на то, что он просто так будет признаваться,

не приходится: он прошёл курсы подготовки младшего состава органов внутренних дел, и обладает определёнными специальными знаниями. Нужны доказательства.

Изымаем у него всю одежду, которую он носит. На его брюках эксперты обнаруживают человеческую кровь, происхождение её он не может объяснить. Эксперты-криминалисты обнаруживают на одежде убитой девочки множественные волокна одежды, принадлежащей Горбунову. На самой одежде Горбунова также имеются волокна ткани пальто, платья, перчаток потерпевшей. Это доказательство того, что одежда и подозреваемого, и жертвы соприкасалась. Горбунов, понимая, что улики против него серьёзные, начинает давать показания: он действительно был на месте убийства, но якобы в роли стороннего наблюдателя, при котором убили девочку. Называет клички трёх убийц, которые якобы совершили на его глазах преступление.

Устанавливаем, что клички двух названных им якобы убийц выдуманы им, таких лиц не существует, а третий – реальный уголовник, уже как год отбывающий срок, в колонии соседней Свердловской области, в бегах тот не значится. Между тем его показания о фактических обстоятельствах совершения убийства, при котором он якобы только присутствовал, полностью соответствовали установленной по делу – протоколом осмотра, заключениями экспертиз, показаниями свидетелей - картине произошедшего, знать детали убийства мог только человек, непосредственно совершивший это злодейство.

Поскольку названные им три лица не могли иметь никакого отношения к данному делу, продолжаем интенсивные допросы подозреваемого, составляя многостраничные протоколы допросов. Наконец, до него доходит, что деваться-то ему некуда. Тогда он заявляет, это убийство он совершил из-за Коротовой, в которую он влюблён, и готов всё рассказать, но только в её присутствии. Это его условие. Получается, всё как во французских детективных романах: «Cherchez la femme» - ищите женщину.

Семнадцатилетняя Коротова, девушка хоть и не очень большого ума в силу своего юного возраста, но зато обладательница пышных и соблазнительных форм. Во время допроса рассказала нам, что она действительно какое-то время встречалась и даже была в близких отношениях с Горбуновым, когда тот работал в милиции, но затем ушла от него к другому парню. Горбунов её преследовал, поймав её в подъезде дома и ударив металлическим болтом, разбил ей в кровь голову. На её крики даже выбежали из квартир жильцы. Но и после этого он продолжал её преследовать и угрожал убить. Она дала своё согласие присутствовать на допросе. Единственное, что требовалось от неё при этом следственном действии, - сидеть и слушать, не раскрывать рта, не вступать в диалог.

Допрос, который затянулся на много часов, был монологом одного «актёра» – подозреваемого Горбунова. В первой его части тот предъявил все свои претензии к

возлюбленной, которая, по его словам, испытывала его терпение и унижала его, изменяя с другими парнями. Довела его до такого состояния, что он решил её убить. И далее: «Но мне трудно это было сделать, я сам плохо понимал, я ненавидел её за обман, за то, что она оказалась такой бездушной, но продолжал любить её. Это больше всего меня и мучило. Я чувствовал, что не смогу ничего сделать с ней, даже ударить её у меня не хватило бы духа. Тогда-то я нашёл, как мне показалось, выход. Я читал, что человек, когда убивает другого, первый раз всегда мучается, а потом звереет, и это для него становится привычным. Я решил ожесточить себя, убив коголибо, считал, что после этого, наконец, ненависть победит любовь, и я смогу, наконец, отомстить Коротовой за тот обман и насмешки. Для этой цели я и изготовил нож, которым потом была убита девчонка. У меня не было никакого опыта для такого дела, но я понимал одно, на улице мне будет трудно это сделать, для меня не так просто подойти и ударить человека ножом. Я решил, что лучше всего подкараулить кого-нибудь у себя дома, во дворе или ограде. Это оказалось тоже непростым делом, надо было узнать, в каком именно доме никого не окажется. Я выбрал дома на окраине посёлка, несколько раз бродил там, пока не встретил старика, и от него узнал, что в соседнем доме никого из хозяев нет. Несколько раз мне хотелось отступиться, бросить это дело, но в голове тогда засела только одна мысль, я должен стать жестоким, чтобы отомстить Коротовой, а выход видел только в одном, ожесточить себя, убив человека. Вот так я и оказался в том доме, где совершил преступление, то, что жертвой оказалась именно эта девочка, это просто роковая случайность, на её месте мог оказаться кто-нибудь другой».

Далее Горбунов подробно, в деталях, и достаточно долго описывал, как он совершил убийство Щербининой (допрос его фиксировался на магнитофонную ленту). Слушая его откровения, Коротова сжалась и оцепенела. Она не только была ошарашена услышанным, но и была до смерти напугана, до неё наконец-то дошло, кто был возле неё, и, не арестуй мы его, она должна была бы неминуемо стать следующей его жертвой. Мотивы совершения им убийства девочки, неповинной ни в чём, ни перед ним, ни перед кем-либо ещё, с трудом укладывались в голове.

На следующий день выезжаем на следственный эксперимент - проверку показаний подозреваемого на месте преступления. Горбунов указывает место совершения преступления, поясняет, что в поисках жертвы, ещё до совершения убийства, познакомился с другой девушкой в том же микрорайоне, зашёл к ней в дом (дом он указал при выезде на место) под предлогом поиска жилья. Они мило посидели и поболтали, послушали музыку, он даже продемонстрировал имеющийся у него револьвер системы «Наган». Рассказал, что его разыскивает милиция. Та девушка ему чем- то даже понравилась, и он «передумал её убивать». Так жертвой оказалась другая.

Девушка, некая Боркова, о которой рассказал Горбунов, была нами без какоголибо особого труда найдена и допрошена в качестве свидетеля. Она подтвердила свою встречу с Горбуновым и дополнила, что видела его снова на улице - после того, как стало известно об убийстве школьницы. Шутливо помахала ему ручкой и бросила: «Привет, бандит...», как будто продолжала с ним какую-то весёлую детскую игру в прятки. В голову ей даже не пришла мысль, что надо бы сообщить в милицию о странном визите незнакомца, заявившего, что он находится в розыске и имеет при себе боевое оружие, и не скрывавшего своего имени. Зачем себя утруждать.

Последние три месяца Горбунов нигде не работал, и всё это время, образно говоря, сидел «на шее» у своей тёти и её мужа Германа Ивановича, которые тоже были допрошены по делу. Последний пояснил: «Я как-то однажды поинтересовался, почему он нигде не работает и собирается ли устраиваться на работу. Гена ответил, что-то невразумительное, а допытываться я не стал, неудобно...» Безусловно, жить по принципу «моя хата с краю» гораздо удобнее. Такое безразличие окружающих, нежелание обременять себя чем-либо и помогают во многом всякому преступному сброду вершить свои тёмные дела. К сожалению, с этим в повседневной работе по раскрытию и расследованию тяжких преступлений приходилось сталкиваться довольно часто. И это тоже нередко способствует совершению тяжких преступлений. Может быть, из-за равнодушия, душевной лености людей, проходящих по делу как свидетели, пятнадцатилетняя Валя была обречена на случайную, нелепую гибель...

Между тем нам предстояло найти орудие убийства — нож. Ещё неделя допросов и какого-то непонятного и бессмысленного запирательства обвиняемого по этому поводу: не помню, выбросил или - потерял. По сути своей выдача или не выдача ножа уже ничего не могли изменить в этом деле. На очередном допросе происходит перелом, и Горбунов «вспоминает» - нож он спрятал на чердаке дома тёти, где проживал, и выражает готовность отдать его нам.

Вновь выезжаем - на место его жительства. Проходим во двор дома, на его чердаке должен быть спрятан нож, и видим — туда нужно подниматься по приставной деревянной лестнице. Поднимаюсь первым, за мной - Горбунов, затем - Доцяк и двое понятых преклонного возраста. Кряжевских и проводник с огромной кавказкой овчаркой остаются внизу. Горбунов уверенно проходит в левый угол чердака и шарит рукой под бревном перекрытия - в насыпанном там шлаке. «Нащупал, - раздаётся его голос, - Доставать?» И, не дожидаясь ответа, достаёт нож с длинным и остро заточенным с двух сторон клинком. Держа нож за рукоятку, Горбунов поворачивается и подходит почти вплотную ко мне. Лезвие ножа - в нескольких сантиметрах от моего лица. Внутренне я похолодел и проклял дурацкое положение, в котором оказался по собственной неосмотрительности: обвиняемому ничего не стоит, вместо того, чтобы отдать нож, ударить им, а чердак слишком тесен,

чтобы увернуться. Краем глаза заметил, что Доцяк ещё не осознал серьёзности ситуации, в которую мы попали, - он даже не расстегнул пальто, под которым у него находилась кобура с оружием.

- Нож сюда, - командую Горбунову, тот покорно передаёт его мне. Потом уже, сидя в машине, когда нож, упакованный и опечатанный, лежал на дне моего портфеля, вновь пережил произошедшее. Конечно, Горбунов не смог бы сбежать, натасканная овчарка догнала бы его и обезвредила, но разве можно было так опрометчиво ставить под угрозу жизнь понятых, Ивана, да и свою тоже. Ведь всё можно было бы сделать иначе и без всякого риска. Да, мы могли сделать всё иначе. А у погибшей Вали Щербининой такой возможности не было...

Нож сразу направляю на экспертизы. Эксперты-биологи обнаружили на нём кровь, которая могла принадлежать потерпевшей девочке. Судебно-медицинский эксперт пришёл к заключению, что ножевые ранения потерпевшей нанесены именно таким ножом. Эксперт-криминалист установил, что данный нож изготовлен самодельным способом по типу кинжалов и является холодным оружием колющережущего действия.

В школьной библиотеке изымаем формуляр девочки, из которого видно, что незадолго до своей гибели она получила там книгу «Соседи», которая не возвращена. На допросе Горбунов пояснил, что эту книгу он унес с собой после совершения убийства, прочёл её и сжег, с тем, чтобы не оставлять улику. Он сумел правильно пересказать содержание книги повествующей о работе милиции. Поэтому с целью проверки его показаний решаем провести опознание этой книги. Для этого обратился к директору Пермской областной библиотеки, с просьбой выдать экземпляр аналогичной книги на время проведения следственного действия. Велико было удивление убийцы, который, среди одинаковых по формату книг, сразу же опознал похищенную им книгу «Соседи». В присутствии понятых он взял книгу в руки и спросил – Как вам удалось найти эту книгу, ведь я же её сжег?

Провели также опознание Горбуновым собаки, которая находилась во дворе дома потерпевшей, и которая пропустила убийцу в дом. Среди трех почти одинаковых собак, убийца безошибочно указал на ту, которая беспрепятственно впустила его на место убийства.

Также в процессе расследования устанавливаем факты спаивания Горбуновым знакомого ему несовершеннолетнего Мулева и изымаем револьвер системы «Наган». Эксперты-баллисты признают наган исправным и пригодным для стрельбы. Судебно-психиатрической экспертизой обвиняемый был признан вменяемым во время совершения инкриминируемых ему преступлений. Всего Горбунову предъявляется обвинение по двенадцати статьям уголовного кодекса (убийство, покушение на убийство, угроза убийством, изготовление и ношение холодного оружия, ношение огнестрельного оружия, кража, разбой, угон

автомобиля, уничтожение личного и государственного имущества путём поджога, вовлечение несовершеннолетнего в пьянство).

В конце июля дело направляется для рассмотрения в Пермский областной суд. Однако суд усомнился во вменяемости подсудимого и назначил повторную судебнопсихиатрическую экспертизу, поручив её производство экспертам-психиатрам Института судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Через три месяца дело возвращается в суд вместе с заключением экспертов, которые пришли к выводу, что Горбунов был невменяем во время совершения всех преступлений, поскольку страдает психическим заболеванием — шизофренией, и нуждается в прохождении лечения в больнице специального типа для лиц, совершивших опасные преступления.

При первой же возможности я в суде ознакомился с заключением московских психиатров. Их аргументация не показалась мне убедительной - там имелась ссылка на то, что когда-то подсудимый во сне видел оскаленную волчью морду(?!). Во время следствия, многочасовых допросов Горбунова и выездов с ним по местам совершения преступлений у меня сложилось впечатление, что имею дело со вполне нормальным лицом, которое понимало и осознавало, что творит. Но я уже не имел к делу никакого отношения, оно находилось в производстве суда, и моё частное мнения, как лица, не являющегося специалистом в области психиатрии, конечно же, не могло иметь и не имело значения. Суд признал доказанным совершение всех вменяемых Горбунову преступлений и вынес постановление о применении к нему принудительных мер медицинского характера. Горбунов был направлен на специальную психиатрическую больницу закрытого типа, расположенную в городе Ташкенте, из которого я только что вернулся ИЗ командировки.

Прошло почти шесть лет. Я уже работал прокурором-криминалистом областной прокуратуры и занимался, в том числе, расследованием нераскрытых убийств. 25 марта 1982 года в том же Кировском районе было совершено убийство продавщицы в магазине «Подарки». Преступление было совершено в обеденное время, когда одна из двух работающих там продавщиц вышла пообедать, а вторая продавщица, потерпевшая, осталась, чтобы закрыть магазин на навесной наружный замок. Когда первая продавщица вернулась после обеда к магазину, то обнаружила входную дверь закрытой на чужой замок. Вскрыли дверь, и там обнаружили труп её напарницы с множественными ножевыми ранениями на теле. Получалось, что преступник пришёл на дело со своим замком, которым и закрыл входную дверь после совершения убийства и ограбления (была похищена выручка).

Почерк совершённого преступления показался мне знакомым, мне сразу вспомнился Горбунов, который закрыл гараж, из которого он угнал автомобиль, на принесённый с собой навесной замок. В течение половины дня навожу о своём

бывшем подследственном справки. С удивлением узнаю, что он уже давно на свободе и благополучно проживает в посёлке Северный Коммунар Сивинского района в квартире у своей матери. Этот населённый пункт находится в ста восьмидесяти километрах от областного центра.

Горбунов отбыл пару лет в спецбольнице в Ташкенте, а затем его направили на продолжение курса лечения в Пермскую областную психиатрическую больницу. Продержав всего с полгода (нужно было освобождать койко-место), его выпустили на свободу, поставив на психиатрический учёт по месту жительства, где по большому счёту он никого не интересовал и никому был не нужен. Через своих коллег из областного управления уголовного розыска прошу срочно дать задание местным оперативникам проверить, где находился Горбунов в день совершения убийства продавщицы и, если он отсутствовал, задержать его до нашего прибытия.

Через несколько часов, к концу рабочего дня, приходит ответ, что 25 марта Горбунов с подругой в посёлке отсутствовали, в виду их выезда оттуда. Оба они задержаны и находятся в Сивинском РОВД в ожидании нашего приезда. Не теряя времени, в ночь, выезжаем туда. Несмотря на полночь, местные работники уголовного розыска ожидают нас. Оказывается, во время своего нахождения в Пермской психиатрической больнице Горбунов познакомился там с находящейся на излечении девушкой, воровкой и домой к матери заявился с новоявленной сожительницей. Оба нигде не работают, употребляют спиртные напитки и «сидят на шее» у матери.

При задержании у Горбунова и его пассии обнаружены были самодельные ножи. Нож, который обнаружен был в кармане одежды Горбунова, - большого размера, изготовлен по типу кинжала, клинок лезвия - с двухсторонней заточкой. По своей форме и размеру он очень напоминает нож, которым была убита Щербинина Валя. У его подружки нож такой же формы, но меньшего размера. Начинаю допрос, но матери Горбунова, которую оперативники тоже доставили в РОВД, первой задаю вопросы. Она подтверждает, что 25 марта, рано утром, сын с его подругой куда-то уехали и вернулись только поздно вечером. Жалуется на них, что бездельничают и бражничают, нигде не работают, она их содержит – кормит и поит. Таким образом, мать подтверждает, что в день убийства продавщицы оба они отсутствовали в посёлке.

Принимаемся за Горбунова, он мало чем изменился внешне, только лицо стало несколько отёкшим, как у алкоголика. Внутренне возмущаюсь явной несправедливостью: убийца на свободе, вновь разгуливает с ножом и пьянствует, а тело убитой им девочки, которая могла бы стать кому-то хорошей женой и доброй матерью, но уже не станет никогда по вине этого подонка, пускай и признанного невменяемым, покоится в могиле на кладбище. Впрочем, несправедливости и несуразности в нашей жизни предостаточно. Беру изъятый у него нож и, показывая

ему, спрашиваю: «Ты, что, опять за старое взялся, мало тебе загубленной жизни девочки?» Тот начинает говорить, что нож изготовлен им для целей самозащиты, от кого - непонятно. Требую от него объяснения, где он находился в обеденное время 25 марта. Он начинает рассказывать, что вместе с подругой ездил в этот день в город Нытву за сто километров, к её знакомым, и называет их фамилии и адреса. Вечером того же дня они на автобусе вернулись домой. В конце допроса он спрашивает: «А что, разве с Коротовой что-то случилось?» На его вопрос не обязан и не считаю нужным даже отвечать. Затем допрашиваю его подругу, девушку невысокого роста, несколько напуганную неожиданным задержанием и ночным допросом. Она подтверждает, что она и Горбунов ездили в этот день в Нытву, к её знакомым, и к вечеру вернулись обратно. На вопрос, от кого она собирается защищаться ножом, в кармане, она ответить не смогла. Райцентр Нытва находится на расстоянии семидесяти километров от областного центра, в часе езды на машине, - не так уж и далеко от места убийства.

Время - пятый час ночи, уже начинает заниматься рассвет. Мы связываемся с дежурным по Нытвенскому РОВД и просим через пару часов обеспечить нам доставку в отдел милиции для допроса лиц, названных Горбуновым и его подругой. алиби этой парочки. Необходимо тщательно проверить Горбунову надеваем наручники, вместе с подругой загружаем его в машину и мчимся за сто километров, в Нытву. К нашему приезду расторопные местные коллеги уже доставили всех интересующих нас лиц в РОВД. Допрашиваем четырёх свидетелей - двух парней и двух девушек. Они подтверждают, что Горбунов с подругой действительно были у них. До полудня полностью заканчиваем проверку алиби подозреваемого и устанавливаем, что в то время, когда совершалось убийство, Горбунов и его подруга находились ещё в Нытве. К убийству продавщицы они не причастны, и отпускаем их, но глядя на них, освобождённых и выходящих из РОВД, ловлю себя на мысли, что расслабляться не стоит, неизвестно, сколько ещё ножей им будет изготовлено, и какое применение этим ножам будет найдено. Но по расследуемому делу они точно не наши «клиенты». Изъятые у них ножи затем были переданы в Сивинский РОВД -ДЛЯ решения вопроса о привлечении уголовной ответственности за изготовление ношение холодного без И оружия соответствующего разрешения.

Я хорошо сознаю, что из-за имеющихся медицинских справок о наличии у них психического заболевания, реального наказания они не получат, отделаются в худшем для них случае несколькими месяцами нахождения в стационаре той же областной психиатрической больницы, где их будут бесплатно кормить и поить, а потом отпустят на все четыре стороны, пока они вновь чего-либо не совершат. Охватывает чувство досады от сознания, что ты бессилен, и не можешь что-нибудь изменить в этом сложившемся порядке. И по прошествии какого-то времени приходит понимание, поступать по закону и поступать по совести (человеческой

справедливости) - это далеко не одно и то же. Больше с убийцей Горбуновым жизнь нас не сводила.

Убийство продавщицы позже было нами раскрыто: его совершил двадцатичетырёхлетний парень - ему нужны были деньги на выпивку.

ДЛИННОЕ ДЕЛО

В апреле 1976 года в дополнение к уже имеющемуся в моём производстве делу об убийстве школьницы мне поручили параллельно расследовать уголовное дело по факту хищения денежных средств в особо крупном размере в Пермском медицинском училище. Дело было возбуждено ещё в июле 1975 года прокуратурой Ленинского района Перми — по месту нахождения учебного заведения — и расследовалось уже в течение девяти месяцев опытным следователем районной прокуратуры Анатолием Шумиловым. Им частично были расследованы эпизоды хищения в период 1974-1975 годов, и во время следствия стали выявляться подобные хищения за более ранний период — начиная с 1970 года. Документы за ещё более ранний период были уничтожены по истечении установленного пятилетнего срока их хранения, и поэтому установить, какие суммы были похищены до этого, не представлялось возможным.

Неоднократные плановые ревизии в медучилище проводились регулярно, однако выявить какие-либо нарушения они не смогли. И только молодой, но дотошный ревизор контрольно-ревизионного управления области Александр Гниловских, проводя очередную ревизию, обнаружил что-то неладное в бухгалтерии. За много дней работы ревизор тщательно изучил огромное количество платёжных документов и установил, что многие внешне аккуратно оформленные платёжные ведомости и расходные ордера на выдачу стипендий являются ловко замаскированной «липой». Был составлен акт ревизии, в котором указан размер хищения в сумме 17 911 рублей 11 копеек, что составляло в то время стоимость трёх машин марки «Жигули». На покупку одного такого автомобиля – мечты простого советского гражданина – деньги копили в течение всей жизни. Акт ревизии был передан прокурору района.

Данное дело относилось к категории хозяйственных, такие были не в чести у большинства моих коллег-следователей, так как были они достаточно сложными и большими по объёму, и расследовать их в установленный законом двухмесячный срок было трудно, а в большей части случаев – практически невозможно. Посудите сами: организованной группой расхитители в течение нескольких лет совершали хищения, а расследование необходимо завершить за два месяца. Понятно, что в установленные сроки следствие, по объективным причинам, ввиду большого количества проводимых следственных действий, назначения и проведения ревизий

и экспертиз, уложиться не могло. Приходилось продлевать сроки следствия, а это портило статистические данные о сроках расследования (считалось, что дела должны расследоваться точно в срок) и вызывало неудовольствие руководства.

Наше вновь полученное дело уже расследовалось в течение длительного времени и было, как принято у нас называть, «с бородой», что также не вызывало положительных эмоций. Но ничего не попишешь, получил дело – принимай его к производству и расследуй.

Изучение самого дела и связанного с ним множества бухгалтерских документов заняло целый месяц, после чего были составлены план расследования и алгоритм действий. По делу ревизором было выявлено 467 эпизодов хищения стипендий учащихся и зарплат преподавателей, в основном путём повторного внесения в платёжные ведомости и расходные ордера фамилий одних и тех же лиц, и последующей подделки их подписей. Таким образом, по каждому эпизоду хищения и подделки подписи необходимо было допросить в качестве свидетелей учащегося или преподавателя, получить от них образцы подписи, назначить судебно-почерковедческую экспертизу. У каждого из обвиняемых также необходимо было получить образец почерка.

Мой предшественник успел допросить около сотни свидетелей из числа тех учащихся, кто продолжал проживать в областном центре, назначил несколько экспертиз, арестовал кассира – пятидесятилетнюю Фильчукову, та признала присвоение денежных средств в размере 9203 рублей. По характеру совершённого хищения было очевидно, что одному кассиру совершить подобное без участия в этом бухгалтера Мироновой, которая являлась непосредственным контролирующим начальником Фильчуковой, не представлялось возможным. Между тем Миронова всё отрицала, более того, в феврале 1974 года, то есть более чем за год до обнаружения хищения, она ушла на пенсию и на момент расследования находилась на заслуженном отдыхе. Но, как известно, от сумы и от тюрьмы не зарекайся даже, находясь на пенсии. Расследование этого дела затянулось, и следствие было вынуждено освободить Фильчукову из-под стражи, изменив ей меру пресечения на подписку о невыезде.

Предстояло продолжить расследование. Необходимо было найти всех, чьим именем подделывались подписи и присваивались стипендии и заработная плата. Большая часть их проживала на территории области, а остальных, разъехавшихся по городам и весям Советского Союза, предстояло ещё отыскать. Поиски осложнялись тем, что учащиеся, в основном девушки, окончив медучилище, разъехались по направлениям отрабатывать установленный им срок. Многие из них успели выйти замуж и сменить фамилию, и даже не единожды: к примеру, одна из бывших выпускниц, довольно смазливая девица, успела сменить свою фамилию трижды за три года.

Потянулись дни рутинной работы — допросы сотен бывших и нынешних учащихся, преподавателей, руководителей учебного заведения; направление в различные регионы огромной страны большого количества отдельных поручений о допросе проживающих там выпускников училища и взятии у них образцов почерка, назначения почерковедческих экспертиз. На всё это ушло целых четырнадцать месяцев и составило в общем объёме двадцать четыре тома уголовного дела. Материалов было достаточно, и пора было начинать предъявлять обвинение старшему бухгалтеру и кассиру в полном объёме и окончательной редакции.

В назначенное в повестке время дверь распахнулась, и в кабинет энергично вошла женщина пенсионного возраста. Именно такой я её и представлял по рассказам: невысокого роста, седые волосы, взгляд твёрдый и уверенный. «Вы меня вызывали?» – «Да, проходите, пожалуйста».

К встрече с бывшим старшим бухгалтером Г.Н. Мироновой я подготовился давно и основательно. Несмотря на отсутствие специального образования, она была опытнейшим бухгалтером с многолетним стажем. Беззастенчиво расхищала и без того небольшую стипендию учащихся. Воровала долго, в течение нескольких лет, нагло и вместе с тем «грамотно». Чётко оформляла фиктивные документы — платёжные ведомости и расходные ордера. Незадолго до появления в моём кабинете она успела отметить свой шестидесятилетний юбилей. Судя по её виду, настроена она была решительно, считая, что вовремя уволилась с работы уже почти три года назад: теперь ей ничего не могло угрожать за её махинации, которые остались для неё в далёком прошлом, о котором ей не хотелось даже вспоминать.

Зная, что Миронова властная и безапелляционная женщина, решил разговаривать с ней напрямую. Сразу же запускаю пробный «шар»: «Галина Николаевна, вы не собираетесь в порядке возмещения причинённого вами ущерба вернуть похищенные денежные суммы государству?» Но я явно недооценил её. Может быть, не учёл того, что она ранее работала и в оперном театре, правда, тоже бухгалтером. Картинно повернувшись ко мне и глядя прямо в глаза, Миронова удивленно спросила: «Как? Я полагала, что с меня будут сняты последние подозрения, а вы, стало быть, обвиняете меня в хищении?..» – «Совершенно верно, вы вызваны для предъявления вам обвинения в хищении государственных денежных средств в особо крупном размере. А точнее, пятнадцати тысяч восьмисот семнадцати рублей». Я протянул ей объёмистое, на тридцати печатных листах, постановление о привлечении её в качестве обвиняемой по статье 93-1 Уголовного кодекса, предусматривающей наказание от восьми до пятнадцати лет лишения свободы.

«Что за чушь, никаких денег я не похищала», – ответила Миронова и, взяв постановление, углубилась в его чтение. Рассчитывать, что обвиняемая сознается в хищении и будет возмещать ущерб, явно не приходилось. Дождавшись, пока Миронова ознакомится с постановлением о её привлечении в качестве обвиняемой, я задал ей предусмотренный уголовным процессом вопрос: «Признаете ли вы себя

виновной в предъявленном вам обвинении?» Ответ, как и ожидалось, категорический: «Нет, нет и ещё раз нет. Ни в чём не виновата, ничего не похищала!»

Поскольку ей было предъявлено обвинение в хищении денежных средств по предварительному сговору и в соучастии с бывшим кассиром медучилища Фильчуковой, Миронова сразу переходит в атаку и требует: «Приведите её, и пускай она скажет при мне, что я вместе с ней воровала. Вы что, видели, как она мне деньги похищенные передавала?» Её требование вызывает улыбку. Следствию хорошо известно, что между собой они договорились не признавать себя виновными и не выдавать друг друга. И свидетельство тому — перехваченное следствием (был наложен арест на корреспонденцию) и приобщённое к материалам дела письмо Фильчуковой, адресованное Мироновой, которое так и начинается «Г.Н., не волнуйтесь, я вас никогда не выдам, на очной ставке не волнуйтесь, я буду стоять и стою на своём, как договорились...», написанное рукой кассира. Голословное «Не признаю себя виновной» я занес в протокол допроса обвиняемой Мироновой, а затем вместе с ней взялся за разбор каждого из бухгалтерских документов. И тут ситуация для Мироновой стала сложнее.

Объяснять составление фиктивных документов всегда трудно, особенно, если не желаешь рассказывать правду, а в данный момент положение её было более чем непростым. С одной стороны, играя роль совершенно невиновного человека, она как старший бухгалтер должна была дать объяснение обоснованности составления каждого документа, что вполне логично. С другой стороны, отказ от дачи такого объяснения ставит её в ещё более неудобное положение: в этом случае она косвенно, самим своим отказом подтвердит причастность к хищению денежных средств. Вполне понятно, почему Миронова выбрала первый путь – из двух зол, как известно, всегда выбирают меньшее, и сослалась на невнимательность в работе, недосмотры. Но увидев, что каждому якобы её недосмотру соответствует последующее хищение, да и самих «недосмотров» явно слишком много, перешла в атаку на бухгалтеров, составлявших платёжные документы.

«С бухгалтеров и спрашивайте, почему они составили такие документы», — заявила она. Однако Мироновой было указано, что все эти документы утверждены её подписью, а кроме того, и это главное, все эти бухгалтеры, конечно, уже допрошены следствием, и пояснили: эти документы были составлены ими по прямому указанию старшего бухгалтера, то есть Мироновой. Ещё большим ударом для неё становится заключение почерковедческой экспертизы, которая установила, что некоторые подписи учащихся в ведомостях подделаны самой Мироновой. Вконец запутавшись в попытках объяснить составление фиктивных документов, Миронова начинает заявлять, что обстоятельств составления того или иного документа она сейчас не помнит и поэтому пояснить ничего не может. Она по-прежнему продолжала отрицать свою причастность к хищению, несмотря на то, не могла не понимать: её отрицание

носит голословный характер и делать это в сложившейся ситуации бессмысленно. Но это её выбор, как обвиняемой, способ её защиты – всё отрицать.

Несколько проще обстояло дело с Фильчуковой, та признала себя виновной частично и лишь некоторые факты, явно пытаясь занизить сумму похищенного. Однако значительная часть подложных документов составлена её рукой, и она же, по заключению почерковедческой экспертизы, в них ставила подписи от имени учащихся, а всё вместе это подтверждено подписью старшего бухгалтера Мироновой. Кроме того, само преступление имеет явно выраженные согласованные действия между старшим бухгалтером и кассиром, без которых было бы невозможным совершение хищения денежных средств. После ухода на пенсию соучастницы Фильчукова, оставшись одна, сумела продолжить, на свой страх и риск, преступный промысел, но в гораздо меньшем размере и только до прихода ревизора.

Между тем ревизор Гниловских отметил, что при ведении бухгалтерских документов и их составлении в медучилище имело место нарушение положения о порядке осуществления кассовых операций. Миронова не могла не знать, что из кассы похищались крупные денежные суммы; начисляя зарплату без всяких оснований, она способствовала хищению.

При допросе работников училища выяснилось, что неоднократно бывали случаи, когда учащийся, пришедший получать стипендию в кассе, обнаруживал, что деньги за него уже получены, однако кассир тут же устраняла недоразумение и выдавала требуемую сумму, не допуская никакого шума. Но случалось, что на этой почве возникали конфликты, и тогда, быстро оценив ситуацию, на помощь приходила Миронова, которая умела находить доводы и вообще умела уладить дело так, что у окружающих не возникало никаких подозрений о происходящем хищении. На подобные случаи администрация медучилища почему-то не обращала внимания, и её директор так и не смог связно объяснить, почему подобное стало возможным.

Расследуя это хозяйственное дело, равно как подобные дела этой категории до и после него, я не мог не отметить одну, так сказать, положительную их особенность, значительно помогающую следствию. Доказательствами по хозяйственным делам являлись финансовые документы, которые фиксируют все деяния злоумышленников и «не меняют своих показаний» в течение времени всего своего существования, в отличие, скажем, от показаний, даваемых участниками уголовного процесса — свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми; их можно сравнить с рукописями, которые, по выражению классика, в огне не горят, так же, добавлю, как и документы в томах уголовного дела.

В конце июня 1977 года дело по обвинению Мироновой и Фильчуковой было направлено для рассмотрения по существу в Пермский областной суд. Судебный процесс по этому делу продолжался в течение одиннадцати месяцев. В суде Миронова также не признала своей вины и громко кричала, что в суд её скоро будут возить на катафалке (об этом мне рассказал прокурор, поддерживающий

государственное обвинение). Всё завершилось 30 июня 1978 года обвинительным приговором обеим подсудимым. Каждой из них дали по восемь лет лишения свободы с конфискацией имущества. Мироновой к тому времени пошёл уже шестьдесят второй год. В тюрьму её повезли в автозаке. Права всё-таки людская пословица: «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

В январе 1977 года мною было принято к производству уголовное дело по факту убийства сорока шестилетней Мозжериной, которая перед этим была ограблена и изнасилована вечером 11 октября 1976 года в пригороде Кунгура. По делу уже были арестованы трое местных молодых парней, сначала признавшихся в совершении этого преступления, а затем отказавшихся от него. Они признались только в ограблении, но даже не этой женщины, а незнакомого им парня – практически в то же время и рядом с местом убийства женщины.

Во всем этом и предстояло мне разобраться. Местный следователь прокуратуры Кунгурского района Н.И. Рубцов, передавая мне уголовное дело, был убеждён, что именно арестованные молодые люди совершили убийство. Поблагодарив его за проделанную работу и выслушав его аргументы, пообещал учесть их при дальнейшем расследовании.

Что делает следователь, когда получает уже кем-то расследованное дело? Прежде всего, не связанный мнением своего предшественника, он должен непредвзято и скрупулёзно изучить все материалы дела — только тогда может возникнуть единственно верная версия, а может и не возникнуть, но в любом случае появляется план расследования, и определяются необходимые следственные действия, которые нужно провести. Выдвигать версии в условиях, когда недостаточно материала и сведений об обстоятельствах совершения преступления, конечно, можно, но это никак не гарантирует дальнейшего успешного его расследования, предполагающего раскрытие и изобличение преступников.

Из материалов изученного дела стало ясно, что против этих троих парней, кроме их собственных признаний, не имеется никаких объективных доказательств, уличающих в совершении убийства женщины, однако грабёж парня они действительно совершили в тот вечер – рядом с местом убийства.

При расследовании особо тяжких преступлений, особенно на стадии их раскрытия, мы всегда поддерживали контакт и взаимодействовали с работниками уголовного розыска. Так же было и на этот раз. Я переговорил с начальником уголовного розыска Кунгурского РОВД капитаном Борисом Еремеевым, который откровенно сказал мне: он не верит, что именно трое арестованных парней совершили убийство Мозжериной. По его мнению, имеется реальный подозреваемый – трижды

судимый двадцатилетний Виктор Бородулин, который сейчас находится под стражей, а на момент убийства Мозжериной был на свободе.

Кроме того, в апреле прошлого года в городе Кунгуре скончался от ножевого ранения гражданин Тархов. Дело по факту причинения тому тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, не раскрыто, но имеются показания женщины, слышавшей разговор пьяных мужчин, одним из них был Бородулин, который и говорил своему собеседнику, что это он зарезал Тархова. Собеседник Бородулина вскоре после этого скончался от алкогольного отравления, и опросить его они не успели.

Обсудив ситуацию, решили начать с того, что необходимо найти объективные доказательства вины Бородулина, а для этого необходимо прежде всего изъять его одежду для исследования. Одежда сохранилась, и на ней эксперты-биологи нашли пятна крови, которые могли принадлежать убитой. Эксперты-криминалисты также установили на куртке подозреваемого наличие микрочастиц платка, перчаток и пальто потерпевшей.

Помимо этого, установили, что в этот же вечер, примерно за час до убийства Мозжериной, в том же районе Бородулин, находящийся в нетрезвом состоянии, напал на гражданку Чигишеву, отобрал у неё перчатки и наручные часы. В дальнейшем при опознании эта потерпевшая на него уверенно показала. После ограбления Чигишевой Бородулин напал на несовершеннолетнего Новикова, которого просто так, ради своего удовольствия, сначала ударил кулаком по лицу, а свалив, ударил лежащего ногой в бок. Здесь налицо были грабёж и хулиганское нападение. После всех этих нападений и было совершено убийство Мозжериной.

Настала пора встречаться с подозреваемым Бородулиным и допрашивать его по этому убийству. Передо мной предстал небольшого роста паренёк, немногословный и угловатый, который поначалу делал вид, что ни о каком убийстве ему неизвестно. Однако заключения нескольких экспертиз произвели на него ожидаемое сильное впечатление. Бородулин задумался, а затем начал рассказывать, как по пьяному делу напал на незнакомую ему женщину, ограбил, изнасиловал, а затем убил, нанеся несколько ударов по голове найденным там же поленом. Рассказанное им полностью подтвердилось, когда выехали на место преступления: окровавленное полено было обнаружено при осмотре местности, и, по заключению судебно-медицинской экспертизы, именно им были причинены повреждения головы женщины, повлекшие её смерть. Чтобы полностью расследовать этот эпизод убийства, проводились и другие следственные действия.

Что касается трёх ранее арестованных за совершение этого убийства парней, то в отношении них в части совершения этого преступления было вынесено постановление о прекращении дела, но за совершённый ими грабеж они позднее предстали перед судом, который приговорил каждого из них к лишению свободы.

Между тем продолжалось расследование дела по обвинению Бородулина – перешли к эпизоду смерти Тархова. Бородулин категорически отрицал этот эпизод. Показания женщины, подслушавшей его рассказ о том, как он зарезал мужчину, не произвели на него никакого впечатления. Он, осведомлённый о смерти своего собеседника, утверждал, что женщина на него наговаривает. Очная ставка, проведённая между ними, не принесла положительного результата.

Бородулина перевели в СИЗО № 1, проще говоря, Пермскую тюрьму, для дальнейшего содержания под стражей, где и начались каждодневные допросы обвиняемого, – Бородулин по-прежнему отрицал свою причастность к смерти Тархова.

В процессе общения между нами сложились достаточно доверительные отношения, и в одном из разговоров я пояснил ему: дело по обвинению его в грабеже, хулиганстве, убийстве женщины можно хоть сейчас направить в суд, и доказательств для вынесения приговора по нему достаточно. Предложил Бородулину погадать, сколько, по его мнению, лет лишения свободы он может получить. Недолго думая, Бородулин ответил, что с учётом уже трёх имеющихся судимостей и отбытых сроков надеется получить пятнадцать лет.

«Представь себе, – продолжил я дальше, – что из этих пятнадцати лет ты отбудешь, к примеру, половину срока, и останется отбывать ещё лет семь, восемь, а тебя вновь могут привлечь – за совершение причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего Тархова, по статье 108 части 2 Уголовного кодекса, которая предусматривает наказание от шести до двенадцати лет лишения свободы. Ведь следствие по делу об убийстве Тархова, пока ты будешь отбывать наказание по последнему приговору, будет и дальше продолжаться, и результаты его, скорее всего, могут быть в конечном итоге не в твою пользу. Сам-то ты знаешь, как было дело, – именно ты зарезал потерпевшего».

Объяснил, что будет новый судебный процесс, который признает его виновным, и суд к отбытому сроку добавит назначенный новый – и будут те же пятнадцать лет, с той только разницей, что отсидел уже половину, а тут – эти же пятнадцать лет снова отбывать, как будто и не отбыл уже часть срока. Бородулина это крайне заинтересовало: «Это как?». Предложил вместе подсчитать: «Сейчас за всё вместе, включая эпизод Тархова, можно получить в качестве наказания всего пятнадцать лет лишения свободы, а с учётом, что будет два процесса, между которыми пройдёт несколько лет, в общей сложности можно схлопотать по двум разным приговорам более двадцати лет».

Это озадачило обвиняемого. По его лицу понял, что лишний срок ему отсиживать, понятно, не хотелось: «Так это же простая арифметика – пятнадцать меньше, чем двадцать, считай». Озадаченный и задумчивый, он покинул следственный кабинет.

Через пару дней мною была получена адресованная начальнику следственного изолятора бумага, озаглавленная «Явка с повинной», следующего содержания (стиль

и орфография подозреваемого): «Каждый советский человек, идя навстречу 60-летию Великого Октября, берёт на себя повышенные обязательства, и как бы мне хотелось быть рядом с ними... Находясь в следственном изоляторе, я долго думал, переживал, не спал по ночам – думал, всё потеряно: работа, товарищи, родственники, но благодаря правильно поставленной воспитательной работе, где начальником подполковник Березкин, а также простому советскому человеку, блюстителю законов, поистине настоящему кузнецу человеческих сердец, как ст. следователь обл. прокуратуры Рева В.А., я решил совершенно добровольно и чистосердечно рассказать о совершённом мной тяжком преступлении – убийстве, неизвестном органам, а именно: проживая в г. Кунгуре, я где-то в конце апреля 1976 года около двух часов ночи шёл к своей знакомой Л. Сибиряковой, которая проживает на улице Уральская, д. 26. Когда я подходил к дому, из двора вышел мужчина, ранее мне незнакомый. Он был в нетрезвом состоянии, поравнявшись со мной, оскорбил меня нецензурной бранью, а затем ударил в область груди, отчего я упал. Я быстро поднялся, так как он решил нанести мне удар ногой. У нас в это время возникла схватка, в которой я нанёс ему удар ножом сзади в правый бок. Схватившись за бок рукой, он пошёл во двор. Когда он вошёл во двор, я увидел, что он упал. Я сразу подошёл к нему. В это время я не осознавал, что я ему причинил телесное повреждение, т.е. он стонал, как пьяный. Я убрал его с дороги в сарайку. После этого очень сильно постучал в дверь дома, после чего ушёл домой. Был я совершено трезвый. Нож выбросил в реку Сылву. Подобный нож у меня изъяли органы милиции. Цели на убийство у меня не было. Написав явку с повинной, я считаю, что органы следствия, прокуратуры, суд и УВД учтут данные, а доверие, которое мне будет оказано, я оправдаю, стыдно за меня не будет. Написано собственноручно и добровольно. 12.03.1977 г. 10 часов утра. Бородулин».

На следующий день, встретившись с Бородулиным, подробно допросил его по существу сделанной им явки с повинной. Он пояснил, что у него имелось четыре одинаковых ножа, одним он и нанёс удар мужчине, затем выбросил его в реку. Окончив допрос, разговорились. Он пояснил, что, не желая испытывать судьбу, он принёс явку с повинной, чтобы не получить лишний срок – простая арифметика с возможным сложением сроков оказалась для него убедительным аргументом. Ещё через день Бородулин уже на месте, где им было совершено преступление, самым подробнейшим образом и показал, и рассказал обстоятельства нанесения ножевого ранения Тархову.

Были выявлены свидетели, которые слышали той ночью громкий стук в дверь дома, во дворе которого утром затем был обнаружен труп Тархова. У Бородулина дома были изъяты три оставшихся одинаковых ножа. Криминалистической экспертизой было установлено, что повреждения на одежде Тархова могли быть причинены ножом, подобным изъятым ножам у Бородулина. Сам нож, являющийся орудием убийства, извлечь со дна реки не представлялось возможным из-за толстого слоя льда на реке, установившегося ещё в зимнее время. До наступления ледохода

было ещё не менее двух месяцев, а следствие, как известно, имеет свои установленные сроки, не связанные и не совпадающие с временами года.

У Бородулина было всего семь классов образования, запас слов у него был небольшой, а заявление о явке с повинной написано ясным и вроде толковым языком, без особых ошибок, его рукой, это и показалось мне странным: по моему мнению, написанное по стилю изложения не соответствовало его уровню образования и культуры. За разъяснением я обратился к оперативникам следственного изолятора, а те, выслушав меня, пояснили, что арестанты, не имеющие достаточной грамотности, в таких случаях обращаются к другим, умеющим грамотно изложить всё на бумаге: кому-то жалобу толковую написать, заявление, письмо послать на волю, да мало ли чего еще. В тюрьме свои писатели и поэты, которые такое напишут, что любо-дорого прочесть будет, за это их сокамерники уважают.

Это борзописное ремесло в цене везде – и в следственном изоляторе, и ещё больше «в зоне», когда пишут письма женщинам, желающим заочно познакомиться с отбывающими наказание в колонии. Известно, что женщины любят ушами, особенно когда им говорят приятные, ласкающие слух слова, которые к тому же они и хотят услышать. Как говорят, доброе слово и кошке приятно; написанное же на бумаге умелой и владеющей художественным словом рукой производит на мечтательных женщин, называемых в народе «заочницами», не меньшее впечатление и эффект, чем живое слово.

Укорять женщин за излишнюю доверчивость не стоит – кто из них не мечтает счастливо устроить свою личную жизнь с тем, единственным. В этой связи мне вспоминается другое уголовное дело, когда уставшая жить и растить одна малолетнюю дочь работящая молодая женщина списалась с отбывающим наказание в колонии хулиганом. Получала от него письма с ласковыми словами, от которых у неё сладко замирало сердце и кружилась голова. Вскоре он освободился и приехал к ней – у невесты была отдельная квартира. Благостный туман рассеялся быстро: избранник оказался далёким от того вымышленного образа, который сложился после получаемых ею из мест не столь отдалённых писем, написанных под диктовку лагерного щелкопёра. Он оказался грубым и наглым мужиком, который не пожелал трудиться, зато выпить и закусить, поскандалить – только подавай, а под горячую руку женщина и колотушек стала получать. «Медовый месяц» закончился после его очередной пьянки и избиения женщины. Она отвела свою трёхлетнюю дочь к соседям и вернулась в квартиру с топором: крепко спящему пьяному мужчине она просто отрубила голову. Взяв топор, пришла с ним сдаваться в милицию – топор был большой и острый, весь в крови.

Но бывали и иные случаи. Об одном таком мне рассказал мой бывший шеф Александр Васильевич Магнутов, прокурор Дзержинского района города Перми, под началом которого я имел счастье работать три года — до перевода старшим

следователем в областную прокуратуру. Это был очень начитанный и образованный человек, прекрасно владеющий пером и словом; до перевода в областной центр он был прокурором города химиков — Губахи. Там же служил городским военным комиссаром подполковник, который как-то в разговоре с Александром Васильевичем посетовал, что скоро его на пенсию отправят, а за душой у него ничего нет, кроме казённой квартиры по месту службы, да и две дочери подрастают, их учить надо, а где и как...

В дальнейшем выяснилось, что до войны он был личным водителем командира дивизии, недавно назначенного заместителем министра обороны СССР. Александр Васильевич предложил написать письмо высокому адресату от имени его бывшего водителя, для этого дотошно расспросил военкома, как, где проходила их совместная служба. После этого взялся за перо и больше недели творил, по сути своей, литературное послание.

В своём письме он от имени военкома поздравил маршала с назначением на высокую должность и напомнил о совместной службе в молодые годы. Вспомнил, как по ночам его (военкома) забирали в НКВД, где из него выбивали показания на его начальника (маршала), а он их не давал, и полученные от чекистов синяки объяснял дракой на свадьбе; как супруга командира захотела научиться управлять автомобилем, да въехала в дерево, а вину он взял на себя. Припомнил и другие хорошие примеры из их жизни в те годы, о которых было бы приятно прочесть старому воину, а в конце – логично и ненавязчиво: хотелось бы увидеться и снова быть ближе к нему. Как рассказал мне Александр Васильевич, когда он передал это письмо военкому, тот – суровый мужчина, прошедший войну, – ознакомившись, долго рыдал над ним. Письмо было отправлено.

Прошло три месяца, и неожиданно для всех пришёл приказ о переводе военкома для дальнейшего прохождения службы в Москву с предоставлением ему сразу квартиры. Письмо, написанное доброй и умелой рукой прокурора, достигло своей цели, и, самое главное, был результат. Велика бывает сила воздействия написанного, и, зная об этом, Александр Васильевич наставлял: писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям – просторно.

Между тем предварительное следствие по обвинению Бородулина было завершено. Приговором Пермского областного суда он был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы.

Отрубившая голову женщина была признана виновной в совершении убийства в состоянии аффекта и приговорена к условному осуждению. Суд принял во внимание наличие у неё на руках малолетнего ребёнка и явку с повинной.

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

В рабочий кабинет № 213 прокуратуры Пермской области, в котором мы, старшие следователи прокуратуры, располагались втроем, 22 июня 1977 года вошел незнакомый мне среднего роста, статный и энергичный мужчина средних лет, с красивой темной шевелюрой, чуть тронутой серебром седины, в модном, стального цвета кримпленовом костюме.

Этим мужчиной был бывший председатель Горнозаводского и затем Дзержинского районных судов Меньшов Г.А., а явился он по повестке к моему коллеге сидящему напротив меня за другим столом Александру Бобровскому, который вел в отношении его уголовное дело. Хотя кабинет был рассчитан на троих следователей, вместе мы собирались нечасто, поскольку в основном находились в разъездах по делам, в командировках по области, территория которой была больше некоторых европейских государств.

Бобровский вручил Меньшову постановление о привлечении его к уголовной ответственности по статье 92 части 2 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за неоднократное хищение государственной собственности и предусматривающей наказание до шести лет лишения свободы.

Меньшов не согласился с предъявленным обвинением, и между ним и следователем возник спор, постепенно переходящий в перепалку, на которую я сначала не обращал никакого внимания, занятый составлением документов по своим делам. Обвиняемый считал квалификацию его действий следствием неправильной, не отрицая и не подтверждая имевших место шести эпизодов присвоения им денежных штрафов. Кстати, в дальнейшем выяснилось, что Меньшов был прав, и квалификация этих эпизодов была изменена на менее тяжкие составы преступления, но это выяснится потом. Сам же факт совершения преступления был неоспорим.

Отвлекся от своих бумаг, когда перепалка достигла апогея и Меньшов, встав со стула, резко и презрительно бросил Бобровскому в лицо: «Да вы мелко плаваете против меня». Это было крайне опрометчиво: нужно было знать характер Бобровского, его самолюбие. Подобных возражений с переходом на личности он вынести не смог.

Реакция последовала незамедлительно. Попросив обвиняемого выйти и подождать в коридоре, Бобровский подготовил постановление об избрании меры пресечения – содержание под стражей обвиняемого – и поднялся на третий этаж к прокурору области, который санкционировал арест. Вскоре прибыл конвой, который препроводил ничего не подозревавшего бывшего судью в следственный изолятор № 1 города Перми – старую тюрьму с крепкими и высокими стенами.

Являясь свидетелем произошедшего, я тогда и помыслить не мог, что мне в дальнейшем придется, по сути, заново расследовать это дело, начатое моим коллегой.

Прошло совсем немного времени, и наш товарищ Александр Бобровский по семейным обстоятельствам перевелся и уехал работать в соседнюю область. Как водится, мы помогли ему загрузить контейнер с имуществом и всем небольшим, но спаянным коллективом следователей проводили, как положено в таких случаях, добрым застольем.

Еще через пару дней меня пригласил к себе заместитель прокурора области и одновременно руководитель следственного управления — Владимир Михайлович Бахарев, который сам много лет отработал на следствии, расследуя сложнейшие уголовные дела, и вручил мне уголовное дело, не завершенное уехавшим Бобровским, с короткой резолюцией «Принять к производству».

Как известно, следователь дел не выбирает, они сами его находят. Получив материалы дела, я приступил к их изучению.

Собственно, уголовное дело возникло почти случайно, хотя, с другой стороны, оно и не могло когда-нибудь не возникнуть, поскольку преступные действия носили серийный и продолжительный характер, и окончания преступного промысла, похоже, ожидать не приходилось. Однако, как известно, сколько веревочке ни виться, а конец наступит.

Все началось с того, что дежурный помощник начальника Дзержинского отдела внутренних дел г. Перми был немало удивлен, когда в очередной – третий раз в течение года – был задержан за мелкое хулиганство один и тот же нарушитель – Тихомиров, который уже дважды доставлялся в отделение за подобные действия во время его дежурства, и материалы об административном правонарушении в отношении его направлялись в суд. Согласно действующему законодательству – части 1 статье 206 Уголовного кодекса – повторное совершение мелкого хулиганства в течение года автоматически влекло за собой привлечение к уголовной ответственности по указанной статье, предусматривающей наказание в виде одного года лишения свободы или ста рублей штрафа. По сложившейся судебной практике именно годом лишения свободы, как правило, завершалось рассмотрение подобных дел для хулиганов.

По вполне разумному и логическому рассуждению майора милиции, Тихомиров должен был уже отбывать наказание в местах лишения свободы, а он почему-то ещё на свободе и вновь нахулиганил. Офицер доложил об этом своему руководству, а те, в свою очередь, обратились к многоопытному прокурору Дзержинского района города Александру Васильевичу Магнутову, человеку бескомпромиссному, искренне радеющему за чистоту рядов правоохранителей и социалистическую законность.

Не афишируя особо, Александр Васильевич организовал проверку этого случая. Опросили Тихомирова, и последний, ничего не скрывая, рассказал, что в обоих случаях он оплатил наложенный на него судом штраф прямо судье Меньшову, считая, что так и положено. В суде никаких материалов в отношении Тихомирова не

оказалось, хотя они значились по журналам регистрации исходящих документов в отделе внутренних дел переданными в суд.

Прокурор обратил внимание и на то обстоятельство, что до назначения Меньшова председателем Дзержинского районного суда материалы об административных правонарушениях рассматривались различными дежурными судьями, кому попадет. Пришедший Меньшов изменил порядок и рассматривать административные дела этой категории стал только лично.

Удалось установить еще несколько случаев уплаты штрафов мелкими хулиганами непосредственно судье Меньшову. В этом не было бы ничего плохого, если бы в дальнейшем деньги судьей передавались судебным исполнителям, состоявшим в штате суда, а те перечисляли бы их в бюджет. Хотя не царское это дело – собирать самолично штрафы, да и в обязанности судьи это никак не входило. Однако никаких денежных средств от него не поступало. Материалы проверки направили в прокуратуру области, и мой коллега и сосед по кабинету возбудил уголовное дело о злоупотреблении должностным положением.

С учетом материалов дела и того, что Меньшов до перевода в областной центр работал председателем Горнозаводского районного суда, складывалось впечатление, что поборная практика присвоения штрафов им освоена и могла начаться именно там. Это предстояло проверить.

Но прежде чем заняться этим, необходимо было встретиться с обвиняемым, томящимся в следственном изоляторе.

Меньшов по-прежнему был энергичен и деятелен, явно настроен на борьбу. Поэтому разговор между нами принял конкретный и деловой характер. На прямой вопрос о том, признает ли он обвинение и не желает ли сообщить что-нибудь следствию, без обиняков заявил, что он признает все, что сочтет доказанным следствием. Однако для этого следствием ему должны быть сначала представлены доказательства, он должен будет их оценить, и если сочтет их достаточно убедительными с точки зрения судебной перспективы, то он их признает или наоборот. Ключевая его позиция была проста: что докажете, то и буду признавать. Забегая вперед, отмечу: признавать ему пришлось все 72 эпизода установленных следствием и квалифицированных по шести статьям Уголовного кодекса.

Путь лежал в Горнозаводск – город, находящийся на самом Уральском хребте, на стыке Пермской и Свердловской областей, границе Европы и Азии, – продуваемый вечными ветрами и опыляемый цементным комбинатом. Именно там начинал свою деятельность на судебном поприще судья Меньшов после увольнения из органов внутренних дел, где работал в уголовном розыске.

Устроившись в обшарпанном, без каких-либо изысков стандартном одноместном номере единственной в городе гостиницы, я прибыл в районную прокуратуру. Прокурор Станислав Мохов, извещенный о моем приезде, ожидал меня в своем кабинете. Коротко объяснил ему цели и задачи приезда, попросил оказать

содействие в выполнении следственных действий, прежде всего с изъятием документов в суде и местном отделе внутренних дел. Вместе мы произвели изъятие необходимых журналов регистрации в обоих учреждениях и провели их изучение.

Как и ожидалось, в журналах регистрации поступивших в суд материалов об административных правонарушениях записи отсутствовали — не были зарегистрированы, как поступившие, некоторые материалы, которые значились отправленными по журналам регистрации исходящих документов из отдела внутренних дел. Таковых насчитали четырнадцать за период с 1974 по 1976 год.

Допрошенные четырнадцать мужчин, в разное время привлекавшиеся к административной ответственности за мелкое хулиганство, подтвердили то, что лично судье Меньшову оплатили наложенные на них штрафы в размере, установленном законодательством — 30 рублей с каждого. Однако дела об их административных правонарушениях в суде не обнаружены, уплаченные денежные средства от штрафов на счет бюджета не поступали.

В один из дней командировки ко мне обратился командир отделения – капитан милиции Поляков, которого я хорошо знал ранее по совместной работе в другом районе. Он поделился своими подозрениями о получении взяток и злоупотреблений бывшим председателем Горнозаводского районного суда Меньшовым. Так, он резонно посчитал неправосудным приговор ПО уголовному делу несовершеннолетним воришкам Урюпину и Миронову, которые, по его мнению, должны были получить реальную меру наказания, а вместо этого Меньшов, председательствующий на данном процессе, освободил их из-под стражи, осудив условно. Мать подростка Урюпина проживала в том же подъезде дома, где и судья, и оба родителя несовершеннолетних якобы неофициально общались с судьей Меньшовым до начала суда над их детьми.

Вызвал у него удивление и приговор хулиганам — братьям Бондаренко. Приговор по этому уголовному делу оглашал судья Меньшов и почему-то зачитал о взыскании с подсудимых судебных издержек в размере 140 рублей за производство судебно-медицинской экспертизы, хотя за её проведение никогда не взыскивали денежные средства.

Поблагодарив капитана за информацию, я пообещал обязательно её проверить.

В архиве суда района действительно хранились эти два названных им уголовных дела. Вызванные для допроса братья Бондаренко подтвердили, что при оглашении приговора, согласно которому они были осуждены к условной мере наказания, председательствующий Меньшов взыскал с них 140 рублей судебных издержек за производство экспертизы. После оглашения приговора пригласил их обоих в свой кабинет и велел в ближайшую субботу уплатить штраф ему лично, что они и сделали, воспринимая это как должное, и даже расписались в какой-то бумаге на столе судьи об уплате судебных издержек. Прочитав дело по их обвинению, я обнаружил, что в тексте приговора отсутствует указание о взыскании с них 140 рублей, иска по делу к ним не

предъявлялось, расписка об уплате осужденными судебных расходов отсутствует. Из этого следовало, что судья Меньшов превысил свои должностные полномочия и попросту ловко обобрал нарушителей на указанную сумму. Так братья-хулиганы Бондаренко в одночасье превратились в потерпевших по делу, а для обвинения экс-судьи добавился новый эпизод и статья.

По-другому обстояло с делом несовершеннолетних Урюпина и Миронова.

Суд под председательством Меньшова 29 октября 1974 года действительно постановил приговор, которым осудил за кражу Урюпина и Миронова условно, и их из-под стражи освободил в зале суда. На пользу, впрочем, это воришкам не пошло, и вскоре после этого они вновь совершили аналогичную кражу, за что получили реальные сроки лишения свободы. Но это уже было потом.

Допрошенная в качестве свидетеля мать подростка Урюпина Л.Л. оказалась женщиной словоохотливой и скрывать ничего не стала, подробно рассказав о том, как до суда над детьми она встретилась с соседом по подъезду — судьей Меньшовым, и он обещал помочь, пригласил её и отца второго подсудимого подростка — Миронова Б.П. — прибыть к нему в субботу в служебный кабинет. Она поняла, что нужно давать ему деньги. Урюпина Л.Л. пошла к отцу второго подростка Миронову П.С. и они совместно решили дать судье каждый по 100 рублей каждый в двух отдельных конвертах. Для этого в ближайшую субботу до начала суда они оба пришли в суд и в кабинете ожидающему их судье положили на стол конверты с деньгами. Меньшов, не заглядывая в конверты, сгреб их со стола в выдвинутый верхний ящик.

В хорошем настроении, передав взятки, родители вышли из помещения суда. Женщина шутливо заметила, что, может, зря они по сто рублей в конверты положили, судья все равно конверты забрал, не заглядывая в их содержимое, можно было бы и по одному рублю только положить. Мужчина, выслушав женщину, шутки её не разделил, резонно заметив: «Так он тогда на рубль и на судит!». Через неделю подростки были на свободе.

Допрошенный Миронов полностью подтвердил сказанное Урюпиной.

Кроме того, как выяснилось, работая в парикмахерской и будучи женщиной весьма общительной, Урюпина не могла удержаться и не рассказать об удачной даче взятки своим подругам по работе, которые на следствии из слова в слово пересказали её повествование о даче взятки во всех подробностях.

Наполнив дипломат собранными доказательствами, я возвратился из командировки с Уральского хребта в областной центр.

Три недели заняла работа по установлению и доработке фактов присвоения штрафов в Дзержинском районе. Таких эпизодов в общей сложности набралось 48, и вместе с выявленными в Горнозаводске общее их количество достигло 62. Число допрошенных свидетелей перевалило за сотню.

Выяснилось, что с целью сокрытия сбора «штрафной дани» Меньшов не регистрировал поступающие в суд такие административные материалы, попросту

выбрасывая их в мусорную корзину, тем самым уничтожал и укрывал их от регистрационного учета. Эти действия подпадали под юрисдикцию ещё двух статей уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за уничтожение документов и злоупотребление служебным положением.

Вооружившись документами и подготовившись для встречи с обвиняемым, прибыл в тюрьму. Разговор с арестантом был простой, но круг вопросов весьма обширен. Ознакомившись с предъявленными материалами, Меньшов признал все факты получения и присвоения штрафов, превышения полномочий и злоупотребления служебным положением, уничтожение документов, цинично и просто объяснив, что «его действия определялись потребностью в деньгах».

После этого перешли к вопросу о получении взятки от Урюпиной и Миронова. Для Меньшова это явилось полной неожиданностью, в корне меняющей в худшую сторону его положение, поскольку по всем другим эпизодам, максимальное наказание предусмотрено до трех лет лишения свободы. За получение же взятки ему грозило наказание от восьми до пятнадцати лет лишения свободы или исключительная мера наказания – смертная казнь. Суровость наказания за этот вид преступления, безусловно, не останавливала взяточников, но была определенным сдерживающим фактором, и такие преступления не носили распространенный и повсеместный характер. Процент их в общей массе дел был малозначителен, взяток в таком количестве и размере в те времена, в отличие от настоящих, не брали. Потрясенный обвиняемый потребовал доказательств, которые ему тут же были любезно предъявлены в полном объеме. В прятки играть уже не было никакой необходимости. Он внимательно ознакомился с протоколами допроса взяткодателей и иными следственными документами, вновь их перечитал. Негативно и эмоционально среагировал на показания Урюпиной о том, что она хотела положить в конверт один рубль вместо ста: «Надо же, хотела рубль в конверт положить, ну и ну, какая стерва!». Однако взял себя в руки и заявил, что это все оговор и получение взятки он признавать не будет. Разъяснил ему, что он вправе занять любую позицию – как признавать эпизод взятки, так и отрицать. Однако Меньшов продолжал находиться в состоянии какой-то растерянности, если не сказать – замешательства, и не мог принять какого-то решения о том, как себя вести дальше.

Наконец он обратился ко мне с просьбой отложить допрос и без протокола, по-человечески, обсудить с ним то, как ему поступить. Прекрасно понимая его состояние, предложил ему, подчеркнув, что считаю его грамотным юристом и опытным судьей, самому проанализировать доказательства по эпизоду получения им взятки и поставить себя на место судьи, который будет рассматривать его дело.

Уже вдвоем снова разложили по полочкам доказательства, анализировали их снова и снова. Меньшов осознал, что самым уязвимыми местом для него является то, что взяткодателей было сразу двое, показания их достаточно убедительны, и будь он на месте судьи, в основу приговора положил бы их показания. Суд им, конечно, поверит, тем более что объективно они подтверждены другими косвенными

доказательствами. Обсуждали это несколько часов. Предложил ему указать на обстоятельства, которые его бы оправдывали, если такие имеются, и при необходимости пообещал произвести все следственные действия в этом направлении. Необходимости в таковых он не усмотрел.

Разъяснил, что, если он будет отрицать получение взятки, возникнет необходимость в производстве очных ставок с ним, Урюпиной и Мироновым, для этого его необходимо будет этапировать в Горнозаводск. Такая перспектива не вызвала у него энтузиазма, и он непроизвольно бросил: «Да вы знаете, какая там плохая КПЗ, и сами знаете, кем я там был, а тут меня привезут туда в наручниках».

Кем он был и как себя вел, мне было хорошо известно. Об этом свидетельствовал такой эпизод: будучи назначенным председателем Дзержинского районного суда, Меньшов как-то зашел в расположенное по соседству здание РОВД. При входе дежурный по отделу встал и поприветствовал его, протянул руку, которую тот, однако, не принял и назидательно и строго объяснил дежурному, что в этом здании только один человек достоин ему протянуть руку – их начальник.

Понятно, что с такой завышенной оценкой своей персоны ехать по этапу в город, где он когда-то имел высокий социальный и должностной статус, ему совсем не хотелось. Это был бы сильнейший удар по его самолюбию. Надо было выбирать.

«Как вы думаете, Геннадий Александрович, откажутся ли на очной ставке с вами взяткодатели от своих показаний?» – спросил я его. Тот подумал, прежде чем ответить: «Полагаю, что нет: все было так, как они говорят. Деньги в конвертах я действительно получил, но признавать это сейчас не готов, дайте подумать до завтрашнего дня».

«Вам принимать решение, но вы наверняка обратили внимание на то, что в своих показаниях Урюпина упоминает, что вы ей намекнули, что нужно будет, чтобы не отменили вынесенный приговор несовершеннолетним, отблагодарить товарищей в областном суде. Исходя из ее показаний, вполне возможна квалификация ваших действий как подстрекательство к даче взятки, а это другая статья, и наказание там совсем иное предусмотрено — от трех до восьми лет. Но в таком случае вам нужно признавать получение денег и толковать ваши действия с субъективной стороны, именно как направленные на подстрекательство. Может, подумать и побороться за это? Какие еще у вас варианты возможны?» — закончил я.

На этом наше многочасовое общение было завершено. Условились продолжить разговор на следующий день.

Назавтра встретились вновь в том же кабинете следственного изолятора. Меньшов признал эпизод получения взятки от Урюпиной и Миронова, но дал им другое толкование, направленное на квалификацию его действия как подстрекательство на дачу взятки. Оформили протокол допроса обвиняемого, в котором он собственноручно и подробно записал свои показания. Слабым местом в его утверждении о подстрекательстве было то, что дело рассматривалось под его

личным председательством и в областной суд, который не имел к делу никакого отношения, не направлялось. На это обстоятельство в опровержении версии подсудимого о подстрекательстве и сослался в дальнейшем в своем приговоре областной суд, осудивший Меньшова по данному эпизоду за получение взятки.

Расследование подходило к концу, и как-то я задал ему вопрос о том, на что он рассчитывал, присваивая штрафы. Разговор носил приватный и откровенный характер, и Меньшов объяснил, что его действия по присвоению штрафов могли быть квалифицированы по статье 94 Уголовного кодекса, предусматривающей причинение ущерба государству независимо от суммы ущерба. Наказание за него предусмотрено до года лишения свободы. По сути, это был пробел в законодательстве, которым он, как квалифицированный юрист, попытался воспользоваться и поначалу небезуспешно. Кроме того, как считал он, из-за такой мелочи никто не лишил бы его иммунитета судьи, и, стало быть, не мог привлечь к уголовной ответственности.

Я возразил ему, что данные действия — уничтожение документов, злоупотребление должностным положением, превышение власти, караются законом строже — наказанием до трех лет лишения свободы. Меньшов согласился с этим, но пояснил, что, по его мнению, это тоже «мелочёвка», за которую его бы не стали изгонять из судей. Другое дело — он предполагать не мог, что его подведут под «расстрельную» статью, никак не думал, что всплывут взяточные события трехлетней давности.

«Вы же меня под расстрел подвели», – бросил он мне в упрек.

«Помилуйте, и в мыслях не было, взятку брали же вы, не думая о последствиях, а не я её придумал. Так чем же я перед вами виноват?» – отпарировал ему.

Меньшову было предъявлено обвинение по пяти статьям Уголовного кодекса. Предстояло ознакомить потерпевших и обвиняемого с материалами дела, как требует этого закон. Он обратился с просьбой о возможности изменения ему меры пресечения на подписку о невыезде в связи с окончанием следствия и болезнью одного из двух его малолетних детей. Закон допускает такое, тем более что на ход следствия, которое практически окончено, он повлиять не мог, но вопрос нужно было согласовать с руководством. Обратился к своему непосредственному руководителю – заместителю прокурора области Бахареву В.М., который в принципе не возражал, сказав, что решать это самому следователю. Но он порекомендовал сделать это при утверждении обвинительного заключения. Закон также предусматривал такую возможность.

Однако изменять меру пресечения обвиняемому не пришлось. Буквально через пару дней мне позвонил начальник следственного изолятора и попросил срочно прибыть в связи с совершением Меньшовым нового преступления — написания антисоветских листовок и попытку их распространения по тюрьме. Сообщение об этом было полной неожиданностью. В оперативной части тюрьмы мне передали четыре изъятые при распространении листовки следующего содержания:

«Друзья! Близится Октябрьская годовщина – день, когда партийные боссы и их холуи будут веселиться на банкетах, жрать икру и масло, пить коньяк и водку. Мы должны также отметить этот «праздник». Всем находящимся в тюрьме предлагается 7 ноября в течение всего дня отказаться от пищи. Уверены, что наша однодневная голодовка будет сильным протестом и достойным ответом хамам в мундирах и советским чиновникам и испортит праздничное настроение всем тем, кто, лицемерно заявляя о тесном единстве партии и народа, этот самый народ прячет тысячами за решетку. Да здравствует свобода! Инициативная группа сопротивления режиму. Внимание! Листовку размножить и распространить по всем камерам и дворикам».

Выяснилось, что, находясь в депрессивном состоянии, Меньшов организовал с сокамерниками – арестованными работниками милиции – написание этих листовок в количестве более десяти, при этом две из четырех изъятых администрацией тюрьмы листовок были написаны им лично.

Я встретился с Меньшовым, которого успели поместить, как нарушителя, в штрафной изолятор. Вид у него был поникший, виноватый. Свои действия по написанию листовок он объяснил угнетенным состоянием. В ответ на его объяснения оставалось только безнадежно махнуть рукой в знак того, что совершена непростительная глупость. О том, что он поставил следователя, который почеловечески, из гуманных соображений, идя ему навстречу, решал вопрос об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде, в неловкое положение перед собственным руководством, – объяснять ему нужды не было. Как человек неглупый, он прекрасно всё понимал. Понятно, что ни о каком освобождении его из-под ареста и подписке о невыезде после этого и речи быть не могло.

Так появилась еще одна статья обвинения — 190.1 Уголовного кодекса, сформулированная как распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, предусматривающая наказание в виде лишения свободы до трех лет. Расследование дел данной категории было отнесено уголовно-процессуальным законом к компетенции следователей прокуратуры. Коварство этой вроде и не слишком строгой статьи заключалось в том, что лица, осужденные по ней, не попадали под амнистии и не подлежали условно-досрочному освобождению.

Данная статья была введена в Уголовный кодекс для того, чтобы уменьшить количество лиц, привлекаемых по статье 70 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за антисоветскую пропаганду и агитацию и карающей до десяти лет лишения свободы. Расследование дел этой категории производилось следователями КГБ. Само применение этой статьи вызывало сильную критику на Западе, где считалось недемократичным и незаконным привлечение к уголовной ответственности людей за инакомыслие и критические высказывания в адрес власти. Поэтому для уменьшения количества лиц, привлекаемых по суровой статье в стране

развитого социализма, в Уголовный кодекс и была введена статья, под которую угодил наш судья. Данная статья в нашем обиходе именовалась «микросемидесятой», хотя по сути своей она, как и семидесятая, являлась статьёй политической. Существенная разница была в наказании – три года меньше чем десять.

Через три недели, допросив сокамерников и получив заключение почерковедческой экспертизы, объявил Меньшову о завершении предварительного следствия, и началось ознакомление обвиняемого с материалами дела, состоящего из семи томов, которое заняло у него три дня.

При ознакомлении с делом Меньшов обратил внимание на характеристику, выданную областным управлением юстиции. В целом положительная, она была так себе – ни вашим, ни нашим. Она ему не понравилась, и он попросил разрешить по этому поводу написать и отправить письмо её авторам. Суть его недовольства выражена в гневном и эмоциональном послании, текст которого приводится полностью:

«"Уважаемые" бывшие коллеги! Вчера в процессе выполнения ст. 201 УПК познакомился с вашим сочинением, которое названо моей характеристикой. Конечно, этот опус, кроме как В. Журавлевой, сочинен быть не мог никем. Поблагодарите ее от меня за такую оценку моей работы в юстиции. Эта «идейная» женщина до глубины души возмущена тем, что я «много времени уделял вопросам личного благоустройства». Это я-то, болтавшийся в течение 9 месяцев по гостиницам! И неизвестно ещё, получил бы жилище, если бы не стал сам, как нищий, стучаться в двери, или нет. Я-то и пьяница, и не пользующийся авторитетом ни у кого, в том числе и у отдела юстиции человек. А вот она – бескорыстная служительница Фемиды. Только почему-то не захотела работать за сотню рублей, а оттяпав у государства ещё одну сотню (правда, это ей стоило «великих» трудов – отсидеть, не показываясь людям на глаза, несколько дней в областном суде липовым членом суда), с победой вернуться в свою стихию и сочинять подобные кляузы. Некрасиво.

А Вы, Виктор Кириллович, Вы, как всегда, в своей роли. Я не раз убеждался, что Вы можете подписать ещё более нелепую чушь. Как всегда, бедняга, кругитесь между двух огней. Все, что неугодно подписывать вашему шефу (я имею в виду С.И. Семенова) – да это и понятно: плохую характеристику давать вроде нельзя, иначе с нас же спросят – куда вы раньше смотрели, а хорошую – рука не подымается, ведь негодяй же, преступник – подпишете Вы. Вы как-то плакались в жилетку, что скорее бы на пенсию, а то и доработать еще не дадут. Это уж точно не дадут, если не научитесь хотя бы той же «дипломатии» у Семенова или прямоте человека, не боящегося потерять место работы. А вот Журавлева до пенсии дотянет, в этом не сомневаюсь: такие, как она, «вашим и нашим», далеко идут, в воде не тонут и в огне не горят.

Вот и все, что я вынужденно, разумеется, (не привык заниматься булавочными уколами) решил вам сказать на прощание. СИЗО № 1 23.11.77 г. Пермь. Г. Меньшов».

Письмо отправили адресатам. Позднее я узнал, что с ним ознакомились те, кому это было положено и кому оно было адресовано. При ознакомлении с посланием бывшего коллеги у одного из упоминавшихся в письме лиц сразу же парализовало одну руку на почве нервного потрясения от прочитанного.

Узнав об этом, я убедился, как словом можно не только повести людей на борьбу за их светлое будущее, но и сделать инвалидом.

Дело было направлено в областной суд и рассматривалось в закрытом заседании без присутствия публики. В один из дней я по делам находился в здании областного суда и решил зайти и послушать, как идет процесс по делу, которое расследовал. По своему служебному статусу конвоем был беспрепятственно пропущен в зал судебного заседания.

Шел допрос очередного свидетеля. Показания давала жена одного из мелких хулиганов, оштрафованных судьей Меньшовым. Женщина подробно рассказала, как её муж был задержан милицией за то, что в пьяном виде непотребно выражался на улице. Ночь отсидел в кутузке, а утром предстал перед судьей. Тот предложил мужу на выбор: или штраф — 30 рублей, если штраф оплатит до конца дня ему в кабинете, или 15 суток административного ареста. Муж пулей полетел домой за деньгами. Жена, прождавшая его всю ночь, одного мужа вновь отпускать не рискнула и поехала с ним прямо в кабинет к судье, где был оплачен штраф.

Как пояснила свидетельница, судья Меньшов при этом строго и внушительно отчитал мужа за плохое поведение, прочел ему лекцию о недопустимости совершения правонарушений, что произвело на обоих супругов сильное впечатление.

Выйдя из здания суда, муж и жена обменялись мнениями о визите в суд и пришли к единодушному выводу о том, что этот мужчина – судья – «человек на своем месте».

Сразу после её слов об этом мы непроизвольно переглянулись с Геннадием Александровичем, сидящим под конвоем на скамье подсудимых. И оба, не сговариваясь, грустно улыбнулись иронии этих слов, понятной только нам обоим. Он ведь сидел в это время в зале суда на своем месте, на котором и должен был находиться преступивший закон.

Человек, безусловно, волен в своих поступках, но при этом он должен помнить и понимать, что позволительно ему и чего он не может и не должен делать. Есть некая грань, которую ни при каких обстоятельствах не следует переходить. В жизни же иногда бывает иначе.

Приговором суда по совокупности совершенных преступлений подсудимый был приговорен к 9 годам лишения свободы и полностью отбыл наказание в известной колонии в Нижнем Тагиле, называемой среди обычных заключенных «красной зоной».

БАНДА

В дежурную часть Кунгурского ОВД 6 сентября 1977 года поступило сообшение об обнаружении В районе старого карьера города полуобгоревшего трупа четырнадцатилетней восьмиклассницы Надежды Пановой. На пепелище наткнулись игравшие в заброшенном карьере ребятишки. Опрошенные оперативниками одноклассницы Нади рассказали, что погибшая очень боялась своего старшего брата – семнадцатилетнего Николая Панова и его старшего друга – соседа Юрия Кротова. По подозрению в совершении этого страшного преступления были задержаны Панов, Кротов и их третий приятель Николай Саранцев – все они вскоре были доставлены в РОВД. Как оказалось позднее, это были задержаны члены банды, в течение года совершившие сотню нападений на граждан в Кунгуре.

В середине следующего дня – менее чем через сутки – по указанию руководства я срочно прибыл в Кунгур и принял уголовное дело к производству.

Из заключения судебно-психиатрической экспертизы, проведённой 6 июля 1978 года в судебном заседании Пермского областного суда:

«Кротов Юрий Иванович, 1953 года рождения, психическим заболеванием не страдает, а является личностью с психопатическими чертами характера – эмоциональная неустойчивость, эгоистичность, злобность, моральная и физическая подчинить себе окружающих, жестокость, умение склонность фантазированию, стремление к превосходству над другими. Указанные изменения характерологических находятся В пределах особенностей, сопровождаются нарушениями мышления, критических способностей и не лишают его возможности отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. В инкриминируемых деяниях его следует считать вменяемым. Поведение Кротова в судебном заседании (отказ от ранее данных показаний, ссылка на запамятование) носит защитный характер.

Саранцев Николай Петрович, 1953 года рождения, психическим заболеванием не страдает, но у него имеются психопатические черты характера — повышенная чувствительность, впечатлительность, лёгкая внушаемость, подчиняемость, тяга к «сильным людям», желание найти «кумира», противоположного себе, подверженность пагубному влиянию окружающих, стремление самому стать «сильным». Однако указанные изменения характера представляют вариант нормы и не являются признаками психической неполноценности. Поэтому в период совершения преступлений Саранцев мог отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. В инкриминируемых деяниях его следует считать вменяемым.

Панов Николай Викторович, 1960 года рождения, страдает умственной недостаточностью, степень которой не лишает его возможности отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. В детстве у него отмечалось отставание в умственном развитии, затруднение в приобретении школьных навыков, небольшой

запас общеобразовательных знаний, примитивность, незрелость суждений, легкая подчиняемость, внушаемость. Но наряду с этим он обладает большим запасом слов, речь его хорошо развита, он достиг хорошей приспособляемости в практической жизни, в труде, понимает и с достаточной критикой оценивает сложившуюся ситуацию и своё положение. Поэтому в инкриминируемых деяниях Панова следует считать вменяемым».

При первой встрече с задержанными приятелями мы о них ничего не знали, а приведённая выше экспертиза, характеризующая каждого из них, появится позже, уже в ходе судебного следствия. Задержанные по подозрению в убийстве не торопились в чём-либо признаваться, пока младший – Панов не стал рассказывать об убийстве своей сестры, но и он не сразу стал «выкладывать» всё оперативникам. Сначала он нагло отпирался и кривлялся, разозлив своим поведением опрашивающего его оперативника, который, не сдержавшись, пнул его ногой в голень. Лишь поняв, что шутки закончились, Панов перестал «валять ваньку» и начал рассказывать такое, что ошеломило даже работников милиции.

По словам Николая Панова, он был вовлечён соседом Кротовым в преступную группу, состоящую из Кротова и его друга Саранцева. Будучи в банде, Панов прошёл необходимую подготовку, в процессе которой научился боевым приёмам, нападению на людей, конспирации и жёстким правилам поведения в быту, чтобы не вызывать подозрения у окружающих, запрыгивать в поезд и спрыгивать с него на ходу. Главным среди них был Кротов, который угрозой убийства запретил употреблять спиртное. Панов рассказал, что всего бандой было совершено пять убийств, в двух из которых – своей сестры Нади и гражданина Поспелова – он, Панов, принимал непосредственное участие. Ими также было совершено большое количество нападений на граждан, в основном находящихся в нетрезвом состоянии, с целью завладения их личным имуществом и деньгами. Лично он принял участие в трёх десятках таких нападений.

Продолжая, Панов рассказал нам ещё более удивительные вещи: члены банды даже дали клятву, суть которой — никто из них ничего не признаёт и не рассказывает, если попадёт в милицию. Кроме того, дали клятву убить любого из них в случае, если он всё разболтает. Порезав себе правые руки, они смешали свою кровь на бумаге, после чего Кротов объявил их братьями по крови. Кротов сказал им, что в дальнейшем они будут пить кровь убитого ими человека и есть его мясо, причём говорил это он вполне серьёзно, и если бы дошло до настоящего дела, то Панову пришлось бы это сделать, иначе его убили бы. Панов говорил Кротову, что мужчины, которых они избивают, могут от побоев умереть, а Кротов на это ответил, что меньше пьяных будет. Отец и мать Панова частенько выпивали, поэтому он и спросил: «А если мы так моего отца убьем?» — Кротов ему ответил: «Ну и что!».

Панов потом пояснил: избивая мужчин, он понимал, что они могут скончаться, но это было ему совершенно безразлично. Когда он вместе с Кротовым

и Саранцевым совершал нападения, понимал, что они совершали преступление, но о последствиях не задумывался, считал, что всё обойдётся и его не поймают, так как преступления они совершали с умом, в различных местах города, и он не думал, что его арестуют. Кротов говорил ему, что является «премьер-министром КГБ», но он, Панов, не верил в это.

Также Панов рассказал оперативникам, что втроём они давно насиловали его сестру, а когда Надя пригрозила им, что заявит об изнасилованиях в милицию, и даже назвала дату — 8 сентября 1977 года, когда собиралась это сделать, она подписала себе смертный приговор, который и был ими приведён в исполнение 4 сентября.

Прибыв в Кунгур, я в течение получаса ознакомился с небольшим объёмом имеющегося материала и составил план неотложных следственных действий: работникам уголовного розыска я сразу же поручил производство обысков по месту жительства Кротова, Саранцева, Панова, а сам решил начать с допроса подозреваемых.

Первым на допрос вызвал задержанного Николая Панова, рабочего кожкомбината. В следственный кабинет, расположенный в подвальном помещении РОВД, ввели худощавого, среднего роста подростка, на вид стеснительного. Включив магнитофон, начал допрос. Несмотря на свой застенчивый вид, он бойко стал рассказывать о своих «подвигах». Войдя в раж, смеясь, взахлёб рассказал о пьяных мужчинах, на которых они нападали; как, сбив их с ног, он «зайчиком» на них прыгал сверху. Подробно рассказал в общей сложности о более чем тридцати нападениях и двух убийствах, совершённых с его непосредственным участием. Подробно и непринуждённо Панов отвечал на задаваемые мной многочисленные вопросы. Складывалось впечатление, что для него эти нападения были какой-то увлекательной детской игрой, вроде как в казаки-разбойники.

На мой вопрос, не жалко ли было убивать собственную сестру, Панов погрустнел и пояснил, что ему деваться было некуда, иначе его бы самого убили сотоварищи, не подожги он её. Три с половиной часа пролетели незаметно. Панова отправили в камеру предварительного заключения, а кассету с записью передал для распечатки стенограммы допроса машинистке, выделенной по моей просьбе. По крайней мере, после допроса Панова стало понятно, какое дело теперь предстоит расследовать.

Следующим на допрос попросил привести кочегара хлебокомбината Николая Саранцева, который ранее уже начал рассказывать оперативникам об убийстве Нади Пановой. Он выше среднего роста, стройный и подтянутый, физически крепкий. С аккуратной причёской, носит очки, которые придают ему интеллигентный вид, больше похож на студента старшекурсника. Задержан он был с книгой Драйзера в руках и в одежде, снятой с потерпевших. При задержании у него была изъята записная книжка с имеющимися в ней записями, носящими явно дневниковый характер. С этого и начал допрос. Снова включил магнитофон, и подозреваемый пояснил, что в записную книжку он записывал в хронологическом порядке все

совершённые ими нападения на граждан в Кунгуре, указывая только даты и внося понятные лишь ему записи-пометки.

Саранцев рассказал, что он познакомился с Кротовым ещё во время службы в армии, в Челябинске. Тот сумел расположить его к себе, а узнав, что после службы Саранцев собирается поступать на работу в КГБ, объявил ему, что он на самом деле является сотрудником КГБ и будет заниматься его подготовкой для службы в органах. Саранцев поверил Кротову, который стал его учить приёмам каратэ и самбо, правилам конспирации, устрашения людей. После окончания службы Саранцев по вызову Кротова переехал из города Березники, где проживал с родителями, в город Кунгур и устроился работать там, где ему было указано Кротовым. Кротов занялся его «подготовкой». Эта «подготовка» вылилась во множественные нападения на граждан, во время которых Кротов показывал, как нужно наносить удары и применять приёмы борьбы. Они изготовили кастеты, плети из велосипедных цепей и мотопилы и использовали их во время нападений, в которых участвовал также и Панов роли «мальчика на побегушках».

На берегу реки члены банды дали клятву на крови, и Кротов объявил, что теперь они кровные братья. Бумагу, на которой они смешали свою кровь после ритуала, Кротов сжёг и заявил, что так же будет с тем, кто забудет клятву и предаст, поэтому в банде соблюдалась строжайшая конспирация. Кротов поручил после этого Саранцеву провести «занятия» с Пановым — убивать кошек, чтобы ожесточить характер последнего. Эти «занятия» придумал Кротов, который любил убивать кошек с детства, говорил, что это его слабость. Кротов сказал, что для того, чтобы стать таким же, как он, ему, Саранцеву, необходимо пройти курс обучения под его руководством. Для этого надо совершить две тысячи нападений на людей, в том числе сто убийств. Кротов учил убивать с улыбочкой, говоря, это признак хорошей школы обучения, обещал ему и Панову, когда число нападений достигнет 100 — 150, то поведёт Саранцева и Панова пить человеческую кровь и есть мясо человека — это нужно для воспитания свирепости в драках и убийствах.

Саранцев подробно рассказал о каждом нападении из почти сотни совершённых с его участием, в том числе о пяти убийствах, включая последнее — Нади Пановой. По его словам, все трое, включая и её брата, регулярно насиловали Надю, пока она однажды не сказала, что заявит на них в милицию. Именно поэтому Кротов разработал план её убийства, согласно которому, он, Саранцев, должен был убить девочку, Кротов облить бензином, а брат — поджечь. План ими был в точности выполнен.

Совершая нападения, Саранцев полагал, как он пояснил, что выполняет приказы КГБ, так говорил ему Кротов. О последнем Саранцев сообщил: «...Кротов казался мне всесильным и опасным человеком. Он утверждал, что убъёт, не раздумывая, любого, даже свою родную мать, жену, детей, бабушку, если это понадобится». Своими показаниями Саранцев первым, по сути, выдал весь перечень

совершённых преступлений и определил предстоящий объём следственных действий.

Показания Саранцева поразили меня легковерием, наивностью внушаемостью. Как можно было не понимать, что КГБ здесь ни при чём, а Кротов – самый обычный бандит, совершавший с двумя такими же преступниками тягчайшие преступления. С другой стороны, может, Саранцеву просто хотелось верить в эту, с его точки зрения, полную опасных и романтических приключений жизнь, как в некую страшную игру по исполнению мифических приказов, и таким образом оправдать совершённые преступления? Допрос его затянулся до полуночи; к тому времени с богатой добычей в виде вещественных доказательств вернулись с обысков три группы оперативников. Чего только не было изъято у подозреваемых: много шапок и кепок, обуви, предметов верхней одежды, наручных часов, плетей из цепей, кастетов, различных инструментов, документов, кошельков, ключей и всего прочего – перечень составлял десяток листов.

Прикинул, что на проведение описания и осмотра всего этого «добра» понадобится не один день; также необходимо будет установить принадлежность каждой вещи, найти владельца, провести опознание. Времени на всё сразу катастрофически не хватало.

Следующее утро начал с допроса Кротова. Он рабочий строительного треста, выглядел старше своего возраста лет на десять; среднего роста, крепко сложенный мужчина с невыразительным лицом. Поразили глаза – своим серым оловянным цветом – и без каких-либо эмоций взгляд, он старался не встречаться глазами с глазами собеседника и смотрел как бы мимо. Кротов пояснил, что, познакомившись с Саранцевым, представился ему работником КГБ, и тот в это поверил. Обучил его приёмам борьбы. В июле 1976 года Саранцев переехал к нему поближе, в Кунгур. Да, Кротов, Саранцев, Панов совершали нападения на пьяных мужчин в городе. Братались и давали клятву. Совершили несколько убийств мужчин и Нади Пановой, но, по словам Кротова, инициатором всех преступных нападений был Саранцев, который и предложил убить Надю Панову, а руководил ими его бригадир Григорий Блашенков, у которого он, Кротов, работал в бригаде на стройке.

Позиция Кротова была проста: он не отрицал, что совершал преступления, но не называл себя главным. Правда, при этом он поделился дальнейшими планами банды: «...начнём после этого грабить магазины, сберкассы и всё такое. Главное, пройти выучку... На первых порах на Кунгурскую сберкассу был бы налёт устроен...». Закончив его допрос, магнитофонную кассету также отдал на распечатку стенограммы.

Принимая во внимание то, что Саранцев вёл строгий учёт совершённых бандой преступлений по датам в своей записной книжке, я в РОВД поднял книги учёта зарегистрированных преступлений за последний и предшествующий годы. Сверил записи Саранцева с зарегистрированными преступлениями в книгах учёта милиции, результат меня просто обескуражил – всего восемь заявлений (не считая

пяти убийств) было зарегистрировано в милиции из почти сотни нападений, отмеченных в записной книжке подозреваемого. По всем восьми заявлениям были возбуждены уголовные дела, которые значились как нераскрытые. Изучая эти дела о нападении «моих» подозреваемых на пьяных потерпевших, я обратил внимание на то, что никто из потерпевших даже не смог связно пояснить, что с ними произошло. Как под копирку, показания: шёл поздно вечером, изрядно выпивши, кто-то ударил, сбил с ног, отобраны такие-то вещи.

Из показаний потерпевшего М.: «...с приятелем выпили по 750 граммов водки (!), после этого ещё две бутылки (!). Домой шёл сильно пьяным. Где и кто на меня напал, не знаю. Когда подобрали, не помню...». Из показаний потерпевшего Ю.: «...я пошёл в ресторан, выпил, что со мной произошло, сказать не могу. Придя в себя, обнаружил, что нет очков и пальто. При каких обстоятельствах получил травму, не знаю». Никаких сведений о приметах преступников, сколько их было, откуда они появились, в заявлениях потерпевших не содержалось. Складывалась парадоксальная ситуация, при которой преступники арестованы, а следствию предстояло искать теперь уже самих потерпевших. Невольно мне вспомнилась увиденная в старом номере юмористического журнала «Крокодил» карикатура, на которой изображён милиционер, поймавший хулигана, а второй работник милиции бежит за убегающим свидетелем, и первый милиционер кричит вслед второму: «Хулигана я уже поймал, а ты лови свидетелей!». В нашем же случае нужно было отлавливать не свидетелей, а потерпевших.

Поручил работникам уголовного розыска собрать все возможные сведения о бригадире Блашенкове и проверить поступления в больницы мужчин с травмами в дни, указанные в записной книжке Саранцева. Затем начал работу с вещественными доказательствами, среди которых были различные документы потерпевших. Так установили ещё одиннадцать потерпевших от этой банды. Допросил их, и они подтвердили, что подверглись нападению, но ничего не могут рассказать о нём, поскольку ничего не помнят из-за сильного опьянения. По этой же причине и не заявляли в милицию, поскольку не знали, что им вообще говорить и о чём заявлять. Слушая их, я про себя подумал, что такие потерпевшие — просто же бесценная находка для грабителей: никого не опознают, ни о чём не смогут рассказать, да и никуда не заявят.

Однако польза даже и от таких «молчунов» все-таки была: при проведении опознания изъятых у подозреваемых вещей потерпевшие узнали похищенные у них вещи, ну хоть какая-то помощь следствию. А где искать ещё несколько десятков потерпевших? Поручил это работникам уголовного розыска Кунгурского РОВД. Со своей стороны понимал, что даже если и будут найдены таковые ещё, то рассчитывать на их показания, которые будут, скорее всего одинаковы: был пьян и ничего не помню, особо нечего. В лучшем случае они смогут опознать похищенные у них вещи. У следствия уже имелись показания трёх преступников о нападениях на неизвестных

им пьяных мужчин, каждое подтверждено дневниковой записью Саранцева, и, наконец, у подозреваемых изъяты вещи потерпевших. Имена жертв следствию не удалось установить, но эти вещи как доказательства преступлений можно было предъявить суду. Между тем проверка по больницам города, как я и предполагал, имён потерпевших нам так и не добавила.

От оперативников получил собранную информацию о бригадире строителей Блашенкове, в бригаде которого работал стропальщиком Кротов. Никаких компрометирующих сведений на него не имелось: обычный строитель, имел семью, злоупотреблял спиртными напитками, но... состоял в неприязненных отношениях с Кротовым. Дал поручение оперативникам провести обыск по месту жительства Блашенкова и доставить его ко мне на допрос. Через пару часов ко мне доставили крепкого мужчину, лет сорока, выше среднего роста. При обыске у него обнаружили наручные часы марки «Победа», которые, по его словам, ему летом подарил бригадник Кротов. Именно эти часы были отобраны у потерпевшего М. при нападении на него «нашей» троицы. Получается, что Блашенков каким-то образом был причастен к совершению преступления, но на допросе он категорически это отрицал. Заявлял: он не знал, что подаренные ему часы были добыты преступным путём; утверждал, что Панова и Саранцева не знал вообще.

Поскольку имелись показания Кротова, что Блашенков являлся организатором совершённых преступлений, объявил ему, что он задерживается по в совершении этих нападений, и отправил предварительного заключения. Вновь поочередно допросил Панова и Саранцева по поводу Блашенкова, и те пояснили, что он им неизвестен, никакого другого руководителя, кроме Кротова, у них не было и никого они больше не знают. Вновь допросил Кротова, тот продолжал настаивать, что главным у них был Блашенков. На следующий день провёл очную ставку между Кротовым и Блашенковым: оба настаивали на своих показаниях. Однако Кротов не смог ответить, в чём же заключалась роль Блашенкова, какие конкретно действия им были совершены, где и когда, при каких обстоятельствах. Оперативники в это время по моей просьбе устанавливали и опрашивали всех знакомых Блашенкова, чтобы собрать о нём как можно больше сведений, его характеризующих. Но ничего больше, кроме показаний Кротова, не давало нам оснований полагать, что Блашенков является организатором или участником совершённых бандой преступлений. Через трое суток проверки напуганный насмерть и притихший Блашенков отправился домой, благодаря судьбу и следствие, что «не пошёл по делу» в качестве обвиняемого.

Через несколько дней Кротов обратился ко мне за разрешением послать письмо его жене Тамаре, в котором вместе с просьбой передать ему тёплые вещи и смену белья, как между прочим сообщил, что в преступную деятельность его вовлёк бригадир Блашенков. Кротов явно рассчитывал на то, что мы вновь будем проверять того и, как знать, может, удастся что-нибудь свалить на него. Вызвал на допрос

супругу Кротова Тамару. Жизнь её в последнее время складывалась не лучшим образом. Женщина была работящая, непьющая, трудилась на стройке вместе с мужем, Кротовым, от первого брака имела сына шести лет. Её первый муж за совершение зверского изнасилования несовершеннолетней получил пятнадцать лет лишения свободы. Познакомилась с Кротовым, от него родила дочь. Радовалась, что попался непьющий мужчина, которого на работе уважали. Теперь и второго мужа тоже арестовали, и она осталась одна с двумя детьми на руках. Тамара рассказала, что муж дружил с Саранцевым и Пановым, по вечерам они часто уходили погулять, всегда были трезвые, вели себя прилично. Чем они занимались на самом деле, ей было не известно; иногда муж приносил какие-то вещи, она не спрашивала откуда. Теперь, узнав о преступных похождениях мужа, она относилась к нему крайне негативно, но изменить уже ничего нельзя. Передала свой письменный ответ на письмо Кротова, который начинался так: «Нет прощения таким, как ты, и земля не должна носить извергов...»

Подошло время встретиться с родителями погибшей Нади и убийцы Коли Пановыми. Утром, по повестке, ко мне в кабинет вошли их родители — Агния Николаевна и Виктор Михайлович, два пожилых тихих человека, оба небольшого роста, с испитыми лицами, от них разило спиртным. На моё замечание, что являться нужно трезвыми, они возразили, что это у них запах от вчерашней выпивки, просто они с похмелья. Верилось в это с трудом. Они пояснили, что ничего не знали о преступлениях сына и его приятелей, ничего не замечали и за дочерью. Понятно, что за таким времяпровождением, когда дни катились от выпивки до выпивки, они не увидели, как ушли из жизни сразу двое детей: сын — долго, поздними вечерами, когда и мать, и отец зачастую сидели с бутылкой водки, дочь — ясным осенним днём, погибнув от рук своего брата и его дружков. Оба родителя сочувствия не вызывали.

Перед моим мысленным взором встали две дороги: по одной из них вдаль убегает с места преступления совершивший его, по другой – спешат те, кому надо остановить, обезвредить силу, ставшую опасной для людей. Обе дороги эти обязательно пересекутся, каким бы долгим и трудным ни был путь к этому перекрестку, как бы искусно ни маскировался убегавший.

Год до встречи со следователем вписал в биографиях Кротова, Саранцева и Панова не один десяток преступлений. Предстояло понять, как это вообще стало возможным, какие условия этому способствовали. Никогда не бывает безлюдной дорога преступника: есть пострадавшие, свидетели, просто знакомые, и как скоро наступит встреча преступника с правосудием, во многом зависит от них. Правоохранительные органы стоят на защите общественных интересов, но и они нуждаются в помощи окружающих, в активной гражданской позиции и участии тех, кто вокруг, без этого немыслим милицейский труд. Уголовное дело не бывает без потерпевшего, свидетелей, обвиняемого, но начинается оно, как правило, с

потерпевшего, от которого хотелось бы услышать внятное и ясное изложение о происшедшем (к сожалению, убитые не в счёт, они показаний дать уже не могут).

В данном деле были потерпевшие, которые заявили о нападениях на них, каких-либо подробностей сообщить не смогли. Те потерпевшие, кого удалось установить уже следствию, тоже мало чем помогли нам. Так, одна из потерпевших женщин, спутник которой был убит при нападении на них, была тут же после этого изнасилована Саранцевым и Кротовым, однако она была пьяна настолько, что даже не смогла вспомнить об этом. Вместе с десятками потерпевших, личности которых так и не удалось установить, они только шире открывали шлюзы для преступной волны безнаказанности тройки бандитов, но ведь, кроме потерпевших, были ещё и окружающие.

Работая в строительном управлении, Кротов переходил из одной бригады в другую. «Иначе спиться можно, – объяснял он, – пьют не только в дни получки, но и любые другие, а отказываешься – косятся, вроде не уважаешь бригаду». Однако приятельские отношения с людьми он старался не нарушать, а где можно – помочь. Однажды во время перекура Кротов говорил с рабочим Павленко про житьё-бытьё. «Простить не могу этой И., – жаловался новый приятель, – 120 рублей моих по суду получила, а кто ей велел под руку попадаться, трудоспособность терять? Так уж скоро и выпить не на что будет». – «Болтлива не в меру, – поддержал его Кротов, – ничего, угомоним».

«Помощь» оказалась скорой. Вечером того же дня, по указанию Кротова, Саранцев дожидался И. у дома. Бил расчётливо и наверняка. «Закрытая травма черепа с сотрясением головного мозга, повлёкшая стойкое нарушение слуха» – поставили диагноз врачи. Потерпевшая о нападении в милицию не сообщила — ни сразу, с помощью родных, ни после лечения. Не посчитали нужным это сделать и медики Кунгурской райбольницы. А ведь раскрыть это преступление не представляло большого труда: нападение было одним из первых на счету банды, но оно осталось вне поля зрения правоохранительных органов.

Кротов носил с собой даже на работу боевую плеть, показывал товарищам, объясняя, что «сделал на всякий случай». Именно ударами такой цепи был убит один из потерпевших. Рабочему Фефилову просто так подарил ношеные, но исправно идущие наручные часы, и не только ему. Вопросов ни у кого тогда не возникало. Всем было безразлично. Это потом, когда начались допросы и выемки розданного награбленного, стало звучать: «Если б мы знали...» А может быть, и знать-то и не хотели? Зачем? Так спокойней, и спишь лучше.

В течение месяца проводил все неотложные следственные действия и совершал выезды со всеми обвиняемыми по отдельности на места совершения убийств и нападений. В порядке проверки их показаний делал все необходимые запросы, назначал различные экспертизы. После этого всех троих обвиняемых этапом отправил в Пермскую тюрьму. Помимо того, что они будут там содержаться,

им проведут также судебно-психиатрическую экспертизу. Сам я тоже спешил вернуться в областной центр — необходимо было завершить расследование ещё одного уголовного дела, которое находилось у меня в производстве, тоже многоэпизодное. Так сложилось, что у нас, старших следователей, как правило, находилось в производстве сразу несколько дел, и надо было укладываться в установленные законом сроки расследования. Ещё в течение одного месяца закончил расследование другого дела и отправил его в суд. Снова вернувшись к расследованию Кунгурского дела, начал готовить объёмные многостраничные постановления о привлечении этой троицы в качестве обвиняемых.

Наступил новый, 1978 год. Кунгурское дело снова пришлось откладывать в сторону, поскольку меня 2 января срочно отправили в командировку в райцентр Барда, что в ста пятидесяти километрах юго-западнее Перми: следователь районной прокуратуры нанёс ножевое ранение своей жене во время бытовой ссоры. Дело несложное, но тоже требовало времени. Арестованного бывшего коллегу, который к тому же не признавал своей вины, также этапировал в Пермскую тюрьму, и у меня появилась возможность снова вернуться к расследованию прежнего дела. Однако уже 15 января пришлось выехать, опять по указанию руководства, в лагерный посёлок Валай на самый север области, за 400 километров от областного центра. Там, в рабочей зоне лагеря особого режима были убиты во время пьяной разборки пять особо опасных рецидивистов, один из них был застрелен командиром роты охраны, ранены восемь заключённых и офицер охраны. Три недели там занимался допросами осуждённых, работников администрации и охраны, выемками вещественных доказательств, затем получил санкцию на арест пятерых убийц и отправил их этапом в Пермскую тюрьму. Туда же возвратился сам с большим количеством изъятой одежды, принадлежащей обвиняемым и снятой с трупов, и ножей; всё это направил на экспертизу. По возвращении в Пермь в течение пары дней успел закончить и направить в суд «Бардымское» дело.

В это время из города Березники приехала мать обвиняемого Саранцева, причём не одна, а со старшим сыном и дочерью. Мать, пожилая женщина, встревоженная судьбой среднего сына Николая, настойчиво просила меня объяснить, за что он арестован. Ничего не скрывая от неё, рассказал матери, в чём обвиняется её сын, в пяти убийствах и десятках нападений на граждан (опустил только эпизоды изнасилований). Мой рассказ произвёл на неё сильное, удручающее впечатление. Пользуясь тем, что вместе с матерью прибыл её старший сын, допросил его в качестве свидетеля, и он пояснил мне, что его брат по натуре человек легковерный и внушаемый, может верить в различные фантазии. Все трое прибывших родственников попросили разрешить свидание с арестованным Николаем Саранцевым. Понимая, что они, возможно, уже никогда больше не смогут увидеться и пообщаться с ним (так оно в дальнейшем и произошло), организовал им такое свидание. Чтобы ускорить его, составил тут же письменную заявку и лично

проводил их в следственную часть изолятора под видом проведения следственных действий.

Конвой привёл Саранцева в кабинет. Он был в хорошем настроении, выглядел бодро, был обрадован встрече с родными. Это сразу успокоило его мать. Начали неторопливый разговор о семейных новостях, в свою очередь обвиняемый успокоил мать, сказав, что у него всё нормально, его никто не обижает, и, самое главное, подтверждает, что он сидит за дело, на нём – совершённые убийства и нападения, в которые его втянул Кротов. После этого, судя по виду, у матери пропали последние сомнения, что её сын сидит ни за что. Через полтора часа конвой увёл обвиняемого, а у матери ко мне был только один вопрос – сохранят ли жизнь сыну. Вопрос тяжёлый для меня: сам-то я прекрасно понимал, что за совершение пяти убийств и почти сотню нападений на людей суд не может не вынести единственно справедливый приговор – исключительная мера наказания. Но как об этом сказать матери убийцы? Сослался на то, что я всего лишь веду следствие, а меру наказания будет определять суд. Если у неё есть какие-либо претензии и вопросы ко мне как к следователю, готов ответить и объясниться. «Что вы, какие претензии, – ответила она, – мы вам благодарны, вы нас хорошо приняли, выслушали и свидание дали, на которое мы и не рассчитывали, повезло сыну со следователем». На этом мы расстались.

В один из дней, когда я находился в следственной части тюрьмы, ко мне обратился работник оперативной части Владимир Оглезнев. Он проинформировал меня, что есть данные: мой подследственный Кротов собирается убить своего следователя, то есть меня. Это меня несколько даже позабавило. Я понимал, что оружия у него нет, а без него – он физически не сильнее меня – осуществить это убийство в условиях тюрьмы проблематично. Заметив мой скептицизм, оперативник не обиделся и объяснил мне, что Кротов готовит оружие. Для этого он даже сумел раздобыть столовую ложку, ручку которой затачивает о бетонную стену в камере, превращая её в лезвие, как у ножа. Работа идёт успешно, и скоро лезвие будет готово. С ним он явится на очередное следственное действие и пустит в ход это орудие убийства. Понимая, что это уже не шутка, – так можно и не дожить до окончания расследования этого дела, обсудили с ним план дальнейших действий. Решили сделать так: пусть Кротов изготовит нож, потратит на это время, а я ему не буду мешать – вызывать его для производства следственных действий. Когда он закончит своё дело, и, вооружённый самодельным ножом, будет вызван на допрос, его предварительно тщательно обыщут и изымут оружие как запрещённый для обращения предмет. Так и поступили. Это преступление мы предотвратили, а вот сотню других, совершённых им до этого, не смогли.

Расследование подходило к завершению, и возникла необходимость в соответствии с установленным порядком зарегистрировать все совершённые бандой преступления, а это требовало заполнения сотен карточек формы № 1. Поскольку

времени у меня на это просто физически не было, попросил прислать ко мне специального работника, и в моё распоряжение была направлена молодая женщина, которая в течение дня заполняла бланки статистической отчётности установленной формы. На учёт было поставлено дополнительно ещё около сотни преступлений, т.е. произошло значительное увеличение роста зарегистрированных преступлений в районе. Фактически ухудшились показатели работы местных правоохранителей, поскольку директивно от органов внутренних дел требовалось принимать меры и добиваться снижения преступности в стране, строящей коммунизм. С трудом тогда понимал, как можно регулировать количество совершаемых преступлений, ведь известно, что преступность – явление социальное и зависит в конечном итоге от экономического положения общества в целом и состояния его морали. Безусловно, по каким-то видам отдельных совершаемых преступлений можно добиться снижения их количества. Поставить, к примеру, на каждый перекрёсток в городе по милиционеру, и уличная преступность сразу же снизится, но она с улицы уйдёт в дома. В нашем случае, с одной стороны, произошёл рост совершённых преступлений за счёт их регистрации. Официально это считалось плохо, с другой стороны – все эти преступления были раскрыты, что значительно подняло процент общей раскрываемости преступлений, ЭТО было хорошо. Высокий раскрываемости в органах внутренних дел требовали всегда. Поэтому получилось, как в известной поговорке, – худа без добра не бывает.

Дело о преступлениях, совершённых бандой Кротова, рассматривалось Пермским областным судом в выездном процессе, который проходил в Кунгурском районном Доме культуры в течение более месяца. В конце последней недели, по просьбе председательствующего на этом процессе – члена областного суда Садовенко Василия Яковлевича, я прибыл к началу судебного заседания с аппаратурой для показа киноплёнок, на которых засняты Кротов, Саранцев и Панов на местах совершения преступлений во время следственных экспериментов. Зал, способный вместить пятьсот человек, был переполнен до отказа. Люди стояли в проходах и при входе, а также за пределами здания, на улице. Подъехали автомашины с арестованными, и конвой, взяв в плотное кольцо трёх подсудимых, с трудом пробивался через толпу внутрь помещения. Из толпы, состоящей в основном из женщин пожилого возраста, раздавались крики с проклятиями, они пытались протиснуться к конвоируемым и плюнуть в них. Я успел увидеть только перепуганное лицо Николая Панова, который прятался за спину конвоира. Отметил про себя, что в Кунгуре, как и везде, народу подавай зрелище. Через несколько минут вслед за конвоем протиснулся в зал; там, на сцене, установил привезённый с собой кинопроектор и по команде председательствующего в течение полутора часов демонстрировал отснятые кинокадры. В затемнённом и переполненном зале стояла полная тишина. Закончив показ, начал собирать киноаппаратуру. Суд продолжил судебное заседание, уточняя у подсудимых детали, связанные с показанными на экране записями следственных действий. Неожиданно для всех встал Саранцев и задал вопрос Кротову: «Юра, ты же говорил мне, что всё, что я совершал, — это были приказы КГБ, как же так?». В ответ Кротов, даже не посмотрев в сторону своего подельника, покрутил демонстративно пальцем у виска и насмешливо ответил: «А у тебя, Коля, где свой-то ум был?!».

При окончании процесса в течение целого дня 24 июля 1978 года судья зачитывал сто сорок страниц текста приговора. Панов и Саранцев обвинялись только по статье 77 Уголовного кодекса (бандитизм), а Кротов, помимо этой же статьи, также обвинялся и по другим, менее тяжким статьям: 112 (причинение лёгких телесных повреждений своей бывшей знакомой) и 120 (развратные действия в отношении несовершеннолетней).

Судья, зачитывая резолютивную часть приговора, после слов «Суд приговорил», как и положено, сначала объявил: «Назначить наказание Кротову по статье 112 — шесть месяцев лишения свободы, по статье 120 — три года лишения свободы...». А дальше оглашать приговор судье не дала находившаяся в зале толпа, сразу встретившая услышанное рёвом, громкими криками и ругательствами в адрес суда и подсудимых. Положение спас старший конвоя — бывалый прапорщик внутренних войск, который громовым командным голосом потребовал всех замолчать и слушать дальше зачитывание приговора. Василий Яковлевич смог продолжить оглашение, и после того, как он озвучил, что «Кротов по статье 77 приговаривается к исключительной мере наказания — смертной казни с конфискацией имущества», присутствующие люди встретили это бурными аплодисментами и радостными криками. Наблюдая за происходящим, я убедился, как одним сказанным словом можно управлять возбуждённой толпой.

Приговором суда Саранцев был также приговорен к смертной казни, а Панов, поскольку был несовершеннолетним, — к десяти годам лишения свободы. Верховный суд РСФСР рассмотрел дело по жалобам осуждённых и приговор областного суда оставил без изменения. Президиум Верховного Совета отклонил ходатайство осуждённых о помиловании. Приговор суда был приведён в исполнение. Ненамного пережил своих подельников и Николай Панов. Свой срок наказания он не успел отбыть — был убит заключёнными в исправительно-трудовой колонии.

«ПОЛОСАТАЯ» ЗОНА

В октябре 1979 года по указанию руководства мной было принято к производству уголовное дело о нераскрытом убийстве особо опасного рецидивиста — бригадира Мухаметханова по кличке Бык, совершённого 18 августа 1978 года, уже больше года назад, в рабочей зоне ИТК-9 учреждения АМ-244/7, расположенного в посёлке Красный Берег Соликамского района Пермской области.

Из имеющихся материалов дела следовало, что в тот день в рабочую зону ИТК были выведены несколько бригад осуждённых — 28 особо опасных рецидивистов (ООР), отбывающих срок в основном за убийства. В рабочей зоне Мухаметханов и другие осуждённые пьянствовали. Во второй половине дня Мухаметханов в помещении моторного цеха беспричинно ударил заточенным шабером (напильником) в бедро и ягодицу осуждённого Чернявского, который тоже был в подпитии, после чего ушёл в слесарку, расположенную в старом гараже, где находился поселенец Завьялов — бывший надзиратель Челябинской тюрьмы, единственный не особо опасный рецидивист из находившихся в рабочей зоне.

О ранении Чернявского сообщили его бригадиру – осуждённому Жолобову по кличке Кайский. Последний вместе с членом бригады осуждённым Андросовым пошел искать Мухаметханова, чтобы «разобраться» с ним из-за ранения члена его бригады. Пока они ходили и искали его, в помещение слесарки, где находились Мухаметханов и поселенец Завьялов, пришёл осуждённый Кальянов по кличке Молодой. На допросе Завьялов показал, что он ушёл из гаража, оставив там Кальянова наедине с Мухаметхановым. Оставшиеся затеяли между собой «спорный, нехороший разговор». Выходя, Завьялов увидел идущих туда же, в гараж, осуждённых Андросова и Жолобова. Допрошенный Кальянов пояснил, что после разговора в слесарке с Мухаметхановым он вышел из помещения гаража и на выходе встретился с Жолобовым и Андросовым, которые спросили у него: «Где Бык?» Он им сказал, что тот здесь, в слесарке. Андросов с ножом в руке двинулся туда. Он, Кальянов, отходил от гаража, когда его окликнул Андросов, уже вышедший из гаража, подозвал к себе и сказал, что «завалил» Быка, и велел Кальянову молчать. В свою очередь Жолобов и Андросов пояснили, что в поисках Мухаметханова они подошли к входу в гараж и увидели выходящего из слесарки Кальянова. Подошли к нему и поинтересовались, где Мухаметханов. Кальянов ответил им, что он его зарезал.

После окончания работы подошедшие к слесарке члены бригады обнаружили её дверь закрытой на особый, известный только им рычажный запор. Гаечный ключ на 17 мм, которым этот запор приводился в действие, находился в условном, скрытом от остальных месте. Открыв дверь слесарки, они обнаружили там труп Мухаметханова.

Судебно-медицинской экспертизой было установлено, что смерть потерпевшего наступила от колото-резаного ранения грудной клетки со сквозным

ранением сердца. Помимо этого, на теле имелись ещё ножевые ранения: одно – в грудную клетку слева, второе – на спине слева. Последним было нанесено ранение в грудную клетку слева. Также на теле имелись следы активной борьбы.

Расследование преступлений, совершённых в местах лишения свободы, а тем более в исправительно-трудовых учреждениях особого режима (называемых осуждёнными «полосатой» зоной за рисунок носимой ими формы – разноцветная полоска шириной семь сантиметров на их одежде), имеет свою непростую специфику: особо опасные рецидивисты, как правило, показаний не дают вообще или их показания сводятся к следующему: не видел, не слышал, отвернулся, спал, ничего не знаю. И есть градация преступлений: если преступление совершено в зоне «по беспределу» (не «по понятиям») и осуждается остальными, то какие-то показания можно получить; другое дело, когда преступление в зоне не осуждается, например, в отношении работника администрации, это «по понятиям», тогда показания получить практически невозможно. Общая установка остаётся в любом случае одна: помогать следствию (давать показания, изобличающие себе подобного) считается «западло». Кроме того, необходимо учитывать и предшествующий криминальный опыт, приведший их в зону особого режима содержания. Как правило, это не менее трёх-четырёх судимостей, а то и более, и они, прошедшие во время следствия практическую школу уголовно-процессуального права, прекрасно ориентируются в тонкостях следствия и понимают толк в доказательствах. Всё это накладывало отпечаток и на данное дело. Совершённое убийство Быка рецидивистами не осуждалось.

В своих первоначальных показаниях Кальянов, Жолобов, Андросов вообще не признавали какой-либо причастности к убийству или своей осведомлённости о нём. Пока между ними не возникли разногласия. Никто, как и бывает в таких случаях, не захотел сидеть «за того парня». Орудие преступления, нож, следствием обнаружен не был. Одежда подозреваемых и потерпевшего не изымалась. Подозреваемые, а их пока было трое – Кальянов, с одной стороны, Жолобов и Андросов, с другой стороны, – давали выше приведённые показания друг на друга. Неоднократно проводимые между ними очные ставки ни к чему не привели и ясности в дело не внесли. Эти особо опасные рецидивисты заняли, образно говоря, зеркальную позицию, при которой сваливали вину друг на друга.

Следствие зашло в тупик и было приостановлено за не установлением лица, совершившего преступление. Но дело было истребовано прокуратурой Пермской области, постановление о приостановлении следствия отменено и передано мне для дальнейшего расследования. Задуматься было над чем. Понятно, что преступление могло быть совершено только кем-то из находящихся тогда в промзоне, охраняемой часовыми, а это двадцать восемь особо опасных рецидивистов и поселенец Завьялов.

Прошло более года, и расследование надо было начинать практически сначала. Составив план расследования, я покинул областной центр и на самолёте вылетел на север, в местную столицу лагерного края Соликамск.

В Соликамском морге меня ждала первая удача: была обнаружена чудом сохранившаяся одежда убитого рецидивиста Мухаметханова – на куртке с левой стороны сверху пришита грязная тряпичная табличка с его фамилией и инициалами. Это я расценил как хороший знак. На куртке имелись разрезы, необходимо было назначить экспертизу, чтобы установить, одним или несколькими ножами Мухаметханову были нанесены ранения, – это могло иметь существенное значение для дела. Одежда была изъята и направлена на комиссионную экспертизу.

Из Соликамска двинулся дальше на север по таёжной осенней дороге — до посёлка Красный Берег чуть меньше сотни километров. Прибыв в исправительнотрудовую колонию (там я провел пару недель), решил допросить всех рецидивистов, 28 человек, и поселенца Завьялова. Оперативники колонии оказали мне полное содействие — они тоже были заинтересованы в раскрытии убийства, которое портило им статистику.

На месте выяснилось, что поселенец Завьялов уже отбыл свой срок и уехал домой в Челябинск, но адрес его имелся в оперчасти, и мы телеграммой вызывали его для допроса. Обстоятельство, что он уже на воле, было крайне важным. Завьялов мог дать откровенные показания, ведь одно дело давать показания в качестве отбывающего наказание, и другое дело – быть на свободе, кроме того, не следовало забывать, что он – бывший тюремный надзиратель, и с ним легче будет найти общий язык. В дальнейшем наши надежды оправдались.

Чтобы изолировать друг от друга, Андросова и Кальянова перевели в разные колонии лагерного управления АМ-244 (Усольлаг). Созвонившись с прокурором этого лагерного управления, я попросил организовать этапирование первого подозреваемого поближе, в транзитно-пересыльный пункт, расположенный в городе Соликамске, а Кальянова вернуть в ИТК, так как он понадобится для проведения следственных действий на месте прошлогоднего убийства.

В течение нескольких дней были допрошены осуждённые из числа тех двадцати восьми, что были во время совершения преступления в рабочей зоне. Отвечали они неохотно и односложно, но это меня не смущало, поскольку удалось установить местонахождение каждого из них во время убийства. Некоторые из них отказывались давать показания — это было ожидаемо, такова специфика этого дела.

Зона особого режима отличается от всех других зон (строгий, усиленный и общий режим) прежде всего тем, что количество содержащихся там заключённых (четыреста) почти вдвое меньше, чем в обычных колониях, но сроки, на которые они осуждены, большие. Никто точно не подсчитывал, конечно, но, по моим прикидкам, в среднем — более чем по десятку лет на каждого приходилось. Тот же Кальянов, имея уже четыре судимости в свои тридцать три года, согласно приговорам, если их просто сложить, был приговорён в общей сложности тоже к тридцати трём годам. Забегая вперед, скажу, что по этому делу суд определит ему ещё пятнадцать лет лишения свободы.

Попав в зону особого режима на десяток, а то и более лет, находящиеся там успевают по десятку раз пересказать друг другу одни и те же истории, изрядно надоев набившими оскомину рассказами и самим себе, и другим. Вот поэтому появление там посторонних людей, что бывает довольно редко, для них — событие, привносящее в их серую и однообразную жизнь что-то новое и разнообразное. Я это почувствовал в полной мере при общении со свидетелями, когда, желая быстрее завершить расследование, мне приходилось сидеть в административном корпусе внутри колонии допоздна, допрашивая свидетелей-осуждённых, которых приводили из барака, а один раз мне даже пришлось остаться там ночевать, сильно задержавшись.

Вечером в колонии довольно часто случались перебои с электроэнергией, и гас свет. На этот случай мне дали большую свечу, которую и приходилось зажигать всякий раз, когда не было света. Во время наших бесед, что удивительно, никто из тех, кто там находился, не говорил, что сидит ни за что, а в условиях дефицита общения в колонии так и норовили рассказать мне истории из своей жизни, порой интересные и поучительные. Как-то, после допроса потерпевшего Чернявского, которого убитый дважды ударил шабером перед своей смертью, мы продолжили с ним разговор «за его жизнь». Карманный вор из Челябинска, которому не было ещё и сорока, сидел уже в пятый раз, получив восемь лет за украденный кошелёк. Я поинтересовался, как его угораздило снова сесть.

Чернявский охотно начал рассказывать, что он профессиональный карманный вор и ничем другим не занимался. Работал всегда в паре с женой. У них двое маленьких детей. В тот «злосчастный» день, как обычно, вышли с женой «на охоту». Он садился в троллейбус, а жена — в такси и ехала за троллейбусом. Обобрав очередную жертву, Чернявский подавал знак жене, на следующей остановке та входила в троллейбус, он незаметно передавал ей похищенный кошелёк, она выходила, а он ехал дальше и продолжал «охоту».

Так всё происходило и в тот раз. У двух заболтавшихся теток, стоящих в троллейбусе, он из сумок забрал кошельки и успел передать их жене. Всё шло гладко, пока одна из женщин не обнаружила пропажу. Народу в троллейбусе было немного, и подозрение сразу пало на него. Одна из женщин с криком вцепилась в Чернявского. Жена увидела, что что-то неладно, вышла из такси и на остановке зашла в салон троллейбуса. Она успела незаметно бросить кошельки на пол и, вмешавшись в перепалку, сказала: «Чего вы шумите? Вот же ваши кошельки, вы сами их обронили».

Женщины подобрали кошельки, и всё бы могло закончиться миром, но одна из женщин пересчитала деньги и обнаружила, что в кошельке якобы не хватает пяти рублей. «Вы понимаете, я же знаю, что моя жена не брала из этого кошелька никаких денег, да будь у меня при себе деньги, эти пять рублей сам бы ей отдал. Явно захотела женщина на нас заработать. Что за народ пошёл», — с возмущением продолжал он свой рассказ. Не обращая внимания на поднявшийся крик, он вырвался из троллейбуса и успел сесть в такси, но одна из женщин плашмя легла на

асфальт прямо перед такси. – «А дело-то было на центральной площади Челябинска, там менты дежурили, повязали тут же, так и оказался здесь».

«Что же мешало убежать?», – спросил я у Чернявского. – «Так ведь я быстро бегать не могу». – «А что так?» – «Да ведь до этого попал под самосуд. Ехал также в троллейбусе и попался. Спасибо гражданам, в милицию не сдали, а просто переломали ноги и выбросили на остановке. С тех пор быстро бегать и не могу – из-за ног». Спросил: «Жена ваша имеет судимости?» – «Конечно, дважды уже отсидела за кражи». – «Так, как же вы детей воспитываете, если в колонии сидите?» – «Да очень просто, работаем в паре и по очереди сидим. Мы же вдвоём, и всегда есть возможность одному из нас взять вину на себя». – «Скажите, Чернявский, ведь, сколько бы вы ни воровали, вас всегда ловили, в пятый раз сидите сейчас. Вы не думали покончить с этим делом?» – «Думал, конечно, но поверьте, гражданин следователь, ведь, если опять увижу ворону (жертву) с кошельком, который можно будет увести, непременно украду». Душевно поговорив о необходимости заниматься воспитанием детей, вместо того чтобы сидеть в колонии, мы с ним расстались.

Следующий свидетель не был вором, «просто» кого-то в очередной раз убил и кого-то ещё искалечил, как он считал, «не особо-то и сильно». Только мы начали с ним допрос, как опять погас свет, пришлось зажечь свечу. Он пояснил, что показаний давать не будет, он все-таки рецидивист и находится «на зоне». Однако поговорить он явно хотел. Разговорились. Он, оказывается, писал стихи и хотел бы прочесть их, тут его стихи слушать не любят, просил меня оценить. Еще пожаловался, что посылал их в редакцию газеты, но там публиковать не стали, потому что он заключённый. Время шло к полуночи, пора было заканчивать рабочий день, и я не возражал.

Он с упоением прочитал мне несколько своих произведений. Об их поэтическом достоинстве не берусь судить, не являюсь литературным критиком, запомнилась только одна из продекламированных им строк: «Ветер, как подзагулявший купчик, подымает подол у берёз». Происходящее при горящей свече на столе, напоминало скорее вечер встречи с поэтом в литературном салоне, если бы я не знал, что находились мы в таёжной северной колонии особого режима – строго охраняемом объекте за колючей проволокой и с часовыми на вышках. Закончив чтение стихов, он попросил их оценить. «Что же, очень даже неплохо для здешних мест». – «Вы знаете, благодарен, что послушали мои стихи, за это я вам буду давать показания, задавайте вопросы». Оформив протокол его допроса, далеко за полночь дружески расстался с лагерным поэтом.

Известно, что при обращении к администрации заключённый должен сообщить свою фамилию, статью, по которой осуждён, и полученный срок. На следствии иной порядок, там возможно обращение не только по фамилии, но и по имени и отчеству. Не раз наблюдал, что при таком обращении что-то почти неуловимо менялось в выражении лиц осуждённых, которых много лет не называли

по имени-отчеству, а только по фамилии или кличке. Мягче, что ли, они становились, что-то человечное проявлялось в них, хотя бы внешне...

Расследование продолжалось. Из допросов осуждённых, которые пользовались слесаркой, стало известно, что об устройстве дверного запора и об условном месте хранения ключа от этого запора знало очень ограниченное количество осуждённых, в числе которых был и Кальянов. Жолобов и Андросов, как выяснилось, этого не знали.

Тщательно была изучена личность потерпевшего, отбывавшего наказание за повторное убийство. Он характеризовался крайне отрицательно, как злостный нарушитель дисциплины. Убитый часто злоупотреблял спиртным, которое нелегально доставлялось в зону, притеснял других колонистов, с Кальяновым отношения у него были плохие. На допросах некоторые из осуждённых не скрывали, что если бы Быка не убили тогда, то в дальнейшем его бы всё равно отправили на тот свет. Между тем отношения Жолобова с Андросовым и Кальянова еще до убийства носили крайне неприязненный характер из-за личных разногласий, что не только не исключало, а наоборот предполагало возможный их взаимный оговор. К тому времени стали известны результаты комиссионной экспертизы, исследовавшей повреждения на одежде потерпевшего, и согласно её выводам, все три повреждения были нанесены одним ножом. Поэтому можно было сделать вывод, что убийца был один, но оставалось ответить на главный вопрос: кто убийца – Кальянов или Андросов?

Тут весьма кстати из Челябинска приехал свидетель Завьялов, который на допросе дополнительно показал, что за два дня до убийства в зоне видел у Кальянова нож. И когда между Кальяновым и Мухаметхановым началась ссора, он понял, что добром это не кончится, и чтобы не попасть «под раздачу», ушел из слесарки.

Было решено провести следственный эксперимент, суть которого заключалась в реконструкции событий преступления с участием действующих лиц – Кальянова, Жолобова, Андросова и Завьялова, выводимых поочередно на место события, и проверке их показаний с постановкой контрольных вопросов. При проведении следственного эксперимента учитывалось стремление каждого из подозреваемых доказать свою невиновность, свалив вину на другого. Андросова к тому времени уже должны были доставить конвоем в ИТК.

Отдельно, по очереди, мы выводили всех на место. Каждый из них старательно, желая отвести от себя подозрения, показывал и рассказывал свою версию произошедшего. Результаты следственных экспериментов были достаточно убедительны — Жолобов и Андросов показали одни и те же места, без каких-либо противоречий. Завьялов тоже указал место, где он оставил Кальянова и Мухаметханова один на один, и место, где он увидел идущих к месту убийства Жолобова и Андросова. Все их показания на месте совпадали и не противоречили друг другу.

Иная картина стала вырисовываться, когда на место преступления вывели Кальянова. Тот показал, что, когда он вышел из дверей гаража и сказал, что Мухаметханов в слесарке, Андросов с ножом устремился туда, а он, Кальянов, пошёл в

сторону здания нового гаража. И когда он уже отошёл от гаража на расстояние где-то 30 метров, что заняло у него, согласно хронометражу, 26 секунд, его окликнул уже вышедший из гаража Андросов, который и сообщил ему об убийстве. Получалось, что Кальянов «оставил» Андросову всего 26 секунд, за которые тот должен был пройти в слесарку, где, борясь, убить Мухаметханова тремя ударами ножа, закрыть дверь на специальный запор, положить ключ в условное место (кстати, неизвестное ему), затем выйти из гаража и окликнуть Кальянова. Это было явно нереально. А при этом только расстояние, которое должен был преодолеть до слесарки Андросов, составляло 30 метров. Таким образом, у Андросова просто не было времени, достаточного для совершения всех указанных действий.

Надуманность показаний Кальянова стала очевидной, и тогда он выдвинул ещё один аргумент: Жолобов и Андросов взвалили вину на него, потому что у него большой срок – сидеть ему предстояло 13 лет, тогда как Жолобову осталось 3 года (за кражу госимущества), а Андросову – 6 лет (за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего). Ему могут добавить максимум два года к уже отбытому наказанию (до 15 лет), а им – гораздо больше. Но эти доводы звучали неубедительно, поскольку они лишь констатировали известное – кому из них и сколько лет отбывать наказание. Получив санкцию на этапирование Кальянова, отправили его в областной центр для дальнейшего содержания в Пермской тюрьме.

Во время пребывания в колонии особого режима и расследования убийства я убедился, что режим содержания заключённых, занятых в основном работами на лесоповале, достаточно жёсткий, однако это совсем не мешало осуждённым пить и на производстве изготавливать заточки и ножи, которые регулярно у них изымались при каждодневных досмотрах.

Условия содержания осуждённых были там нелёгкими, и мало чем отличались от описанного Александром Солженицыным в повести «Один день Ивана Денисовича». Пересказывать их смысла нет, лучше уж в те места не попадать. Одному человеку там трудно выжить, поэтому заключённые сбиваются в «стаи», в так называемые «семьи» из нескольких человек, где всё поровну – передачи, курево и другое. И если кто-то из членов этой группы подвергается нападению извне, все остальные члены «семьи» должны встать на его защиту, и могут начаться разборки, порой кровавые. В расследуемом деле именно по такому поводу Жолобов и Андросов пошли разбираться с Мухаметхановым, и если бы не Кальянов, опередивший их, то в дело вступили бы они.

Возвратившись в областной центр и подготовив постановление о привлечении в качестве обвиняемого Кальянова, через пару дней в следственной части Пермской тюрьмы предъявил ему обвинение. Кальянов в очень резкой и даже грубой форме отказался признавать обвинение и давать показания, обвиняя меня в необъективности и в том, что я пошёл на поводу у Жолобова и Андросова. Он вскочил с табуретки и

разыграл небольшую истерику, но я-то, видел и понимал, что это игра, и про себя отметил, что актер из него получился бы неплохой. Пришлось жёстко объяснить, что признавать обвинение или нет – ему решать, сути дела это не меняет. Составленный протокол об отказе от дачи показаний он подписывать отказался. Хладнокровно, не обращая внимания на его поведение, выяснил у него, будет ли он знакомиться с материалами дела, состоящего из трёх томов, как того требует уголовнопроцессуальный закон. Он, продолжая «игру», кричал, что ничего ему не нужно, он невиновен. Дело ваше. Демонстративно собрал со стола бумаги и сложил их в портфель. Он, судя по всему, рассчитывал, что его будут уговаривать, да просчитался, а увидев, что я, не обращая на него внимания, собираюсь уходить, он заволновался ещё больше. Назвав меня по имени и отчеству, сказал: «Да подождите, куда вы, давайте поговорим, ну, допустим, я его убил». В ответ он получил: «Так допустим или убил?» – «Да, убил, но давайте поговорим». И начал рассказывать, как он заспорил с Мухаметхановым и тот напал на него, а он был вынужден защищаться и поэтому ударил его ножом в грудь. Я поинтересовался: «Как он мог напасть, если вы ему удар нанесли в спину, сзади?» – «Что об этом говорить, какая разница, всё равно я его убил».

Теперь мы спокойно и откровенно обсуждали ситуацию. Передо мной сидел уже другой человек — очень внимательный и рассудительный обвиняемый. Спросил у него, на что он надеялся раньше. «Рассчитывал, что не разберутся, ведь больше года прошло, пока вы не приехали на мою голову. Извините, что погорячился сейчас, но прошу мне помочь оформить явку с повинной задним числом, а протокол допроса сегодняшний убрать и составить новый, в котором я признаюсь в совершении убийства. Боюсь, что за повторное убийство меня могут к вышке приговорить, а с явкой с повинной дадут только пятнашку, накинут только два года к моим оставшимся тринадцати годам лишения свободы». Я ему: «А могли бы меньше, всего в полгода добавку получить, если бы сразу во всём признались, а так, считай, лишних полтора года отсидеть придется». — «Так кто же думал, что так получится. Сам виноват, не подумал вовремя». Принялись за дело. Дал ему чистые листы бумаги и ручку, чтобы он написал явку с повинной, датированную двумя днями раньше. Мне же пришлось оформлять протокол допроса обвиняемого с его признательными показаниями фактической датой. Работу закончили почти одновременно.

Через три дня уголовное дело было передано для рассмотрения по существу в Пермский областной суд. Как и предполагалось, суд фактически добавил подсудимому ещё два года к имеющимся у него тринадцати годам лишения свободы. А «хоровод» дел продолжился, и вскоре север, колония, горящая на столе свеча, особо опасные рецидивисты — всё это вспоминалось, как что-то очень далёкое, почти мифическое, находящееся в каком-то другом, неведомом мире...

ЧЕМУ БЫТЬ СУЖДЕНО...

Утром 4 апреля 1980 года я был разбужен звонком в дверь. Машинально взглянул на часы — семь двадцать утра. Визиты в такое время для старшего следователя областной прокуратуры, в должности которого я тогда состоял, означали одно — выезд на место происшествия. Вопрос был только в том, куда и на сколько дней придется ехать.

Открыв дверь, увидел своего коллегу – Виктора Соболева, который жил в квартале от моего дома и, в отличие от меня, имел в квартире установленный городской телефон. «Горит телефонный завод, необходимо прибыть срочно на службу», – произнес он.

Через полчаса мы прибыли в прокуратуру области. Руководство прокуратуры уже было на месте. Мой непосредственный начальник – заместитель прокурора области Владимир Михайлович Бахарев дал мне указание срочно ехать на место происшествия – на пожар – и приступать к его расследованию.

Еще через полчаса на машине передвижной криминалистической лаборатории, проехав кордон милицейского оцепления, прибыли на место пожара — к огромному трехэтажному основному заводскому корпусу, два верхних этажа которого уже выгорели дотла. Полторы сотни пожарных продолжали борьбу с огнем, и было видно, что под их натиском огонь постепенно начинал сдаваться.

К осмотру приступать было еще рано, место будущего осмотра занимали пожарные, которые добивали огонь, охвативший три тысячи квадратных метров, тридцатью мощными лафетными стволами одновременно. Поэтому, чтобы не терять времени, зашли в рядом стоящее здание заводоуправления и выяснили, что огнем полностью уничтожен склад готовой продукции и два сборочных цеха, которые были закрыты, в ночную смену там никто не работал. Возгорание было обнаружено случайным прохожим в четыре с половиной часа ночи. Мужчина увидел, за темными окнами на третьем этаже основного корпуса блики огня и зашел на проходную завода, чтобы сообщить об этом охране. В это же время обнаружилось, что отключились и не работают охранная и пожарная сигнализации, нарушенной оказалась и телефонная связь. Охране пришлось вызывать пожарных, позвонив с телефона-автомата, расположенного за территорией, неподалеку от завода. Позднее было установлено, что слаботочные провода сигнализаций и телефонная линия были повреждены пламенем и вышли из строя в самом начале пожара.

Завод был крупным режимным предприятием со строго охраняемым периметром и семью тысячами работников, но в ночь, когда возник пожар, работала только третья смена в цехе № 1, и вместе с охраной внутри завода находилось 150 человек. Мы составили список работавших, выяснили, что находилось в сгоревших помещениях, имелось ли включенное электрооборудование, хранились ли самовоспламеняющиеся вещества. На третьем этаже, где находился очаг возгорания,

был расположен цех № 9 со сборочным конвейером, на котором при распайке телефонных контактов использовался для обезжиривания технический спирт, разлитый в специальные металлические блюдца.

Во второй половине дня пожарные сообщили о завершении пожаротушения, и нам представилась возможность начать осмотр места происшествия. Вместе с двумя специалистами — экспертами пожарно-испытательной станции областного управления пожарной охраны — мы приступили к осмотру еще дымящихся помещений двух этажей. Основной вопрос, на который нужно найти ответ, — в чем причина пожара.

При осмотре обнаружилось, что на чудом сохранившейся двери, ведущей в цех № 9, имеются следы взлома. Присутствующие представители штаба пожаротушения объяснили, что до этой двери пожарные не дошли, да и подойти близко было нельзя из-за сильного пламени.

Осмотр продолжался до окончания светового дня и продолжился на следующий день. Ближе к полуночи мы смогли уже сделать первые выводы: следов неисправности электрооборудования, от работы которого могло бы произойти возгорание, не обнаружено; веществ, которые могли бы самовоспламениться в сгоревшем цехе, не имелось. Следы взлома на двери указывали на то, что в цех кто-то пытался проникнуть. Пожарные специалисты, помогающие нам с осмотром, определили, что время возгорания (активной фазы горения) – в районе трех часов пятидесяти минут ночи.

Но самое главное — они отбросили технические и иные причины возникновения огня и высказали свой предварительный вывод — скорее всего это поджог и надо искать поджигателя. Позднее они о поджоге, как о причине пожара, укажут в заключение пожарно-технической экспертизы.

Проникновение посторонних лиц на территорию завода в силу строго охраняемого его периметра исключалось. Виновника поджога следовало искать среди находящихся там в ту ночь работников завода. Предстояло произвести большой объем следственных действий, который было не под силу выполнить одному. Необходимость быстрейшего раскрытия дела диктовалась значительным общественным резонансом — большая часть коллектива завода, а это несколько тысяч человек, осталась без работы.

Утром следующего дня о предварительных итогах осмотра и выдвинутых версиях доложил прокурору области Наместникову Б.П. и попросил создать следственную группу. Борис Петрович, сразу оценив ситуацию, оперативно решил вопрос, и к концу дня ко мне прямо на завод, где стало дислоцироваться следствие, прибыли в помощь опытные коллеги из смежных ведомств — старший следователь Управления КГБ СССР по Пермской области Туров В.И. и старший следователь УВД Пермского облисполкома Киселев В.Н., а также начинающий следователь районной прокуратуры Тупоногов Б.Н. Между нами сразу же сложились деловые и дружеские отношения, и мы с удвоенной энергией приступили к делу.

Не теряя времени, составили план допроса работников завода, целью которого было установить, кто и где находился в момент возгорания, кто отлучался с рабочего места, и приступили к их допросу. Назначили пожарно-техническую и криминалистическую экспертизы, распределили обязанности и направление работы каждого из следователей.

На второй день из показаний свидетелей выяснилось, что около трех часов ночи, непосредственно перед пожаром, с рабочего места ушел 19-летний, дважды судимый за хулиганство и отбывший срок, токарь Павел Толкачев, который вернулся обратно после начала пожара. Был он в нетрезвом состоянии. Все остальные в это время находились на своих рабочих местах. Допрошенный, как и все прочие, первоначально в качестве свидетеля Толкачев хорошо помнил о событиях, не связанных с пожаром, однако, когда речь заходила о пожаре, ссылался на то, что к тому времени сильно опьянел и ничего не помнит. Позже, в своих показаниях он укажет, что «стал слушать слухи, говорили о разном и самом невероятном: о кабелях, которые замкнули, о каких-то диверсантах и взрывах. Все эти слухи радовали – на меня никто не думал, но все равно было тревожно...»

Тревожные предчувствия его не обманули, и на исходе четвертых суток в небольшой по размеру следственной камере изолятора временного содержания, с решетками на окнах и крепко прибитой к полу табуреткой, Толкачев, здоровенный и внешне бесшабашный парень, уже отвечал на наши вопросы, не спеша ни в чем признаваться и тем более раскаиваться. Допрос подозреваемого продолжался долгое время. Как-то объяснить зачем уходил от станка и куда он не смог. Развязка наступила неожиданно – после двух простых вопросов, поставивших его в тупик: сколько всего человек работает на заводе и кто, кроме него, задержан за поджог. Назвав количество работающих, он сказал лишь об одном задержанном – о себе. И мы предложили ему, как лицу, уже ранее дважды судимому, пораскинуть мозгами и самому себе ответить на вопрос о том, почему именно он задержан за поджог. Толкачев на некоторое время задумался и затем по-деловому спросил: «Ну хорошо, а как вы докажете, если я не признаюсь?». Это уже был конкретный и деловой разговор, мы к нему готовы. Тем более нами уже установлен свидетель Борис Рукавицын, с которым в ту роковую ночь в поисках выпивки Толкачев проник в цех. Свидетель пояснил, что в цехе было темно, и Толкачев освещал себе дорогу в поисках спирта, зажигая спички, которые не затушенными бросал на пол, а шедший за ним собутыльник тушил их, наступая ногой. Они сливали спирт из баночек в бидон, который там же и нашли. Это было в час ночи. Через два с половиной часа, когда Толкачев вновь захотел выпить, он направился в тот же темный цех, но уже один, и тушить горящие спички было некому.

Кроме того, были установлены и допрошены другие свидетели, которых подозреваемый угощал ночью украденным спиртом.

Безусловно, Толкачев понимал, что следствие взялось за него основательно, само его задержание и нахождение в кабинете с решетками не предвещало ему ничего

хорошего. Он не питал иллюзий, понимая, что одним отрицанием отделаться не получится, впереди снова суд и срок. Эти раздумья читались на его озабоченном лице.

Подумав некоторое время и оценив безвыходность ситуации, в которую попал, Толкачев обратился к нам с неожиданным предложением. Он готов был признать, что причастен к возникновению пожара, был со спичками в сгоревшем цехе № 9, крал и пил спирт, и готов обо всем подробно рассказать и собственноручно написать явку с повинной, потому что не видит смысла затягивать следствие и морочить кому-либо голову, но взамен просил прямо сейчас доставить его к любимой девушке на одну минуту попрощаться, ведь в ближайшие годы у него такой возможности не будет, и он может больше никогда её не увидеть. В глазах его стояли слезы. В этот момент его не особо волновал предстоящий тюремный срок, к этому он относился как к неизбежному и неотвратимому, да и не впервой, а вот чувства для него — это другое, самое важное.

Пока мы общались, наступила полночь. Посоветовавшись с коллегой Туровым, и прикинув и взвесив все за и против, пришли к выводу, что мы ничего не потеряем, если исполним просьбу по уши влюбленного парня, пусть и виновника пожара, ведь, действительно, судьба готовила ему, как в блатной песне поется: «дорогу дальнюю, казенный дом»; когда ему еще представится случай увидеть любимую.

Только вот он был задержан и находился под стражей, а проблему с конвоем решить глубокой ночью, без предварительной заявки, было довольно сложно. Поступили мы просто: у дежурного по изолятору взяли наручники, а Туров позвонил своему оперативному дежурному УКГБ, и через полчаса служебная черная «Волга» стояла у входа в изолятор. Оставив расписку дежурному по изолятору о том, что забираем задержанного под свою ответственность, мы поехали по указанному Толкачевым адресу – недалеко от сгоревшего завода. Дверь нам открыла мать девушки – школьная учительница. Представившись ей и принеся извинения за ночной визит, объясняю его неотложными обстоятельствами, связанными с расследованием дела и прошу пригласить дочь. После некоторых колебаний, женщина согласилась. Девушка оказалась очень стройной и симпатичной. Свидание было коротким, полторы минуты. Дрогнувшим голосом Толкачев сказал, что ему дадут срок, умолял дождаться его освобождения, чтобы он смог назвать её своей женой.

Для потрясенной девушки наше ночное появление было совершенно неожиданным и шокирующим, она успела только кивнуть головой непонятно в знак чего. Воистину убеждаешься, насколько слепа любовь.

Еще через пять минут автомобиль вез нас по ночному затихшему городу обратно и изолятор. И тут случилось то, чего мы никак не ожидали. Толкачев просто разревелся и впал в настоящую истерику. Но за то время, пока мы ехали обратно, он успел прийти в норму и, оказавшись в кабинете, написал обстоятельную явку с повинной. Мы условились с ним, что на следующий день он обо всем произошедшем

в ночь пожара сам покажет при выезде на место, в порядке следственного эксперимента по проверке его показаний.

На следующей день, после выезда на место и проверки показаний подозреваемого на месте, окончательно убедились в том, что мы не ошиблись, и именно он виновник пожара. Но умышленными его действия назвать было нельзя, а вот неосторожное уничтожение имущества путем небрежного обращения с огнем налицо. А это уже другая статья обвинения, максимальное наказание за такое преступление по действующему в то время закону было предусмотрено до трех лет лишения свободы. Доложив своему руководству о раскрытии дела о пожаре, мы продолжили расследование.

Толкачев, не получивший от ошарашенной его ночным визитом девушки ответа, который так хотел знать, попросил передать ей письмо. Начиналось оно с эпиграммы: «Чему быть суждено, неминуемо будет, но не больше того, чему быть суждено». В письме он просил её ответить на самый главный для него вопрос — будет ли она его дожидаться — и далее ультиматум: «...Ждать не будешь, при первой же возможности перережу себе горло...». Другое письмо он попросил передать родителям. Содержание его было весьма конкретным: «...Пошел на третий срок, на этот раз жду три года строгого. Вывернуться не мечтаю, посмотрим, что на суде будет, но надежды на спасение почти нет... Ближе к делу — до суда приготовьте сидор побольше...» и дальше длинный список необходимых ему на зоне вещей.

Через двадцать пять дней следствие по обвинению Толкачева было завершено. Вместе с ним по делу за преступную халатность был привлечен его мастер Филимонов В.И., не отстранивший от работы и не принявший мер для выдворения с предприятия пьяного токаря, который был осужден к условной мере наказания.

Защиту обоих обвиняемых осуществляли известные пермские адвокаты Тамаркин и Пекилес. Ознакомившись с материалами дела, оба адвоката были крайне удивлены и пояснили, что ходило много разных слухов и разговоров по поводу данного пожара, вызвавшего большой резонанс среди населения. Однако никак не могли даже подумать, что виновником тех событий мог быть девятнадцатилетний пьяный парень, а не матерый преступник-вредитель или диверсант. В ответ оставалось только развести руками, — что имеем, то имеем, где же взять другого поджигателя, если виноват именно этот. Объяснять им, что по пьяному делу можно иногда совершить такое, что не под силу и матерому злодею, я не стал. Вообще поведение пьяного мужика — явление малоизученное и не поддаётся какому-либо программированию и прогнозированию в части его поступков и их последствий. В этом не раз, к сожалению, приходилось убеждаться на практике.

Толкачеву суд определил наказание в виде трех лет лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима, именно то наказание, которое он сам и предполагал получить.

Родственники, как он и просил, передали ему сидор с вещами.

ПУСТАЯ БУТЫЛКА

В понедельник, 13 октября 1980 года в 11 часов 20 минут, прокурором Пермской области был подписан приказ о моем назначении на должность прокурора-криминалиста, руководителя кабинета криминалистики.

На службу прокуроров-криминалистов возлагались обширные обязанности, а к основным относились организация работы следователей по раскрытию тяжких преступлений, в первую очередь умышленных убийств, учебно-методическая работа по повышению квалификации следователей, организация взаимодействия с оперативными службами МВД, координация с экспертными учреждениями и многое другое. Прокуроры-криминалисты отвечали за раскрытие тяжких преступлений, и им приходилось часто выезжать в командировки для оказания практической помощи следователям на местах.

Связано это было со сложной криминогенной обстановкой в области и большим количеством убийств. Среднестатистически в области совершалось три убийства за двое суток. Понятно, что прокуроры-криминалисты выезжали, за редким исключением, только на нераскрытые преступления.

Не оказался исключением первый день моего пребывания в новой должности.

В 14 часов этого же дня трудяга «АН-2», рассекая винтом воздушные потоки, уносил меня на северо-запад за двести с лишним километров от областного центра в райцентр — село Кочево Коми-Пермяцкого национального округа, территориально входящего в состав области. Под крылом самолета на десятки километров раскинулся разноцветный ковер тайги, вытканный наступившей осенью.

По поступившему оттуда сообщению, около семи часов утра в деревне Урья, что в семнадцати километрах от райцентра, в собственном доме был обнаружен труп одинокой Вавилиной Л.В., 76 лет, с множественными кровоподтеками и переломами ребер.

На аэродроме меня встретил прокурор района Александр Геращенков и сразу ввел в курс дела.

Оказалось, накануне, в воскресенье, в деревне отмечали окончание сельскохозяйственных работ – день урожая. По этому поводу в сельмаг впервые за много месяцев завезли спиртное – до этого действовал сухой закон – четыре ящика настойки «Имбирная». Настойку раздавали поштучно. В деревне было 80 дворов, и обитало около сотни жителей.

Потерпевшая приобрела две бутылки «Имбирной». Сама она спиртного не употребляла, но к ней иногда заезжал сын — секретарь райкома, которого она и угощала. В семь часов утра соседи увидели дым, идущий из её дома и, проникнув в дом, обнаружили там три очага пламени и труп хозяйки. Огонь не успел разгореться и был быстро потушен. При осмотре дома бутылок со спиртным, которые приобрела женщина накануне, обнаружено не было. Преступник неизвестен.

Обсудили имеющуюся информацию и вместе составили план действий.

Судя по всему, имело место ограбление, не сами же собой куда-то подевались две бутылки «Имбирной». Как за ниточку, уцепились за это обстоятельство и начали с продавщицы магазина. Выяснили, что в продажу поступило четыре ящика настойки – всего 80 бутылок. На руки выдавали по две, на всех не хватало. С её помощью был составлен список тех, кому, и, главное, сколько, было продано спиртного. В деревнях пустые бутылки не выкидывают, а как пустую тару сдают в тот же магазин – по 12 копеек за штуку. Ко времени нашего общения с продавщицей половина опустошенных бутылок из общего количества проданного спиртного уже была сдана. С той же продавщицей составили второй список – кто и сколько бутылок сдал. Сопоставили его с первым – пока все совпадало – количество пустых бутылок, сданных конкретными жителями деревни, соответствовало количеству купленных, ни одной лишней бутылки. Но ведь должны же у кого-то находиться две лишние, похищенные у убитой бутылки. Ждать, когда их принесут сдавать в магазин, нам было некогда, можно ведь и не дождаться, нужно было искать их самим. Поэтому, имея на руках составленный список счастливых приобретателей «зеленого змия», мы организовали обход домов силами привлеченных оперативников. Задача была проста – попросить покупателей предъявить купленную настойку или пустую бутылку из-под неё. Тот, у кого обнаружат лишнюю тару, безусловно, будет представлять интерес для следствия.

Обойдя с оперативниками несколько домов, я воочию убедился, насколько бедно и убого живут здешние селяне, привыкшие обходиться удобствами на улице. Из всех благ цивилизации только электричество да разбитая дорога вдоль деревни, малопроезжая после дождей.

За пару дней по списку были обойдены дома всех приобретателей настойки «Имбирная». Наконец, одну лишнюю бутылку, обнаружили в доме дважды судимого и отбывшего срок за хулиганство Леонида Исаева. Ему 32 года, крепкого сложения и среднего роста, с неприятными крупными и резкими чертами лица типичного уголовника. Запирался он недолго, объяснил, что захотел ещё выпить и ночью пошел в дом к старушке, так как видел, что она в магазине днем купила две бутылки настойки. Обе бутылки настойки он забрал. Старушка пыталась позвать на помощь, пришлось её «повалить и попинать ногами». Там же он курил и бросал горящие спички на пол. Одну бутылку опорожнил по дороге домой и выбросил в речку. Вторую принес домой и тоже выпил. Она-то и была обнаружена оперативниками.

Выведенный на место преступления, он подробно и уверенно показал, как обощелся со старушкой. И все бы ничего, но его показания о том, что хозяйка дома сама глубокой ночью открыла ему входную дверь, вызывали сомнение. Как-то неправдоподобно это было, — чтобы осторожная и одиноко проживающая старая женщина среди ночи впустила в дом пьяного здоровенного мужика.

Между тем было установлено, что в эту ночь у него в доме находился четырнадцатилетний Александр Никонов. Местные жители дали ему кличку «Шуль», что в переводе с коми-пермяцкого языка означало «шалун», за то, что тот проникал в дома и совершал кражи, нигде не учился и не работал. Но к тому времени, когда возникла необходимость его допросить, он сбежал из деревни.

Снова допросили подозреваемого, и он признал, что с ним был тот самый «Шуль», который через подпол проник внутрь дома потерпевшей и открыл ему дверь. Показания его в этой части соответствовали действительности, поскольку соседи, первыми обнаружившие пожар в доме, обратили внимание на то, что крышка погреба в полу была открыта.

Оставалось найти несовершеннолетнего подельника. Объявили его в розыск. Командировка, затянувшаяся на несколько дней, подходила к концу.

В самой деревне Урья жить нам было негде, и поэтому вместе с оперативниками мы жили в единственной в селе Кочево гостинице, небольшого размера, барачного типа одноэтажном здании со всеми удобствами, которые, правда, все находились на свежем воздухе. В единственной столовой райцентра в наличии были только борщ, который варили из консервированных овощей, закатанных в трехлитровые банки, на бульоне, сваренном из мослов старой коровы (мяса не было вообще) и манную кашу. Да еще чай, и даже с сахаром. Такое меню было там всегда.

В магазинах ничего съестного приобрести было невозможно, полки были пусты. Малосъедобный борщ я не заказывал, обходясь манной кашей и чаем. Это был весь мой рацион.

В один из дней, когда оперативники, как всегда, кушали борщ, один из них с трудом пытался прожевать, как он считал, свеклу. У него это никак не получалось. Оказалось, он не мог прожевать крупного рыжего таракана. Так я узнал на практике, что таракан-рыжак обладает крепким хитиновым покрытием и непригоден в качестве пищи. Или его по-иному надо готовить, как это умеют делать в Азии. Незадачливый едок совсем не дипломатически выразился в адрес нерадивых поваров. Меня же эта ситуация даже развеселила, – в манной каше таракана не заметить было нельзя, не то что в борще. Уж мне-то он в рот не попал бы.

В последний день командировки, когда спало напряжение первых дней работы, и убийца уже находился там, где ему и следовало быть – в камере предварительного заключения местного РОВД, я по делам снова заехал в Урью. И, осмотревшись, неожиданно открыл для себя потрясающую красоту дикой, не тронутой цивилизацией природы, которую не замечал раньше, занятый расследованием. Необыкновенна была краса поздней осени, которая на севере Урала приходит раньше. Окружавшие деревню таежные леса окрасились в яркие и разноцветные прощальные цвета ушедшего лета. Неширокая речка, протекающая у селения, потемнела и будто замерла в предчувствии и ожидании приближающейся зимы. Стояла непривычная, какая-то даже звонкая тишина, как бы остановившая само время. Изредка, где-то далеко, за речкой,

раздавалось отраженное эхо лая собак, гоняющихся за лисицей в лесу. И все это рядом с нищей, вымирающей деревней.

Моя миссия подошла к концу, пора было улетать обратно. Розыск несовершеннолетнего подозреваемого продолжался, его поимка была вопросом времени.

В обратный путь прокурор также проводил меня к борту самолета. По дороге он удивлялся тому, как удачно и просто получилось с уликой – пустой бутылкой. В ответ полушутя и полусерьёзно заметил ему, что данное дело было под силу раскрыть любому, кто умеет считать до восьмидесяти. О том, что требовалось еще сообразить, для чего и как нужно было это делать, – промолчал.

Судом первой инстанции убийца был проговорен к исключительной мере наказания — расстрелу, замененной ему Верховным Судом на 15 лет лишения свободы. Несовершеннолетний соучастник также был осужден к длительному сроку лишения свободы. Каждый сам выбирает свою судьбу.

«ЗАБЫТЫЙ» УТЮГ

Первого декабря 1980 года мне позвонил начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска области полковник Петров и сообщил, что в Горнозаводском районе «выставили» карточку на нераскрытое убийство гражданина Решанова. Убийство это считалось раскрытым, уже был арестован убийца — некий Ермаков, но его освободили, следствие по делу приостановили, добавив к концу года ещё одно нераскрытое тяжкое преступление. Петров просил меня посмотреть это дело и проверить обоснованность принятия по нему такого решения. Не меньше Петрова заинтересованный в том, чтобы в области не оставалось нераскрытых убийств, я заверил его, что истребую и проверю это уголовное дело, и через пару дней оно лежало на моём столе в кабинете криминалистики прокуратуры области и самым внимательным образом изучалось.

Преступление это произошло в сентябре 1980 года на улице Гипроцемента города Горнозаводска на лестничной площадке третьего этажа общежития для малосемейных. Потерпевший жил там с женой в отдельной комнате. Супруга погибшего рассказала, что в третьем часу дня в общий коридор их секции забрёл пьяный, упал на пол и заснул. Через полтора часа пришёл муж и вытащил парня из коридора на лестничную площадку, было слышно, что они о чем-то говорят. На минуту расстроенный муж вернулся в комнату и снова выбежал на лестницу, а через пару мгновений она услышала, как супруг кричит «не своим голосом». Женщина выбежала на площадку, увидела, что ее муж лежит на спине и из шеи у него идёт кровь. Над ним с ножом в руке стоял тот самый парень, который пьяным уснул на площадке. Женщина закричала, парень убежал. Приметы убийцы она описала

подробно, и через несколько часов тот был задержан работниками милиции. Одежда крови, складной жон лежал В кармане. Задержанный, двадцатишестилетний электрик Ермаков, был арестован. Казалось бы, всё ясно – вот он, убийца, вот кровь на нём, при нём орудие убийства – нож. Однако всё оказалось не так просто, как выглядело. На допросах Ермаков категорически отрицал свою причастность к убийству, заявляя, что в это время выпивал с компанией в соседнем подъезде того же дома. Одежда его была направлена на судебно-биологическую экспертизу, которая дала заключение, что кровь на одежде – его собственная и не могла принадлежать потерпевшему, у которого была другая группа крови. Районный следователь прокуратуры посчитал собранные доказательства против Ермакова недостаточными, несмотря на опознание его женой убитого, и освободил его из-под стражи, а расследование дела приостановил. Более того, он умудрился отдать Ермакову изъятую одежду, которую тот немедленно сжёг. Как говорится, спрятал концы в воду. Нож, к счастью, убийце вернуть не успели.

Смерть потерпевшего наступила от ножевого ранения в шею. Были повреждены крупные вены и наружная сонная артерия, что вызвало массивное наружное кровотечение. Помимо этого, слева на теле потерпевшего были обнаружены два проникающих ножевых ранения в области грудной клетки и плеча.

Начав изучать дело, я обратил внимание на неполное расследование всех его обстоятельств, проще говоря, пробелы, которые необходимо было восполнить. Так, на голове обвиняемого Ермакова была кровоточащая рана, происхождение которой следствие не заинтересовало. Не были допрошены все члены компании, в которой якобы находился обвиняемый в то время, когда было совершено убийство. Из показаний вдовы было непонятно, с какой целью её муж перед своей гибелью вернулся в комнату с лестничной площадки и зачем пошёл туда снова. Тем не менее, из материалов дела складывалось впечатление, что убийцей всё-таки является Ермаков, но эту версию нужно было ещё раз проверить и подкрепить соответствующими доказательствами.

Поскольку главный свидетель убийства — жена погибшего — прямо указала на Ермакова как на убийцу её мужа, было решено начать с неё. Оперативникам было поручено выяснить, как изменился ее образ жизни и поведение после смерти мужа. Через несколько дней мне доложили, что, узнав об освобождении из-под стражи убийцы мужа, вдова всерьёз стала опасаться за свою жизнь — в разговоре с подругой она сожалела, что не всё рассказала на допросе. Поэтому мы встретились с вдовой и доверительно попросили её рассказать обо всех известных ей обстоятельствах убийства, ничего не утаивая. Мы объяснили ей, что не меньше, чем она, заинтересованы в том, чтобы преступник, убивший её любимого человека, понёс заслуженное наказание, а не разгуливал на свободе. До сознания женщины мы «достучались», она нас поняла и откровенно рассказала, что на первом допросе умолчала об обстоятельстве, которое, по её мнению, могло бросить тень на мужа: когда муж вывел

Ермакова на лестничную площадку, между ними началась драка, и Ермаков достал нож. Тогда муж забежал в комнату, схватил утюг, выскочил обратно на лестницу и ударил им парня по голове. У того потекла кровь, но Ермакова это не остановило, и она увидела, как тот нанёс удар ножом в шею мужа. Муж упал, она закричала, а Ермаков убежал. Выпавший из рук мужа утюг она подобрала и унесла в комнату, он был в крови и ей пришлось купить себе новый. А тот, которым били Ермакова по голове хотела выбросить, но руки не дошли. Женщина рассказала, что убийцей был именно Ермаков и, узнав о его освобождении, она стала опасаться расправы – её могли и убить как единственного свидетеля преступления. Утюг мы сразу же изъяли, на нём действительно имелось пятно бурого цвета, похожее на кровь. Картина произошедшего постепенно прояснялась – теперь стало понятно происхождение раны на голове Ермакова, да и кровь на утюге могла быть только его. Было назначено две экспертизы: одна – судебно-медицинская – пришла к выводу, что рана на голове обвиняемого могла быть причинена боковой гранью изъятого утюга, вторая – судебно-биологическая – установила, что на утюге имеется кровь человека, совпадающая с группой крови Ермакова. Тем самым было получено одновременно ещё два убедительных доказательства причастности Ермакова к совершению преступления, которые, кроме всего прочего, также полностью подтверждали правдивость показаний вдовы.

Теперь дело дошло до компании в соседнем подъезде, где Ермаков пьянствовал в тот роковой день. Вместе с нашим фигурантом там были две девушки и четыре парня, водочная река берегов не знала, в магазин бегали не раз. Почему-то половина этой компании не была даже допрошена следствием. Мы допросили всех из этой компании, правда, одна из них, Фролова, успела получить срок за кражу и уже отбывала наказание. Колония, располагалась прямо в областном центре, и необходимости в её этапировании, к большому нашему облегчению, не было. Также были уточнены показания тех, кто уже был допрошен ранее. Было выяснено, что в начале третьего часа дня Ермаков, сильно пьяный, уходил куда-то от них, а вернулся в начале пятого, с разбитой головой и в крови. Фролова ему умыла лицо – от подтёков крови. Получается, что Ермаков отсутствовал в компании именно в то время, когда было совершено убийство, и забрел он на площадку, где жил пострадавший, случайно, перепутав подъезды в доме. Цепь доказательств можно было считать замкнутой.

Разгуливающего на свободе Ермакова повесткой вызвали на допрос в прокуратуру области. Молодой, крепкий физически парень явился ровно в установленное время, держался уверенно. Он не взял с собой никакой сумки с вещами — на всякий случай, и это только подчёркивало его излишнюю самонадеянность. Допрос начался с вопроса о том, как он поранил голову. Ермаков рассказал, что ударился головой о спинку кровати, и это видела Фролова. О том, что Фролова уже была нами допрошена и дала другие показания, он, понятно, не знал. Когда мы вернулись к теме убийства, Ермаков самоуверенно и нагло заявил, что у

нас против него нет достаточных доказательств, и мы не можем ему ничего предъявить. Видно, что кто-то дал ему установку на такое поведение, и ни тени раскаяния, ни единого сожаления о совершённом и о загубленной чужой жизни у него нет. Мы пытались достучаться до его совести, но это совершенно не возымело никакого действия. Похоже, совесть у него либо отсутствовала начисто, либо он обладал совестью первобытного человека, что, впрочем, одно и то же. Задав ему несколько формальных вопросов и оформив протокол, объявляем, что он арестован (постановление об избрании ему меры пресечения – содержание под стражей – было заблаговременно подготовлено). Он не стал возмущаться и заявлять о своей невиновности, а просто продолжал твердить, что ничего мы доказать не сможем. Вызванный заранее конвой забрал его для доставки в тюрьму. Нам оставалось только, как говорится, «подчистить» дело перед направлением его в суд и провести необходимые очные ставки.

Во время ознакомления с актом судебно-медицинского вскрытия трупа Решанова мы обратили внимание на то, что при одном из проникающих ножевых ранений в полости груди, судя по описанию, задеты хрящевые ткани, на них вполне могли оказаться индивидуальные особенности лезвия ножа – в виде трасс. Нож подозреваемого был в нашем распоряжении. Отчего бы не провести физикотехническую экспертизу на предмет идентификации орудия преступления? Для этого нужно было извлечь из земли погребённое тело и взять у потерпевшего образцы хрящевого материала. Ввиду занятости ещё и другими делами, я попросил вновь назначенного прокурора-криминалиста Александра Дмитриевича Сырвачева, моего коллегу и в прошлом опытного следователя съездить в Горнозаводск и провести эксгумацию тела. Сама по себе эксгумация не приносит удовольствия: кладбище, могила, извлечённый гроб, потревоженный прах, что тут приятного, но и следственная работа сама по себе бывает иногда занятием неблагодарным и неприятным. Тут уж ничего не поделаешь. Сырвачев съездил и провёл эксгумацию, взял необходимые образцы, которые были направлены вместе с ножом на экспертизу. Однако чётко отразившихся следов лезвия ножа, пригодных и достаточных для идентификации орудия убийства, эксперты не обнаружили, что и указали в акте экспертизы. Такое тоже иногда происходит. Лишних доказательств по уголовным делам, особенно данной категории, не бывает. И еще один вопрос не имел точного ответа. Почему на одежде задержанного не оказалось крови потерпевшего? Судя по обстоятельствам, хоть в небольшом количестве, но попасть туда она должна была. Обратившись к акту экспертизы, мы выяснили, что эксперт исследовала обильные пятна крови на одежде подозреваемого выборочно – только пяти образцов. Таких образцов нужно было выбрать для исследования гораздо больше, тогда и результаты могли быть иными. Но сделать мы уже ничего не могли – одежда была сожжена. Кроме того, хотя у потерпевшего и были повреждены важнейшие кровеносные артерии шеи, и кровь должна была бить фонтаном так, что пятен могло остаться

намного больше, на Решанове в тот день была куртка с воротником-стойкой, который прикрыл рану.

Ермаков по-прежнему всё отрицал, хотя не мог не понимать, что вина его доказана материалами дела, с которыми он, как обвиняемый, ознакомился вместе со своим адвокатом. Дело было направлено в суд, где он продолжил всё отрицать. Несмотря на это, суд счёл доказательства его вины достаточными и приговорил его за совершение умышленного убийства на почве ссоры к семи годам лишения свободы. Приговор осужденный пытался безуспешно обжаловать.

Между тем, желая понять, почему же Ермаков при явной доказанности его вины продолжал всё бессмысленно отрицать, обратился с просьбой о помощи к коллегам из уголовного розыска. Прошло несколько месяцев, приговор вступил в силу, и осуждённый прибыл в исправительно-трудовую колонию. По негласному обычаю колонии более опытные старшие «товарищи» из заключённых дотошно расспросили его о деле. Ермаков, не скрывая от них ничего, рассказал, как попал за решётку и как было дело, понятно, ничего не отрицая, – это же не на следствии. Те, когда выяснили все обстоятельства дела, вынесли ему свой вердикт – он самый настоящий дурак и получил семь лет из-за собственной глупости. Потому что нужно было сразу признаваться в убийстве, но объяснять его как совершённое при превышении пределов необходимой обороны, тогда бы он тремя годами мог отделаться. В пользу этого достаточно было только сослаться на утюг в руке потерпевшего и рану на своей голове. Поинтересовались у него и тем, почему он так не поступил на следствии. Тот объяснил, что после его задержания в дежурной части к нему подошла родственница, которая там работала, и велела всё отрицать и ни в чём не признаваться. Сказала ему, что какое-то время придётся посидеть в камере, но в конце концов его всё равно отпустят – если он будет продолжать всё отрицать. Он так и сделал. Его выпустили, но вмешалась областная прокуратура, которая провела своё расследование. Оперативники, рассказавшие мне об этом, назвали даже имя родственницы Ермакова. Обдумав полученную от них информацию, пришёл к выводу, что в вердикте заключенных была доля истины. Шансы переквалифицировать совершённое преступление на менее тяжкое у Ермакова, несомненно, имелись, но он избрал другой путь, послушав совета родственницы, не знакомой с материалами следствия и, по-видимому, некомпетентной в этих вопросах. Информация была неофициальная, поэтому никаких действий мы предпринимать не стали – жизнь и так наказала виноватого, и всё расставила по своим места, подтвердив простую истину, что жить надо своим умом.

А ЗА «КОЗЛА» ОТВЕТИШЬ

В камеру предварительного заключения Нытвенского РОВД ввели задержанного за хулиганство Козлова, крепкого молодого мужчину с простыми и правильными чертами лица, недавно освободившегося из мест не столь отдалённых,

где он отбывал очередной срок за хулиганство. Дождавшись, когда конвойный со скрежетом закроет железную дверь, он сразу обратился к обитателям камеры с жёстким предупреждением: «Фамилия моя Козлов, но называть меня «козлом» не советую, один меня так уже назвал и сейчас задушенный лежит в лесу. Понятно?»

Сказано это было им строго и внушительно. Напуганные таким вступлением, притихшие сокамерники сразу поняли — этот мужик решительный, слов на ветер бросать не будет. И лишних вопросов задавать ему никто не рискнул.

На следующее утро мне позвонил начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска УВД области, весьма опытный оперативник и вдумчивый аналитик, раскрывший десятки тягчайших и запутанных преступлений, полковник Аскольд Маркович Петров: «Василий Александрович! В Нытве мои ребята задержали некого Козлова, обычного хулигана, но он, похоже, ещё кого-то там убил. Но никакого нераскрытого убийства у нас не зарегистрировано, да и трупа нет. Не могли бы вы пообщаться с задержанным и допросить его? Команду доставить его в областной центр я уже дал, сегодня к вечеру он будет у нас».

К концу того же дня вместе с Петровым мы уже находились в следственном кабинете изолятора временного содержания. Конвойный ввел задержанного, который оказался общительным молодым мужчиной. Задача наша была совсем не проста: не показывая своей неосведомленности и не давая ему понять, что нам вообще ничего не известно об убийстве, делать вид, что мы все знаем. Поэтому после дежурных вопросов, связанных с его автобиографическими данными, прямо в лоб спросили у него: «Ты зачем человека убил?» Ответ его поразил нас какой-то искренней наивностью: «Да как же, он меня «козлом» назвал, а я ведь в зоне сидел и знаю, что там так называть нельзя, это нехорошо и неправильно. Поэтому я его и задушил ремнём в лесу, пускай не оскорбляет». Мы попросили его рассказать об этом подробнее. С его слов получалось, что он пил в лесу в компании с малознакомым Витьком, и тот, узнав его фамилию, оскорбил его, назвав «козлом». Стерпеть такое ему не позволяло лагерное воспитание, и он его убил, накинув ремень на шею и задушив. В содеянном он совершенно не раскаивался, считал, что поступил правильно, по понятиям: «За базар и за «козла» надо отвечать».

Говорить ему о том, что убивать человека нехорошо и неправильно, что он не в лагере находился, а на свободе, не имело смысла: судя по всему, он не видел особой разницы между зоной и свободой. Поэтому, записав его показания на магнитофон, спросили его, сможет ли он всё, о чем рассказал, показать на месте преступления в порядке проверки его показаний. Не задумываясь ни на секунду, он ответил: «Да, конечно, готов хоть сейчас».

На следующее утро УАЗ-452, наша передвижная криминалистическая лаборатория, отмерив добрую сотню километров, доставил нас в лесной массив, где кончалась дорога, и целых три километра нам пришлось идти по лесам и полям пешком. Места красивые, но достаточно глухие и отдалённые. Наконец мы вышли

на край очередного, пятого по счёту перелеска, и Козлов сказал, что это именно и есть то место – здесь он порешил своего обидчика. Мы осмотрелись, и в нескольких метрах, в кустах, обнаружили труп мужчины средних лет, по виду бомжа, с туго затянутой на шее ременной петлёй. Подозреваемый явно озадачился, по его удивлённому лицу читалось, что он полагал, что труп уже нами найден и должен находиться не здесь, а как минимум лежать в покойницкой. Впрочем, это его не особо смутило, и он уже на месте объяснил и показал нам, как и что тут произошло. После осмотра места происшествия мы организуем отправку тела по назначению – в морг.

По роду своей деятельности мы достаточно хорошо знали лагерные порядки. Это совсем другой мир, где свои понятия и обычаи: они не имели порой ничего общего с нормами поведения и морали на воле. Там действительно за необоснованное, да и за обоснованное тоже, оскорбление презираемым прозвищем «козёл» могли запросто лишить жизни. Фраза «А за «козла» ответишь» в тех местах была наполнена совсем другим, смертельно опасным для жизни, смыслом и значением. Лагерные привычки и установки, которые, наверное, было бы правильнее назвать «лагерным синдромом», следовали после отсидки за сидельцами на свободу. Они зачастую и на воле продолжали ощущать свою принадлежность к лагерному сообществу и продолжали жить по его понятиям, а не по законам цивилизованного общества. Институты же реабилитации не работали.

Убийство, совершённое Козловым, было раскрыто, и дело было передано для дальнейшего расследования в территориальную прокуратуру. Отправив дело, я вскоре забыл о нём, занятый другими делами. По сути, наша работа по раскрытию и расследованию убийств напоминала больше работу на конвейере: сколько бы мы ни раскрывали убийств, меньше их не становилось, и поэтому бесконечно продолжалась эта гонка за убийцами. Число отловленных душегубов за год в области доходило до тысячи. Отрадно было только то, что посаженные за решётку, они уже больше никого не могли лишить жизни на свободе. Безнаказанность же порождала череду убийств. Именно этого мы и старались не допустить, и поэтому процент повторных убийств был незначительным. Мы делали всё от нас зависящее для того, чтобы убийцы недолго разгуливали на свободе.

Однако с лагерным понятием «А за «козла» ответишь» мне вскоре вновь пришлось встретиться, и тоже на свободе. Наступил новый 1981 год. Народ встречал и отмечал новогодний праздник несколько дней. Нам же было не до праздников. Второго января вместе с оперативной группой работников уголовного розыска областного УВД мы уже находились в городе Чусовом, расположенном в полутора сотнях километров от областного центра на берегу живописной реки, носящей одно с городом имя. Город был известен своим металлургическим комбинатом, выпускающим сталь для изготовления рессор, и тем, что, как говорили, на этом комбинате один из рабочих решил свести счёты с жизнью необыкновенным способом

– бросившись с мостового крана в ковш с расплавленным металлом. На территории района находились и печально известная колония № 36, где содержались политзаключённые, и гордость отечественного спорта – олимпийская горнолыжная база и собственный олимпийский чемпион в этом виде спорта.

В городе произошло убийство технического секретаря Чусовского горкома партии Светланы Жулановой — молодой женщины. В ночь на 1 января она с двумя подругами после полуночи, как и многие другие жители, вышла из квартиры прогуляться на улицу. Недалеко от дома им повстречались парень с девушкой, и парень, проходя, толкнул её, задев плечом, на что та возмущённо вскрикнула: «Чего, козёл, дороги мало?!» Это были её последние слова. Парень моментально выхватил нож и ударил её прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно. Преступник и девушка, бывшая с ним, тут же убежали. Вскоре прибывшей бригаде скорой помощи оставалось только констатировать смерть женщины, а прибывшим одновременно с ними работникам милиции — убийство.

Начался розыск убийцы, занявший двадцать дней. Пришлось опросить сотни граждан, проживающих в микрорайоне, где было совершено преступление, провести множество розыскных мероприятий. Результатом стало задержание преступника, ранее судимого за разбой и недавно вышедшего на свободу двадцатилетнего Александра Никонова. Ещё раньше мы вычислили его сожительницу — несовершеннолетнюю Светлану Яковлеву, которая была вместе с ним, когда тот совершил убийство. Насмерть напуганная произошедшим, а ещё больше тем, что ей приходится по-прежнему жить под одной крышей с убийцей, она не запиралась и подробно рассказала о произошедшем.

Никонов, понимая, что при таком раскладе отрицать что-либо смысла не имеет, признался в совершении убийства Жулановой, которую не знал и никогда раньше не видел. Объяснил просто: сильно разозлился на потерпевшую за то, что она назвала его «козлом». Посетовал, ведь говорил же сожительнице, чтобы она о произошедшем молчала, да что толку, она только его слушала и плакала, на неё он и не надеялся, «да и вообще на баб нечего надеяться». Тут он как в воду смотрел.

Но нам необходимо было найти важное доказательство – орудие преступления, нож. При обыске квартиры, где жил подозреваемый, мы ножа не обнаружили. На наши вопросы Никонов ответил, что выбросил его, убегая с места преступления, а место может показать. Его показания, понятно, нуждались в проверке.

Зимы на Урале снежные, и высота снежного покрова уже была более одного метра, поэтому к выходу на место преступления и поиску ножа мы подошли основательно. Подготовили необходимую технику: металлоискатель, магнитные подъёмники, а самое главное — нам выделили полтора десятка крепких мужчин с большими лопатами для уборки снега. Вышли на местность. Подозреваемый чётко и свободно, не упуская даже мелких деталей, и главное правильно, рассказывает на месте об обстоятельствах убийства. Всё шло нормально, пока он не показал, куда

выбросил нож: за час в указанном им месте до голой земли был просеян весь снег – пусто. Молчал и металлоискатель. Ничего не захватили и магнитные подъёмники. Спросил у подопечного: «Так, где нож?» Он твердил, что именно здесь его и выбросил. Но по его глазам я видел, что что-то он не договаривает, хитрит.

Это же уловил и бывший рядом со мной оперуполномоченный убойного отдела М.Г. Поскребышев, обладающий хорошими интуицией и реакцией, столь необходимыми для оперативника. Михаил Геннадьевич наклонился к моему уху и тихо попросил: «Дайте мне с ним переговорить наедине». Молча кивнул ему в знак согласия. Они с подозреваемым отошли на несколько метров в сторону и стали о чём-то шептаться между собой, и, как мне показалось, даже препираться. Длилось это пару минут. Понятые и конвой стояли в недоумении, но я рукой подал им знак оставаться на своих местах. Вернувшись, Никонов заявил, что желает уточнить свои показания, он-де вспомнил, где точно находится нож, и хочет, чтобы мы пошли с ним к соседнему пятиэтажному жилому дому, из подвала которого валил пар. Подойдя к месту, где стена дома и прилегающая к ней отмостка образовали щель, он засунул туда руку и вытащил тот самый нож. Вернулись в РОВД, где был оформлен протокол следственного эксперимента, который подписали понятые и участники. Затем я попросил привести Никонова. Он ознакомился с протоколом и без какихлибо замечаний и лишних слов подписал его. Я машинально обратил внимание на то, что действия его несколько заторможены, но не придал этому значения и сразу предъявил ему обвинение в умышленном убийстве. Никонов его полностью признал и дал показания. Подписав все необходимые бумаги, я отправил его обратно в камеру.

Моя миссия была выполнена, и, собрав наработанные документы, я тут же передаю их молодому следователю местной прокуратуры Александру Зырянову. Ему предстояло завершить расследование раскрытого убийства и направить дело в суд, который в дальнейшем определит убийце меру наказания в виде пятнадцати лет лишения свободы.

Между тем, желая узнать, что так положительно повлияло на поведение Никонова при выходе на место преступления, я, выбрав момент, когда мы были одни, спросил об этом у Поскребышева. Тот мне объяснил: «Знаете, как и вы, я понял, что он финтит и хочет поторговаться, поэтому отвёл его в сторону и предложил отдать нож, объяснив, что рано или поздно мы его найдём сами. Тот в ответ: «А что я за это буду иметь?» Я ему: «Стакан водки и пирожок». Тот: «Не верю, обманете». Я ему: «Пермская уголовка никогда не обманывает». Только после этих слов он согласился. Поэтому пока вы составляли документы, я ему прямо в камере поставил полный гранёный двухсотграммовый стакан водки и пирожок. Он его залпом выпил, закусил пирожком и задумчиво, криво усмехнувшись, произнес: «Надо же, за стакан водки и пирожок себя продал». А тут и вы его вызвали подписывать документы». После этого объяснения мне стало ясно, отчего Никонов был такой заторможенный, когда

подписывал документы: он просто поймал алкогольный кайф и был по-своему доволен сделкой. Каждая из сторон получила то, что хотела. Как говорили древние греки – договор должен соблюдаться.

Конечно, нож мы бы всё равно нашли, но сколько тонн снега и какую площадь пришлось бы нам обработать, о количестве затраченного времени и говорить не приходится и не хочется. Командировка затянулась бы ещё не на один день. Вместо этого — две минуты переговоров находчивого оперативника с подозреваемым. Время в нашем деле порой на вес золота.

Как известно, произошедшее, как и вся матушка-история, не знают сослагательного наклонения, поэтому предугадать, как бы развернулись описанные трагические события, не произнеси потерпевшие ставшего для них роковым и смертельно опасным оскорбительного слова «козёл», — сказать сложно. Можно только предположить, что на два убийства в области могло бы быть меньше. Но что произошло, то произошло. Нам свыше не дано было что-либо изменить, а жаль...

ОДНА КОМАНДИРОВКА

В конце августа 1981 года поступила тревожная информация из города Лысьвы. Этот город был известен тем, что выпускал наборы расписной эмалированной кухонной посуды, которая славилась далеко за пределами области. Всякий побывавший там старался увезти оттуда один, а если получится, то и два красивых набора посуды. По сообщению, там исчезли две пятилетние сестрёнки-двойняшки: ушли из дома – и как в воду канули. Пошли уже пятые сутки безрезультатных поисков, становилось понятно, что в живых их скорее всего нет. Предполагая худший вариант развития событий, мы через областное управление внутренних дел и по своей линии договорились, что при обнаружении тел девочек с признаками насильственной смерти немедленно организуем туда совместный выезд большой следственно-оперативной группы и экспертов. Не потому что не доверяем местным разыскникам и следователям, – там, на месте, как раз работники опытные и добросовестные трудились, – но в делах такой значимости и общественного резонанса важно было для быстрейшего раскрытия громкого преступления сконцентрировать усилия большего количества опытных профессионалов. Мы считали, что не имеем права оставлять такие дела нераскрытыми даже ненадолго. О судьбе пропавших девочек по-прежнему ничего не было известно, и нам оставалось только ждать плохих новостей. Однако ехать в Лысьву нам не пришлось.

Утром 3 сентября, просматривая очередную сводку происшествий, обнаружил, что к шести нераскрытым с начала года убийствам добавилось ещё одно, седьмое, в Кунгурском районе. Тут же связался с начальником отдела по особо важным делам областного УВД Петровым А.М., и тот мне обстоятельно и подробно рассказал об

известных ему обстоятельствах произошедшего. Труп неизвестного мужчины был обнаружен на мусорной свалке дома отдыха «Песчанка», который расположен на реке Сылве рядом с железнодорожной станцией Чикали. Один из отдыхающих пошёл накопать червей для рыбалки, а откопал присыпанный землёй труп здоровенного мужика. Труп находился в морге Кунгурской центральной районной больницы, а вскрытие запланировано сегодня, после обеда. Подозреваемых нет.

Петров сообщил, что ему некого послать на раскрытие – все работники его отдела заняты и находятся в командировках по области на раскрытии убийств, на нашем жаргоне – «висяков», и отозвать их оттуда и направить в Кунгур никак нельзя. Впрочем, выход есть: он предложил мне самому переговорить с находящимся в отпуске майором Мушниковым Л.Г., которому он приказать не может, но если попрошу его лично я подключиться к раскрытию дела, то, зная его доброе отношение ко мне, тот не сможет отказать.

Лев Гаврилович был одним из самых опытных и толковых работников уголовного розыска в области, орденоносец, личность легендарная. Работать с ним всегда было интересно и легко, у него было чему поучиться. Сразу же позвонил ему; он, к счастью, был дома, никуда не уехал в отпуск. Объяснил ситуацию и попросил: «Помоги, надо съездить со мной и раскрыть "висяк"». Уговаривать его даже не пришлось. Петров предоставил нам служебную машину, и после недолгих сборов мы вдвоём поехали на юг области за сто километров в старинный город Кунгур, который известен в мире своей уникальной Кунгурской ледяной пещерой.

Успели прямо к началу вскрытия тела потерпевшего. Экспертизу проводил старейший судебно-медицинский эксперт области Иван Николаевич Подшивалов, бывший капитан третьего ранга, врач подводной лодки, во время войны с Японией затонувшей в море, спасшийся через торпедный аппарат подлодки с глубины 30 метров.

На столе в морге лежало тело крупного, крепкого мужчины лет сорока. На нём была потрёпанная одежда, на которой мы обнаружили частицы угля. По виду похож на обычного бомжа. Кто он, нам пока неизвестно, личность ещё предстоит установить. Тут нас ожидал первый сюрприз: на шее трупа, под складками кожи, обнаружили туго затянутую петлю с прочным узлом из тонкой, но очень крепкой шёлковой верёвки диаметром четыре миллиметра. Петля настолько сильно врезалась в шею, что сразу её можно было и не заметить, поэтому ничего удивительного, что районный следователь, первоначально осматривавший труп на месте происшествия, не заметил её.

Эксперт Подшивалов констатировал смерть мужчины от механической асфиксии вследствие сдавления шеи верёвочной петлей. Орудие преступления – петля, как первая значимая улика, оказалась у нас в руках. Образно говоря, и в прямом, и в переносном смысле мы получили конец верёвочки, за который и потянули, и которая повела нас прямиком к убийце. Но всё по порядку. Переночевав в городской гостинице,

наутро отправились в дом отдыха, но не отдыхать, а идти по следу верёвки: нам нужно было определить, откуда появился небольшой кусок верёвки, ставшей орудием убийства. Посёлок, в котором проживал обслуживающий персонал дома отдыха, состоял их трёх десятков частных домов и вплотную примыкал к самому дому отдыха. Вместе с Мушниковым мы прошлись по всем домам и их дворам и сравнили развешанные бельевые верёвки во дворах с имеющейся у нас на руках верёвочной петлёй, снятой с трупа. К концу дня, наконец, нашли то, что искали. Обнаружили чисто визуально, что одна из таких бельевых верёвок полностью совпадает по толщине, цвету, способу плетения, материалу, из которого изготовлена, с нашей уликой. Пригласили хозяина дома, и тот пояснил, что несколько дней назад он действительно по просьбе местного кочегара Тонкова отрезал небольшой кусок от своей верёвки и отдал ему. Увидев у нас в руках верёвку, указал: «Да вот же она, у вас!». Произведя выемку, т.е. изъяв у него всю остальную верёвку для направления криминалистическую экспертизу с целью определения идентичности с уликой, поблагодарив, уходим. У нас в руках по-прежнему было орудие убийства, но к этому добавилась фамилия подозреваемого кочегара, а это уже для нас совсем немало. Вспомнили кусочки угля на одежде убитого и, не сговариваясь, пошли в единственную котельную, которая топится углём.

Застали там кочегара Тонкова. Он оказался тщедушным, ниже среднего роста, сорокалетним мужчиной, одетым в грязную и изношенную одежду (другой у него просто не было). Жил он прямо здесь, в грязной и тесной котельной. У него был уставший и какой-то затравленный вид. Мысленно сравнил его с убитым мужиком — тот раза в полтора крупнее и мощнее Тонкова. Сам себе задал вопрос: как же ему одному удалось справиться с физически гораздо более сильным потерпевшим? Что-то тут было не так. Однако верёвочка привела нас именно к нему. Кочегар увидел нас и по нашему виду понял, кто мы, откуда и по чью душу пришли. Кочегарка не самое подходящее место для допроса, поэтому объявили ему, что он задержан по подозрению в совершении убийства и, усадив в милицейский автомобиль, повезли в РОВД.

Там сразу же приступили к допросу. Поникший Тонков отпираться не стал, сказал, что ожидал ареста за это убийство. Он поведал нам грустную историю, произошедшую с ним. Это была, по сути, исповедь о метаморфозе его жизни, которая за последние полгода неожиданно пошла под откос. Мы внимательно слушали его, не перебивая.

Тонков рассказал, что более десятка лет он прожил со своей женой, работал кочегаром в котельной дома отдыха и получал ежемесячную зарплату в размере 65 рублей в месяц. Очень немного, но было ещё бесплатное питание на работе. Жена работала почтальоном, получала чуть больше. У них родились пятеро детей. Жили небогато в небольшом и скромном домике. Жизнь шла своим размеренным чередом, и всё было хорошо, пока жена полгода назад случайно не познакомилась на соседней станции Чикали с заезжим бродягой, который в дальнейшем и был задушен. Мужик был

крупный и физически здоровый, чем-то прельстил его жену, дав, видимо, ей то, что он, её муж, не мог ей дать физически. Жена с ним развелась и взыскала с него алименты. Половину зарплаты он отдавал на алименты на детей, а оставшаяся половина в размере 32 рублей 50 копеек оставалась ему на жизнь, но он тратил их тоже на детей. Бродяга выгнал его из дома, а сам перешёл туда жить, заняв его место. Проживать ему стало негде, и он поселился в котельной. Когда он пытался вернуться в дом обратно, более сильный физически соперник просто выбросил его из помещения, как какого-то котёнка, оскорбив и унизив. Силы были явно неравны, и в доме кочегар больше появляться не рискнул. Между тем малые его дети стали приходить к нему в котельную, плакать и жаловаться на нового «папу», который пьянствовал, не работал и распускал руки, отвешивая им подзатыльники. Просили его вернуться домой и выгнать бродягу. Сердце отца разрывалось от горечи и обиды. Он плакал вместе с детьми, но изменить ничего не мог. Положение казалось ему безвыходным, пока он пару недель назад случайно не познакомился на той же станции с другим бомжем – молодым и решительным парнем по имени Николай. Разговорился с ним и поведал ему о своём семейном несчастье. Тот принял это близко к сердцу и вызвался пособить ему в его горе. Как? Да просто убить бродягу и закопать. Кто его будет искать? Легко сказать – соперник физически был явно сильнее нового приятеля Николая.

Николая, который тоже был нехилым мужиком, физическое превосходство противника не смущало. Наготове был коварный план по устранению конкурента. Решили заманить бродягу под предлогом выпить мировую в котельную, где и напоить того водкой. Когда он опьянеет, Николай незаметно и неожиданно накинет на него сзади петлю и задушит его. Как стемнеет, труп вынесут на свалку и там закопают. За свою помощь в деле Николай потребовал плату. Тонков сказал, что может заплатить ему только 32 рубля 50 копеек, больше денег у него нет. Николая сумма вполне устроила, ударили по рукам. Водку и верёвку должен был добыть кочегар. Тонков сильно волновался, справятся ли с противником, но всё прошло как по маслу. Бродягу напоили, задушили и закопали. С наёмным убийцей, Николаем, он расчёт произвёл, как договаривались. Фамилии Николая он не знает. Видел его до этого несколько раз на станции. Подробно описал его приметы.

Рассказанное скорее напоминало сюжет известной русской сказки для детей о лисице, выгнавшей зайца из лубяного домика. Разница была только в том, что в сказке отважный петух, нанятый зайцем, помог напугать и выгнать злодейку из захваченного дома, а в нашем случае нанятый кочегаром бомж удалил из дома бродягу, убив его. Сказка тем и отличается, что в ней всё хорошо заканчивается. В жизни, увы, бывает подругому.

Слушая неторопливое и горестное повествование Тонкова, мы не могли не проникнуться жалостью к нему и его нескладной жизни. Он, видимо, не понимал до конца, в какой переплёт попал и на каком дне жизни оказался как организатор умышленного убийства. Записав его показания на магнитофон и составив протокол

допроса, отправили его в камеру предварительного заключения. Составили план розыска Николая и решили на следующий день разделиться со Львом Гавриловичем: он пойдёт на станцию Чикали искать там Николая и лиц, его знающих; я же буду допрашивать свидетелей в посёлке, где находится дом отдыха. Собственно, дело, считай, почти раскрыто, нужно только отловить наёмного убийцу-исполнителя, но на это потребуется какое-то время.

Так и сделали. С утра Мушников с местным оперативником ушёл на станцию. Я же пошёл допрашивать свидетелей. Однако через час наши планы были нарушены самым неожиданным для нас образом. Выйдя из одного дома, где проводил допрос свидетеля, я внезапно увидел ехавший прямо на меня милицейский «уазик», который резко затормозил передо мной, и из него быстро вышел хорошо знакомый мне Станислав Шкляев – коллега и напарник Мушникова, тоже весьма опытный и грамотный оперативник. Обратил внимание, что на поясе у него кобура с оружием. Обычно улыбающийся и жизнерадостный, он был серьёзен и озабочен. По его виду понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. В голове сразу мелькнуло: Лысьва, две пропавшие девочки... Однако действительность оказалась ещё хуже.

Станислав Алексеевич доложил мне, что он послан за мной и Мушниковым: нам срочно надо прибыть в другой райцентр – село Кишерть. Там обнаружены в реке Сылве три плавающих мешка предположительно с телами маленьких девочек, которые потерялись несколько дней назад. Преступление не раскрыто. Ввиду чрезвычайности происшествия была дана команда приостановить осмотр места происшествия и ничего не трогать до нашего прибытия. Мне персонально поручалась организация производства тщательного осмотра и всех дальнейших неотложных следственных действий, направленных на быстрейшее раскрытие преступления. В помощь нам прибыли судебно-медицинского бюро и эксперткриминалист ОТО УВД. Организация оперативного обеспечения раскрытия преступления возлагалась на заместителя начальника отдела по особо важным делам подполковника Юрия Ушкова, который вместе с экспертами уже дожидался нас в Кунгуре, чтобы всем вместе проследовать дальше на место страшной находки.

Сразу же забрали Мушникова и помчались в Кунгур. Там быстро передали местным коллегам все имеющиеся у нас документы об убийстве в доме отдыха, которое практически можно считать раскрытым. Они, уже зная, куда мы так спешим, искренне желают нам удачи. Мы и сами понимаем, что, как никогда, нам сейчас нужна будет эта капризная и изменчивая особа – госпожа удача.

Без остановки, менее чем за час прибыли в село Кишерть, где на берегу широкой и красивой реки Сылва, в районе водокачки, в небольшом заливе плавали три мешка.

Оказывается, девочки: сестры Света и Надя Аксеновы, восьми и девяти лет, и их подружка — Ладейщикова Света, восьми лет, — потерялись четыре дня назад, их безуспешно искали всем селом. На плавающие в воде мешки случайно обратил внимание

один из жителей, проходивший по берегу. Сообщил об этом в дежурную часть местного РОВД. Прибывший наряд милиции подтянул ближайший завязанный мешок к берегу. Завязка с него соскользнула, обнажив голову мёртвого ребёнка. О случившемся немедленно сообщили в прокуратуру области и УВД. Оттуда поступила команда — ничего не трогать, ждать прибытия оперативно-следственной группы и экспертов из областного центра. Дело в том, что следователя прокуратуры в районе вообще не было (была вакансия), а исполняющая обязанности прокурора района Зоя Павловна Ладейщикова— работник добросовестный и ответственный, — хотя и работала до этого следователем, была в единственном числе, с подобным не сталкивалась и, естественно, опыта ведения таких дел не имела. Между тем дела о подобных происшествиях незамедлительно докладывались в Москву и там брались под строгий контроль. От грамотно организованных и проведённых первоначальных следственных действий во многом зависит успех дела и прежде всего его раскрытие.

Поэтому сразу приступили к осмотру и установили, что во всех трёх мешках, которые были завязаны медной и алюминиевой проволокой, оказались тела пропавших девочек. У всех отсутствовала обувь, за исключением туфли на правой ноге Ладейщиковой Светы. Труп Аксеновой Светы был завёрнут ещё в кусок брезента, а на ногах имелись белые синтетические нитки. Пока мы всё фиксировали, прибывшие с нами работники уголовного розыска вместе с местными коллегами, которые были подняты по тревоге, опрашивали местных жителей. И вот появился первый проблеск в этом запутанном деле. Был найден свидетель, который последним видел живых девочек, по приметам похожих на пропавших, в районе водокачки. Там же с ними находился подменный машинист цеха водоснабжения двадцатидвухлетний Коняев Сергей, оперативники экстренно организовали его розыск. Параллельно провели обыск на территории водокачки и в находящихся там строениях. Нашли там и изъяли медную и алюминиевую проволоку, сходную с той, что использована в качестве завязок на мешках с трупами; белые нитки, аналогичные ниткам, обнаруженным на трупе Аксеновой Светы; кусок брезента и часть брезентовой палатки, аналогичные куску брезента, в который она была завернута. Проведённые в дальнейшем экспертизы подтвердили полную идентичность всех обнаруженных вещественных доказательств.

В процессе осмотра выяснилось, что залив, в котором обнаружены мешки с телами, как бы отгорожен зарослями камышей от основного русла реки, что исключало занесение их течением со стороны реки. Получалось, что мешки могли попасть в воду только с берега территории водокачки. Изъятые при обыске предметы также указывали на то, что преступление совершено именно тут, на водокачке, и последний, кого видели с живыми девочками, был Коняев. После этого дети пропали. Коняев – главный подозреваемый в совершении этого зверского преступления.

Осмотр закончили в половине десятого вечера, когда солнце уже скрылось за горизонтом и село погрузилось во тьму. Тем временем оперативники оказались на высоте и доказали, что не зря едят свой хлеб – Коняев ими был задержан и доставлен на допрос.

Перед нами предстал долговязый, худощавый молодой парень с невыразительными чертами лица, каким-то отсутствующим, безжизненно-отрешённым взглядом. Начали разговор. Он не отрицал, что три незнакомые ему девочки приходили на территорию водокачки, что он с ними действительно общался, но, по его словам, они потом куда-то Несколько неожиданных вопросов поставили его тупик. непродолжительного отрицания он признался в совершении убийства девочек и перешел к подробному рассказу, как оно было совершено, при этом никак не мотивируя причин, толкнувших его на это, не раскаиваясь в содеянном и не жалея о произошедшем. По его словам, первую девочку он убил в доме на территории водокачки, где проживал, табуреткой по голове, двух других – по очереди там же, но кувалдой, и тоже по голове. Обувь, которая упала с ног девочек, он сжёг в печке. Беспричинность его действий порождала вопросы, на которые у нас пока не было ответов. Предложили ему на следующий день всё показать на месте и отправили его в камеру предварительного заключения, а нам отдыхать не придётся. В первую очередь предстояло решить вопрос о проведении судебно-медицинского исследования трупов девочек. Находящаяся с нами судебно-медицинский эксперт – заведующая Пермским городским моргом, опытный специалист Механошина Надежда Михайловна, участвующая в осмотре места происшествия, настаивала на отправке тел в областной центр в хорошо оборудованный морг, где лучше условия для производства экспертизы, так как потребуются дополнительные исследования, которые в местных условиях провести невозможно. Предварительно она высказалась о наличии повреждений черепов у девочек. В её предложении был несомненный резон. Кроме того, несмотря на ночь, заметили уже взбудораженную толпу жителей, которые могли повести себя непредсказуемо. Лучше было увезти тела отсюда в областной центр. Второй эксперт-криминалист Шустикова Ф.А., молодая девушка, тоже уже выполнила свою работу. Руководство РОВД организовало грузовую машину, кузов которой застелили слоем соломы, затем одеялом, а на него аккуратно уложили тела погибших детей. Двум уставшим экспертам вместе с водителем предстояло в ночи преодолеть среди безлюдных лесов и полей полтораста километров с трупами в кузове. Чтобы как-то их поддержать, по старому обычаю поднёс им по бокалу вина в дорогу для храбрости, поблагодарив от всех нас за работу. От вина они не отказались, и в два часа ночи грузовик с ними скрылся в темноте. Вскоре после их отъезда ко мне обратился дежурный по РОВД. Он попросил переговорить с женщиной – школьной учительницей, матерью убийцы. Она, опасаясь погрома и расправы со стороны родственников убитых девочек, пришла в отдел милиции и попросила разрешения остаться там на ночь. По сути, пришла за защитой от людей. Коняев был её единственный сын. Я подтвердил ей, что её сын задержан за убийство. И без того притихшая женщина на глазах ещё больше поникла и беззвучно заплакала. Больше я ничего ей не мог сказать. Подумал про себя, каково ей теперь здесь оставаться и как жить дальше, она ведь тоже в какой-то степени потерпевшая, но только из-за действий, совершённых собственным сыном...

Дежурного я попросил оставить женщину до утра в помещении милиции.

Рано утром, пока село ещё не проснулось, выехали с понятыми и подозреваемым на место совершения преступления. Коняев неторопливо рассказал о содеянном и указал на кувалду и табуретку, которыми убивал детей. Выдал зубило, которым отрубал куски проволоки для завязывания мешков. Всё это зафиксировали; кувалду, табуретку и зубило приобщили к делу для дальнейшего отправления на экспертизу. Выгребли содержимое дровяной печки, и там обнаружили обгоревшие супинаторы и металлическую застёжку, аналогичную той, что имелась на оставшейся туфле на ноге Ладейщиковой Светы. Это всё, что осталось от сгоревшей обуви потерпевших, будет вещественными доказательствами. Оформили протокол следственного действия по проверке его показаний на месте. Исполняющий обязанности прокурора района санкционировал арест убийцы, и во избежание возможных осложнений мы приняли решение об организации его этапирования в Пермскую тюрьму. Созвонились с экспертом Механошиной. Она сообщила, что со своими экспертами уже произвела вскрытие тел убитых. Смерть девочек наступила от перелома костей свода основания черепа вследствие ударов тяжёлыми массивными предметами, каковыми могли быть табуретка и кувалда. Других признаков насилия не обнаружено. Вроде всё сделали, преступник пойман. Но вопрос, зачем он это совершил, оставался, он не давал покоя не только мне.

Дотошный Мушников тем временем пошёл снова в народ и побеседовал со здешними обывателями, собирая сведения о личности задержанного. К обеду он вернулся и поделился тем, что удалось выведать у селян. Оказывается, когда Коняев вернулся со службы в армии, он встретился с женщиной, пытался вступить с ней в близкие отношения, чего и она желала. Но, когда дошло до дела, обнаружилось отсутствие у него мужской силы, он был посрамлен и с тех пор стал ощущать себя неполноценным мужчиной.

Пока конвой собирался, мы решили снова поговорить с арестованным и попытаться выяснить мотивы, которые побудили его пойти на преступление.

Вместе с Мушниковым стали беседовать с Коняевым и просили объяснить мотивы совершения преступления. Сначала он отказывался, но, узнав, что нам известно о его неудачной попытке общения с женщиной, попросил выслушать его без протокола. Мы согласились. Его объяснение причин совершения тягчайшего преступления повергло нас в шок. Мы могли предположить что угодно, но только не то, о чём он нам поведал.

По его словам, ощутив себя импотентом, он понял, что жить ему незачем, и решил покончить жизнь самоубийством. Перебрав все возможные способы добровольного ухода в мир иной, понял, что сам на себя наложить руки не сможет – не хватит духу. Пришла мысль совершить такое преступление, за которое бы его гарантированно лишили жизни, помимо его воли. Увидев прогуливающихся девочек, понял, что это его шанс осуществить задуманное. «Остальное знаете», –

добавил он. Дать официальные показания он наотрез отказался, и мы не настаивали. Его мотив совершения преступления не имел большого значения и не влиял на квалификацию его действий и тем более не умалял тяжести содеянного.

Такой циничный способ свести счёты с собственной жизнью, отобрав для этого её у трёх невинных детишек, — подобное не укладывалось у нас в голове.

Отправив Коняева с конвоем, уже более спокойно обдумали сказанное им. Для нас всё стало на свои места: ведь на самом деле всё укладывалось в простую логику его действий по лишению себя жизни, при которой получается, что убийство детей, как ни дико это звучит, было всего лишь способом осуществить Коняевым своё намерение. Но страшную цену за исполнение его суицидного желания заплатили три девочки. Своей цели убийца все-таки сумел достичь, желание его осуществилось – он был расстрелян в Пермской тюрьме по приговору суда.

А наёмный убийца — бомж Николай — был отловлен спустя месяц в Кунгурском районе при удивительных обстоятельствах, без участия работников милиции. Произошло это так. По-видимому, не зная, что убитый им бродяга обнаружен и заказчик убийства Тонков арестован, он поздно вечером заявился в дом, где ранее проживал кочегар. Застал там его жену и детей. Женщина была проинструктирована на случай его появления. Когда он потребовал угостить его спиртным, она тут же выставила на стол обильную выпивку. Об аресте мужа она ему говорить не стала. Сильно опьяневшего и заснувшего богатырским сном прямо за столом опасного гостя смелая женщина крепко связала верёвкой, а потом сбегала и позвонила в милицию. Пьяного бомжа-убийцу приехавший наряд милиции не смог разбудить. Проснулся он только в камере на нарах и не сразу понял, где находится.

Он и кочегар Тонков были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

В Лысьве, как мы и предполагали, сестрёнки-двойняшки, к сожалению, погибли. Их тела были найдены через три недели в глубоком заброшенном и, к несчастью, открытом колодце, в который обе гулявшие без присмотра девочки, упали и разбились насмерть. Произошёл несчастный случай. Убийства там не было.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

В конце февраля 1982 года я находился дома в краткосрочном отпуске, и занимался поднакопившимися личными делами. Но мне пришлось их отложить, как всегда, до лучших времён. Такое бывало нередко после встречи с начальником отдела по особо важным делам областного управления уголовного розыска Аскольдом Марковичем Петровым, который попросил меня прервать отпуск и выехать вместе с ним в командировку в город Чусовой, так как имелись реальные шансы раскрыть убийство водителя такси Фокина.

Дело это мне было хорошо знакомо, поскольку в осмотре места происшествия и первоначальных следственных действиях по нему принимал участие мой коллега и подчинённый — прокурор-криминалист Александр Сырвачев, подробно проинформировавший меня о произошедшем преступлении и ходе расследования: лежащее на переднем сиденье тело двадцатисемилетнего водителя Фокина с огнестрельным ранением головы было обнаружено ранним утром 8 февраля 1982 года в такси «Волга» ГАЗ-24, стоявшем перед подъездом девятиэтажного дома № 30/1 на проспекте Ворошилова в Перми.

При осмотре места происшествия было установлено, что входное пулевое отверстие расположено в затылочной части, а выходное – в лобной части головы потерпевшего. Пуля, пройдя навылет, разбила ветровое стекло и, отскочив, упала на пол салона автомобиля. Там же была обнаружена стреляная гильза с маркировкой года выпуска «63». По заключению баллистической экспертизы, пуля и гильза были от пистолета «Макаров». У потерпевшего исчезли удостоверение водителя с талоном предупреждений, медицинская справка и часть денег. По сообщению администрации таксопарка, погибший водитель должен был закончить работу и прибыть в парк в 20 часов ещё 7 февраля.

Было выдвинуто несколько версий. Учитывая, что преступление было совершено с использованием пистолета «Макаров», как одну из них мы рассматривали версию о том, что стреляли из оружия, которое могло быть похищено или утеряно. Поэтому были взяты на учёт все случаи потери или хищения такого оружия, изучались преступления, совершённые за последнее время в Пермской области с использованием огнестрельного оружия. Помимо этого, проводилась большая работа с лицами, проживающими в доме, рядом с которым был обнаружен погибший, изучалась его личность и многое другое.

Наше внимание привлек факт утраты 23 января 1982 года табельного пистолета «Макаров» милиционером в городе Чусовой. Старшина Чусовского отдела внутренних дел Степаненко пристрастился к употреблению спиртного в рабочее время, что не раз вызывало нарекание со стороны коллег и руководства. Ему даже объявили партийное взыскание, как члену партии, по этому поводу, но это, впрочем, не повлияло на его пагубное пристрастие к Бахусу.

В тот роковой для него день Степаненко вновь изрядно набрался и, уходя домой, забыл сдать пистолет. Будучи сильно пьяным, он не смог дойти до дома и около ближайшего магазина свалился в большой и мягкий сугроб, как в пуховую постель, заснув там беспробудным пьяным сном. А из заднего кармана брюк спящего милиционера вызывающе торчала рукоятка пистолета, и проходившим мимо будущим нашим фигурантам, несовершеннолетним учащимся ГПТУ № 9 Арсланову и Зубкову, оставалось только протянуть руку и забрать оружие, что они и не преминули сделать. К их досаде пистолет не был заряжен, и к нему необходимо было ещё найти патроны, а похищенный пистолет не давал покоя.

Через несколько дней Зубков достал четыре патрона у своего знакомого, тоже несовершеннолетнего Филиппова, отец которого, майор, работал в Чусовском ОВД дежурным помощником начальника и со службы принёс домой патроны. Опробуя пистолет в пригородном лесу, Зубков уже вместе с другим приятелем, восемнадцатилетним Мясниковым, расстреляли три патрона. Оставался последний патрон.

Арсланов уже был осужден на два года условно за кражу в 1981 году, и 6 февраля 1982 года исполнялся ровно год со времени вынесения ему приговора. Эту дату он посчитал нужным отметить. Медлить дружки не стали, и в подвале одного из домов Арсланов и Мясников в честь годовщины выпили две бутылки водки. Встретив затем Зубкова, уже втроём решили отобрать деньги у пожилых супругов Зотовых, живущих в собственном доме. Те держали корову, продавали молоко, и у них должны были водиться деньги.

Ближе к вечеру того же дня вооружённый ножом Арсланов, Мясников – пистолетом и ножом – вместе с Зубковым направились во двор дома Зотовых. Там они пустили в ход ножи и, угрожая пистолетом, потребовали у пенсионеров деньги. Раненые муж и жена, однако, оказали им сопротивление, а не потерявший самообладания хозяин дома успел схватить лопату, выбить из руки Арсланова нож и нанести удар по голове.

Троица грабителей бросилась наутёк, но Зотов узнал в одном из напавших Арсланова, который жил недалеко от них, о чём он и заявил сразу же в милиции. Так впервые появились показания о наличии пистолета у преступников. Был объявлен их розыск, и 22 февраля в том же городе Чусовой всех троих задержали. Оружия при них обнаружено не было.

Вот поэтому Петров и попросил меня поехать в Чусовой и вместе с ним заняться проверкой этой троицы на причастность к совершению убийства таксиста. Занимавшийся ранее этим делом мой коллега Александр Сырвачев находился в другой командировке, а проведение проверки в Чусовом никак не терпело отлагательства.

Доложив руководству и получив добро, вместе с Петровым отбыл в Чусовой, где содержалась под стражей разбойная троица. Приехав, вместе с Петровым

вплотную в течение трёх дней занялись допросами Мясникова, Арсланова, Зубкова, выясняя, где они находились 7 февраля 1982 г., когда был убит водитель такси, и где находится в настоящее время пистолет.

Показания этой троицы были противоречивы, и, используя это, мы получили признательные показания Мясникова и Арсланова. Завладев оружием и опробовав его, на следующий день после нападения на Зотовых они вдвоём уехали в Пермь и там, с целью ограбления, напали на водителя такси, которого застрели из пистолета в голову последним патроном. Забрали у убитого водительское удостоверение с талоном предупреждений, медицинскую справку и деньги в сумме 24 рублей, после чего сели в электричку и уехали обратно в Чусовой. По пути следования на одной из станций выбросили медицинскую справку, затем во время движения поезда выбросили и пистолет. Деньги израсходовали на покупку спиртного, удостоверение водителя с талоном предупреждений сожгли в подвале дома, а сгоревшие остатки растёрли бутылкой, которую там же разбили, чтобы замести следы.

Показания подозреваемых необходимо было проверить на месте. Зубков, который не принимал участия в убийстве, указал участок леса в районе дома № 2 на Коммунистической улице в Чусовом, где они с Мясниковым трижды стреляли из похищенного пистолета. Мясников указал в лесу то же место, что и Зубков. Используя данные о месте стрельбы, положении пистолета и направлении полёта пуль, мы вычислили примерную траекторию полёта пуль и выброса гильз и приблизительно обозначили возможное место их нахождения на местности. Однако учитывая рельеф местности — покатый склон леса, от поиска пуль пришлось сразу отказаться — вероятность обнаружить их на большом заснеженном пространстве была очень мала, поэтому основные силы были брошены на поиск гильз. Этому придавалось особое значение — следствие к тому времени не располагало сведениями о местонахождении оружия, и, несмотря на меры по его поиску, найти его не удалось, поэтому обнаружение гильз, выброшенных при выстреле из пистолета, из которого стреляли при совершении убийства, имело бы доказательную силу даже при отсутствии самого пистолета.

После многочасовых поисков на ветру в двадцатиградусный мороз, просеивании снега, высота которого была более одного метра, с помощью магнитного подъёмника и миноискателя были обнаружены и изъяты две гильзы от пистолета «Макаров», одна из них имела маркировку года выпуска «63». Еще были обнаружены канцелярская скрепка и иголка. Третья гильза найдена не была. Проведённой баллистической экспертизой было установлено, что эти две гильзы и гильза, обнаруженная на месте убийства Фокина, выброшены при выстрелах из одного оружия.

Затем в подвале дома № 2 на улице Коммунистической, на который Мясников и Арсланов указали как на место уничтожения документов убитого водителя, при выезде для проверки показаний в результате осмотра были обнаружены и изъяты обгоревшие кусочки бумаги и осколки разбитой бутылки. Криминалистической

экспертизой было установлено, что обгоревшие кусочки бумаги были водительским удостоверением, а экспертам удалось выявить буквы фамилии владельца удостоверения – Фокин.

В связи с заявлениями Мясникова и Арсланова о том, что пистолет они выбросили, когда подъезжали в электричке к станции Чусовая, каждый из них был в отдельности вывезен на это место. Они указали практически одно и то же место, где якобы выбросили пистолет и где примерно он должен был бы находиться. В указанном ими месте – вдоль железнодорожной насыпи – был организован поиск пистолета. Но, несмотря на тщательный поиск, который осложнялся ещё и тем, что толщина снега там достигала двух метров, а зона поиска простиралась более чем на сто метров, пистолет обнаружен не был, и у нас возникли сомнения в достоверности показаний Мясникова и Арсланова по поводу нахождения оружия. Поиски пистолета, который мог попасть или уже находился в преступных руках, необходимо было продолжить.

За неделю мы завершили все основные следственные мероприятия в Чусовом и для продолжения следственных действий, связанных с эпизодом убийства, решили доставить арестованных Мясникова и Арсланова в областной центр.

Во время нахождения в командировке к нам были прикреплены две автомашины «Волга» – одна от городского УВД Перми, вторая – от таксопарка, где работал погибший от рук убийц водитель. Управлял вторым автомобилем водитель таксопарка – известный чемпион России по зимним трековым автогонкам Александр Дудин, который на этом же автомобиле, двигатель которого был форсирован одному ему известным способом, выступал на соревнованиях. Расстояние по зимней обледеневшей дороге от города Чусовой проездом через город Кунгур и далее в Пермь составляет двести двадцать километров. С целью изоляции подельников Мясникова в наручниках вместе с оперативником усадили на заднее сиденье в машину таксопарка. На переднем сиденье, рядом с водителем, я уселся сам. Во второй машине располагались Арсланов с конвоирующим оперативником. Поздним вечером, чтобы к полуночи успеть прибыть в Пермь, мы все выехали из Чусового.

Александр Дудин обещал доставить нас в Пермь за два часа, во что нам слабо верилось: Уральские горы хоть и нельзя сравнивать с Кавказскими горами, но дорога, пролегающая по ним, тоже имеет крутые подъёмы и спуски с поворотами. К моему удивлению, сто двадцать километров до Кунгура проехали за один час. Водитель объяснил, что можно было и быстрее, но ему не хочется давать большую нагрузку на двигатель, нужно его поберечь для предстоящих соревнований.

Отъехав уже с десяток километров от Кунгура, на горной дороге наш автомобиль на подъёме с поворотом, в условиях ограниченной видимости, стал обгонять быстро едущий впереди нас «КамАЗ» с длинным прицепом. Неожиданно впереди из-за поворота навстречу нам вылетел другой «КамАЗ». Дорога была всего в две полосы, и разъехаться было никак нельзя. Как заворожённый, смотрел я на приближающуюся встречную

махину и понимал, что всё, мы приехали, сейчас произойдёт лобовое столкновение. Гдето я читал, что в таких случаях перед глазами человека мысленно пробегает за секунды вся его жизнь. Однако картинок из жизни у меня не возникло, а вот мой двенадцатилетний сынишка Сашка сразу вспомнился, и ещё, скосив глаза на водителя, я поразился его спокойствию. Я не учёл одного — за рулём чемпион республики, и автомашина его непростая. Мотор взревел, и как будто неведомая сила рванула автомобиль резко вперёд и вправо, и он, в считанных сантиметрах, крутанулся между двумя летящими навстречу друг другу «КамАЗами». Переведя дух, я спросил: «Александр, мы сейчас чуть в аварию не попали?» — «Что вы, — ответил он, — это для вас ситуация кажется опасной, а для меня — это нормальная езда». Затем он весело рассказал, как опаздывал на соревнования в Челябинск, и на скользкой ледяной дороге врезался в «КамАЗ», да так, что у его машины срезало часть крыши кабины. Так и выступил Дудин на соревнованиях с открытым верхом. В общем, без дальнейших приключений мы прибыли, наконец, в Пермь.

Весь следующий день был потрачен на следственные эксперименты с отдельным выездом Мясникова и Арсланова на место убийства водителя такси. Они рассказали и показали всё правильно — про обстоятельства нападения на Фокина и убийство его из выстрелом пистолета, совершённым Мясниковым. Всё это было запротоколировано и зафиксировано на видеозаписи.

Глядя на них и слушая их, понимал, что эти два шалопая не понимают, что сотворили тяжкий грех перед людьми и богом, убив молодого парня, которого они даже не знали, и сделали вдовой его молодую жену. Чужая человеческая жизнь для них явно ничего не стоила, и отнять её, похоже, было для них, как выпить стакан водки. Ни тени раскаяния, ни сожаления, просто обычный рассказ, просто показали всё на месте преступления – вот просто взяли и убили, будто сделали что-то обыденное.

На брюках Мясникова и на левой поле пальто Арсланова, который сидел рядом с убитым, проведённой судебно-биологической экспертизой была обнаружена кровь, которая могла принадлежать убитому Фокину. Сомнений в том, что именно Мясников и Арсланов совершили убийство, не оставалось. Однако был еще один весьма важный и невыясненный вопрос — местонахождение пистолета, который мог вновь оказаться в руках преступников и выстрелить.

Последовали продолжительные допросы обвиняемых, и в конечном итоге они оба признались, что пистолет они не выбросили, а отдали знакомому сторожу пионерского лагеря Чусовского леспромхоза, ранее судимому, Лакутину, который тут же был задержан и допрошен.

Лакутин сразу же всё рассказал, понимая всю серьёзность возможных последствий своих действий (он получил за хранение оружия и укрывательство преступления четыре года лишения свободы). Пистолет он передал своему знакомому – некому Скореву, тот тоже подтвердил получение пистолета от

Лакутина, и пистолет, наконец, был изъят у него в квартире (Скорев также был осуждён судом за хранение огнестрельного оружия).

Сын работника Чусовского РОВД В.А. Филиппова рассказал, что четыре патрона от пистолета, которые его отец хранил дома, он дал знакомому — Зубкову. Майор Филиппов сразу честно рассказал, что несколько лет назад принёс домой несколько патронов от пистолета, но о том, что его сын их кому-то передал, он не знал. Филиппов-старший предстал перед судом за хищение и хранение четырёх боевых патронов, а старшина Степаненко — за небрежное хранение оружия. Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего Филиппова было прекращено и направлено в комиссию по делам несовершеннолетних для принятия мер общественного воздействия.

Всё имеет свои причины. Говоря о Мясникове, Арсланове и Зубкове, вставших на преступный жизненный путь, невольно обращаешь внимание на то, в каких условиях они росли, воспитывались, какие уроки и от кого усваивали. Вот, например, какая характеристика дана семье Мясникова: «Родители воспитанием сына не занимались, злоупотребляли спиртными напитками, отец состоял на учёте как лицо, злоупотребляющее спиртными напитками и уклоняющееся от общественно полезного труда. Старший брат ранее судим, часто не работал, пьянствовал». Такое же «воспитание» дома и на улице среди товарищей, уже судимых или готовых встать на неверную дорожку, получили Арсланов и Зубков. Как видим, семья не смогла дать должного воспитания никому из троих, не воспитывало уважения к закону и уличное окружение. Результат не замедлил сказаться: из-за различного рода правонарушений Мясников и Арсланов были взяты на учет комиссией по делам несовершеннолетних.

После совершения убийства Мясников и Арсланов вернулись в Чусовой и в течение двух недель скрывались по подвалам и у знакомых с сомнительной репутацией. Каждый день пили. За это время Мясников успел совершить ещё одно преступление — вместе с грузчиком Чусовского металлургического комбината украл со склада предприятия шестьдесят литров спирта, после чего и был арестован.

В этих недорослях поражало безответственное отношение к своим поступкам, неспособность оценить их тяжесть и последствия. Инфантильность, гражданская незрелость, отсутствие чёткого психологического барьера, отделяющего забаву от преступления, – вот что сопровождало их все это время. Прослеживая дни и недели перед первым их преступлением, понимаешь, что оно обязательно должно было случиться. Их хмельное поведение зачастую словно было запрограммировано на конфликт с законом. Достаточно было небольшого толчка, случая, чтобы ожидавший детонации сгусток скуки, бездумного и праздного времяпровождения, нехитрых радостей пьяного застолья, азарта мелких правонарушений взорвался, наконец, делом серьёзнее, чем бывшая на их счету кража арбузов с товарного двора железной дороги. Но в добавление к этому должна была ещё выстроиться целая преступная цепочка из событий, казалось бы, не связанных

между собой, – пьяный старшина с утерянным оружием; майор, укравший патроны; его сын, передавший патроны. И по этой уже цепочке соединившихся в одночасье между собой звеньев-событий они образовали убийственную цепную реакцию, жертвой которой и стал в тот роковой вечер ничего не подозревающий молодой, полный сил мужчина, который должен был, закончив работу, поехать к жене, которая ждала его у друзей, чтобы пойти в баню.

Далее расследование дела было поручено старшему следователю областной прокуратуры Анатолию Никонову, опытному и вдумчивому. Он успешно закончил расследование и направил дело в Пермский областной суд. Мясников был осуждён к пятнадцати годам лишения свободы, Арсланов – к десяти годам, Зубков – к семи годам лишения свободы. Осуждены к различным видам наказания были все остальные привлечённые по делу обвиняемые. Осуждённые обжаловали приговор, который был оставлен в силе вышестоящим судом. Прошло несколько месяцев, и както прокурор Пермской области Иван Николаевич Павлецов, которого я искренне уважал за высокую культуру, такт и внимание, принёс мне извинения. Я искренне изумился: «За что?». Иван Николаевич пояснил, что не так давно он подписал приказ о поощрении Никонова за успешное расследование этого дела. Но потом ему стало известно, что раскрытием дела занимался я, и он чувствует себя сейчас неловко, поскольку не отметил меня в приказе. Я тут же сгладил неловкость, сказав, что, независимо от того, кто и какой вклад внёс в дело, главное - оно раскрыто и расследовано, все получили по заслугам, а приказ – это не главное. Не за награды же работаем!

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Вместе с шефом, заместителем прокурора области В.М. Бахаревым, и представителями УВД области 18 марта 1982 года проводили заслушивание проблемных уголовных дел в Березниках – крупном промышленном городе. Одним из таких дел было нераскрытое изнасилование десятилетней девочки, Татьяны Малевой, произошедшее 4 февраля в соседнем городе Усолье.

Суть дела докладывал следователь прокуратуры Усольского района В.А. Роговец: преступник вечером поймал девочку на улице и завёл в сарай, изнасиловал, а затем повел её дальше и вновь продолжил насилие — уже в туалете прокуратуры района, который именовался «Удобство на улице» и представлял собой построенный во дворе из досок клозет с выгребной ямой. Во время изнасилования в извращённой форме девочка заметила в свете уличного фонаря буковки, нанесённые на половом члене насильника, — татуировку.

Проведёнными розыскными мероприятиями был установлен подозреваемый – двадцатидвухлетний, дважды судимый за хулиганство и кражу, отсидевший в

общей сложности пять лет, слесарь Шарев. Он категорически отрицал свою причастность к совершению преступления, но был опознан потерпевшей, и у него была изъята одежда, в которую он, по показаниям девочки, был одет во время совершения преступления. Его сожительница, однако, утверждала: во время, когда совершалось преступление, они с подозреваемым спали дома.

По непонятным причинам дальше этого следствие почему-то не пошло, и подозреваемого отпустили на все четыре стороны. Бахарев попросил меня лично разобраться с этим уголовным делом. Я подробно ознакомился с имеющимися материалами дела и пришёл к выводу о необходимости срочно освидетельствовать Шарева на предмет наличия татуировок. Назначить судебно-биологическую экспертизу спермы Шарева — для сравнения с образцами спермы, взятой у потерпевшей девочки; криминалистическую экспертизу — на предмет наличия микрочастиц одежды подозреваемого на одежде девочки и наоборот, а также тщательно допросить его сожительницу и, самое главное, решить вопрос об избрании ему меры пресечения — содержание под стражей.

Шеф согласился с моими предложениями, и от УВД к нам сразу присоединился подполковник Леонид Оборин, с которым приходилось и раньше работать по другим делам. Не откладывая в долгий ящик, я немедленно попросил доставить Шарева. Через пару часов он был у нас в кабинете – и по-прежнему всё отрицал. Мы пригласили двух мужчин в качестве понятых и предложили подозреваемому полностью раздеться. Увиденное на теле Шарева впечатляло: три десятка татуировок сверху донизу, с сюжетами на любой вкус, начиная с век, на которых нанесена татуировка «не буди», кончая нижней частью ног – «они устали». На интересующем нас его детородном органе была татуировка, состоящая из трёх вертикально расположенных букв, образующих слово «хам».

Всё это фиксируется на фотоплёнку и вносится в протокол освидетельствования. Так у нас появляется ещё одно доказательство его вины. Я обратился к прокурору города Березники Жукову с ходатайством о даче санкции на арест Шарева. Но тот, видимо, желая перестраховаться, неожиданно для нас в санкции на арест отказал — его смущали показания сожительницы подозреваемого. В возникшей ситуации отпускать преступника никак нельзя, но и арестовать — тоже.

В данной ситуации, как прокурор-криминалист, я по закону обладал всеми правами следователя и надзирающего прокурора. Закон не запрещал мне проводить такое следственное действие, как задержание подозреваемого на 72 часа или трое суток в порядке статьи 122 Уголовно-процессуального кодекса. Воспользовавшись своим правом, я объявил Шареву, что он задерживается в порядке статьи 122 УПК. Тот воспринял это как должное, а по его лицу стало видно – он понял, что не быть ему на свободе.

На следующий день вместе с Обориным мы приступили к подробному многочасовому допросу подозреваемого. Шарев продолжал всё отрицать и его

отправили назад в камеру. На второй день – вновь допрос подозреваемого и хорошо подготовленная очная ставка с девочкой, после чего его допрос вновь продолжился. Вопросы на него сыпались как из рога изобилия, и, наконец, на вопрос, как якобы незнакомая ему девочка сумела узнать про имеющуюся у него на интимном месте татуировку, ответа он найти не смог и признался в совершении изнасилования.

Его показания мы фиксировали на магнитофонную ленту. Не откладывая, сразу же по окончании допроса был организован его выезд на место преступления с целью проверки показаний. Там он подробно, обстоятельно и абсолютно точно рассказал о совершённом. Всё это мы также фиксировали на магнитную ленту и фотоплёнку. Во время следственных действий само собой рассыпалось и его алиби: как пояснил Шарев, они с сожительницей тогда изрядно напились, улеглись в постель, она вскоре заснула крепким пьяным сном, а он незаметно встал с постели и ушёл из квартиры. После совершения изнасилования он, вернувшись домой, застал сожительницу по-прежнему спящей. О том, что он уходил, она, понятно, знать не могла, да и отсутствовал он недолго – не больше часа. Допрошенная сожительница Шарева подтвердила, что действительно крепко спала после выпивки и ничего не слышала.

Во время последнего допроса Шарев неожиданно спросил у меня, может, он дурака свалял, что признался, может, и доказать бы ничего не смогли и опять отпустили, не прогадал ли он. Ответил ему: «Сам знаешь, что совершил изнасилование, потерпевшая тебя опознала, экспертизы подтвердят контакт твоей одежды с одеждой потерпевшей, группа крови совпадёт с образцами, взятыми у потерпевшей, буквы имеются в нужном месте. Неужели ты считаешь, что суд при таких доказательствах тебя оправдает?» Он со мной согласился, а потом: «Ну пусть хоть учтут, что в сознанку иду, срок скостят». Я подтвердил, что суд, решая вопрос о мере наказания, должен будет учесть это выигрышное для него обстоятельство. Тот успокоился.

Арест Шарева был прокурором санкционирован. Передав дело для завершения расследования районному следователю, занялся другими делами. Прошло два месяца. Состоялся суд, и Шарев был осуждён к 12 годам лишения свободы. А ещё через месяц меня вызвал к себе начальник — В.М. Бахарев: на, смотри, тут областной суд вынес в отношении тебя частное определение по делу осуждённого Шарева. Ты унизил его честь и достоинство — в обнажённом виде его сфотографировал и фототаблицу приложил к уголовному делу. Просит принять меры к тебе.

Владимир Михайлович быстро всё понял, когда я ему объяснил, в чём дело. Ведь другого способа доказать наличие татуировки на фаллосе преступника, каковая являлась доказательством по делу, иначе как его сфотографировать и фотографию предоставить суду, просто не существовало. Не будет же суд прямо в судебном заседании, при всём честном народе, обнажать интимные места подсудимого и их рассматривать. И потом, я никак не мог унизить то, чего у него нет, – его честь и достоинство. Совершивший в отношении десятилетней девочки гнусное

преступление, прямо на полу сортира, покрытого замерзшими нечистотами, Шарев не имел ни чести, ни достоинства.

Ситуация с документированием улики на интимном месте преступника даже немного развеселила моего руководителя. «Всё ты правильно сделал, — сказал он мне, — доказательство тому — обвинительный приговор насильнику. Чёрт знает что написали, но сам понимаешь, в месячный срок мы должны дать ответ суду о принятых к тебе мерах. Так вот тебе наказание за это — сам и подготовь проект ответа, а я подпишу». Мы так и поступили, отписав суду ничего не значащую бумагу и тема «нарушения» мной прав лица, совершившего тяжкое преступление, была закрыта.

К вопросу о нарушении прав человека мне случайно пришлось вернуться через десять лет, когда я уже занимал должность начальника отдела в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. В октябре 1992 года в Мраморном зале здания Генеральной прокуратуры была презентация нового фильма «Разыскивается опасный преступник». Картина была снята по событиям, происходившим в 1962 году в Новочеркасске, где были расстреляны рабочие, выступившие против советской власти. На презентации, помимо артистов, — Натальи Белохвостиковой, Веры Васильевой и других, снявшихся в фильме, присутствовал известный правозащитник Сергей Адамович Ковалев, председатель парламентского Комитета по правам человека, с ним был и его заместитель.

После просмотра кинофильма все присутствующие стали разъезжаться, а с отъездом Ковалева и его заместителя произошла заминка, за ними не прибыл автомобиль. Для решения этого вопроса потребовалось какое-то время, и я пригласил Сергея Адамовича и его заместителя в свой кабинет, где те могли бы дождаться машины. Они охотно приняли предложение. Как гостеприимный хозяин, в кабинете я предложил им коньяк и кофе, туда же подошёл мой коллега, начальник другого отдела генпрокуратуры Артур Маменков. У нас завязался интересный разговор, затянувшийся на несколько часов. Во время беседы, прерываемой кофе и коньяком, я рассказал, что работал в прокуратуре Пермской области в то время, когда Сергей Адамович отбывал там наказание в известной колонии № 36 для политзаключённых.

Разговор, естественно, не мог не затронуть темы соблюдения прав человека. Время уже было близко к полуночи, когда я поблагодарил Сергея Адамовича и его коллегу за их активную жизненную позицию и столь необходимую деятельность в области защиты прав человека, но попросил их разъяснить мне, как простому гражданину, кого конкретно защищают правозащитники. Того, у кого украли, то есть потерпевшего, или того, кто украл, – вора; того, кого изнасиловали, то есть – потерпевшую или того, кто изнасиловал, – насильника; того, кого убили, – потерпевшего, или того, кто убил, то есть убийцу, – ведь интересы этих лиц прямо противоположны. Минут сорок оба пытались объяснить мне свою позицию и ответить на мой вопрос, который, понятное дело, был очень непростым. Однако удовлетворительного и вразумительного ответа получено так и не было.

Мы проводили их до автомобиля и дружески попрощались. После этой памятной для меня встречи я понял: гораздо проще говорить о правах человека и защищать их именно в абстрактном смысле, вообще, во вселенском масштабе, так сказать. В жизни же приходится решать вопрос о правах не абстрактного человека, а конкретного, и в определенной жизненной ситуации, – а это совсем другое дело.

Как могут отстаивать свои права убитый обычный гражданин или десятилетняя беззащитная девочка? О правах человека можно много рассуждать и говорить, но кто вступится реально за их нарушенные права?

всюду жизнь

В начале августа 1982 года я находился в командировке на раскрытии убийства сторожа в городе Соликамске, расположенном на севере области, где кончалась железная дорога и начинался таёжный край и болота. Эта территория всегда была нашей головной болью: в Соликамске, кроме тюрьмы, находился транзитно-пересыльный пункт (на языке заключенных — пересылка), откуда осуждённых развозили автозаками по нескольким десяткам исправительно-трудовых колоний, дислоцированных здесь сразу трёх лагерных управлений: Усольлага, Ныроблага, Вишералага. Кроме этого, были колонии-поселения с поселенцами и многочисленные бесконвойники. Здесь же находилось большое количество осужденных за преступления небольшой тяжести, те искупали свою вину на стройках народного хозяйства, в народе их называли «химиками». Последние состояли на учёте в спецкомендатурах и жили в специальных общежитиях, куда в вечернее время лучше было не заходить, поскольку это было небезопасно. В этих же местах находилась одна из двух имеющихся в стране ИТК-20, в которой отбывали наказание те, кому смертная казнь в порядке помилования была заменена на срок — 15 лет лишения свободы.

После отбытия наказания вся эта публика с севера области объявлялась в Соликамске, откуда начиналось их возвращение в цивилизованный мир и где курсировали два поезда, на которых с комфортом можно было добраться до областного центра – города Перми – и столицы нашей родины – Москвы. Понятно, что, добравшись до первого островка свободы – Соликамска, некоторые из них отмечали своё освобождение в единственном в городе ресторане «Север», откуда те, кто не рассчитал свои силы и размер дозы спиртного, попадали в исправно работающий медвытрезвитель, ну а те, кто не исправился и вновь встал на путь преступления, как правило, совершали хулиганство или поножовщину, и, получив новый срок, вскоре возвращались в места отсидки. Те, кого минула чаша сия, на поезде уезжали в родные края. Однако были и те, кому и ехать-то было некуда, они оседали в городе. Не могли обойти стороной Соликамск и беглые всех мастей.

Так что концентрация преступного люда в здешних местах зашкаливала, и, как указывалось в служебных документах, «оставалась сложная и напряжённая оперативная обстановка». Словом, скучать следователям и оперативникам уголовного розыска было некогда — дел хватало. Командировки наши туда были частыми и постоянными.

Все правоохранительные органы города располагались в одном большом пятиэтажном здании. В подвальном помещении находились камеры предварительного заключения; на первом, втором, третьем этажах располагался РОВД, на четвертом и пятом этажах – прокуратура и суд. Это было довольно удобно для работы, всё под боком, но уникальность расположения здания заключалась ещё и в другом: почти вплотную к строению с восточной стороны примыкало городское кладбище. Понятно, что расписание рассмотрения дел в суде, окна которого были обращены прямо на кладбищенский пейзаж, никак не согласовывалось с графиком проведения похорон, поэтому не раз случалось, что во время оглашения приговора на кладбище звучал похоронный марш, который и сопровождал чтение судьи. Это неприятно и угнетающе действовало на подсудимых, но зато запоминалось надолго. Сразу вспоминалось известное изречение – «загреметь под фанфары». Не поднимала музыка Шопена настроение и тем, кто содержался в камерах подвального цоколя, наводя на них грустные мысли о бренности земного существования. Исправить такое положение было невозможно, поскольку отменить одновременно работу кладбища и суда, которые работали в одну дневную смену, было никак нельзя. Подобного взаимодействия в работе кладбища и суда больше в своей практике встречать мне не приходилось нигде.

Уголовный розыск Соликамского РОВД тогда возглавляли два человека: майор Малышков Валерий Иванович – заместитель начальника РОВД по оперативной работе – и капитан Вострокнутов Виктор Михайлович – начальник отдела уголовного розыска, оба энергичные и опытные – профессионалы в своём деле. Валерий Иванович помимо всего обладал специфическим чувством юмора, связанным с его профессиональной деятельностью. Как-то он в приватной беседе поведал мне о том, как занимался раскрытием одной кражи личного имущества. Пораскинув мозгами, вычислил, что кражу могли совершить трое неоднократно судимых, он пригласил одного из них к себе: тот стал божиться, что «не совершал никакой кражи, готов прямо сейчас свою мошонку гвоздём прибить к полу в кабинете, если это не так». Малышков, проявив всё своё умение, через пару дней нашёл похищенные вещи и «расколол» обоих участников. И снова пригласил к себе третьего соучастника. Но обставил это тогда таким образом: по пути в свой служебный кабинет на лестничной площадке первого этажа здания милиции поставил одного из задержанных, на втором этаже – второго задержанного, а дверь кабинета распахнул настежь и на стол положил, так, чтобы было видно, изъятые ворованные вещи и чуть отдельно – большой гвоздь с молотком. Похититель был проведён мимо своих подельников, а войдя в кабинет, увидел ворованное на столе.

Мгновенно всё поняв, он бухнулся на колени перед Валерием Ивановичем и завопил, признаваясь во всём и прося пощады, ссылаясь на беса, который его попутал. Оперативный кураж был налицо, работали с выдумкой.

Как-то в конце рабочего дня ко мне подошёл Малышков и сказал, что у него имеется информация, заслуживающая доверия: несколько дней назад в лагерном посёлке Сим убили поселенца, которого все считали сбежавшим, а труп его закопали. К этому преступлению причастны ранее судимая Николаева и её любовник – поселенец по имени Пётр. Кроме того, там же в розыске значился местный охотник, который после совершённого убийства скрылся в тайге с ружьём – орудием преступления. Изредка, по ночам, он навещал свою жену. Засаду тайно там организовать сложно, появление посторонних людей сразу насторожит преступника, но есть шанс в результате неожиданного ночного рейда застать беглеца «тёпленьким» в постели в собственном доме. Поскольку речь в первом случае шла о неизвестном убийстве, которое по закону расследуется следователями прокуратуры, он попросил меня подключиться и поучаствовать в мероприятии. Определяем состав оперативноследственной группы, в которую входят Малышков и Вострокнутов, судебномедицинский эксперт Валерий Парешин, оперуполномоченный областного управления уголовного розыска Борис Чебыкин и я.

В посёлке, куда мы направлялись, была собственная дизель-электростанция, которая, правда, прекращала свою работу за час до полуночи, после чего посёлок погружается во тьму. Мы решили тихо и незаметно появиться в посёлке ближе к полуночи, когда там погаснет свет и все будут спать. Разбитая, в ухабах, грунтовая дорога в таёжном лесу длиной в сорок километров заняла у нас почти два часа, и в расчётное время мы были на месте. Оставив машину на окраине этого небольшого посёлка, нанесли визит в барак, где жили Николаева и её любовник. Застали их обоих в комнате, либо слегка пьяных, либо наглотавшихся каких-то таблеток, сразу было не разобрать. Пётр, очень бледный, с перевязанной в области запястья левой рукой, как оказалось, опасаясь ответственности за убийство, решил покончить самоубийством и за несколько часов до нашего появления вскрыл себе вены. Сожительница его, хотя и была напугана, не растерялась и сумела перевязать рану, но крови Пётр потерял немало. Поэтому, отбросив все формальности, мы сразу потребовали отдать труп. Сообщники были явно деморализованы и сразу же повели нас в сарай и указали место – там уже возвышалась поленница, под которой и был спрятан труп убитого поселенца. Пётр, как и подобает мужчине, начал утверждать, что убийство совершил именно он, ударив поселенца в грудь ножом, а его подруга ни при чём, она только присутствовала при убийстве. Сожительница тут же подтвердила сказанное им. Всё это происходило при понятых, которых мы нашли в том же бараке. При свете фонарей убрали поленницу и, взяв лопаты, начали копать чавкающий болотный грунт. Выкопав яму глубиной около метра, обнаружили завязанный мокрый мешок. Вытащив его и развязав, обнаружили труп поселенца, которого сразу опознали

понятые. За дело взялся эксперт Парешин, он помог мне осмотреть и описать повреждения и трупные явления на убитом.

Пока мы занимались трупом, Малышков и Чебыкин незаметно ушли в темноту за разыскиваемым охотником. Не было их минут сорок. Затем так же тихо они вернулись, но уже с задержанным мужчиной среднего роста, лет сорока, и изъятым у него ружьём. Ещё пару часов заняло составление процессуальных документов: протоколов осмотра, допроса подозреваемых, постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа. Это заняло гораздо больше времени, чем в обычных кабинетных условиях, тут, ночью, при плохом освещении, писать приходилось, как говорится, на коленке. Транспорт для доставки трупа в городской морг среди ночи взять было неоткуда, и эксперт Парешин предложил исследовать тело на месте. Он, оказывается, был хорошо знаком с местным лагерным врачом и, сходив к нему домой и разбудив его, вернулся вместе с ним и набором хирургических инструментов, необходимых для вскрытия тела. Для задуманного им требовалось освещение и место, но находчивые медики освободили один из боксов гаража, установили там импровизированный стол – из деревянных ящиков, на который положили полотно старой двери. Секционный стол готов. Освещение было организовано ещё лучше – почти вплотную подогнанная машина дальним светом фар прекрасно освещала их рабочее место. Эксперты споро взялись за работу. Шум работающего двигателя автомобиля им совершенно не мешал. Когда, закончив составление следственных документов, я пришел к ним, чтобы узнать результаты вскрытия, они уже заканчивали свою работу. Парешин сообщил мне, что смерть наступила в результате ножевых ранений в грудную клетку спереди, сопряженных с повреждением внутренних органов и обильным внутренним кровотечением. Таким образом, показания убийцы, о том, как он совершил преступление, полностью нашли своё подтверждение.

Ночь ещё не отпускала своей темнотой, а мы уже загружались в УАЗ-469 с отсеком для задержанных в задней части, куда мы и посадили всех троих. Перегруженный автомобиль, переваливаясь с боку на бок, не торопясь пополз по разбитой дороге. Луна освещала своим бледным светом верхушки елей, стоящих строем вдоль дороги. Движение автомобиля укачивало, и незаметно меня начала охватывать дремота, сквозь которую мне слышалось равномерное шуршание болоньевого плаща задержанной. Вначале я не обратил на него внимания, но тут не выдержал Чебыкин. Ему надоело это шуршание, и он, поняв первым в чём дело, потребовал немедленно прекратить блудное бесстыдство. Женщина в ответ только огрызнулась, мол, «когда теперь смогу мужика поиметь, закроете меня на несколько лет, так хоть напоследок» ... Но шуршание плаща тем не менее прекратилось, а мне почему-то сразу пришла на память картина известного художника Николая Ярошенко, тоже на арестантскую тему, – «Всюду жизнь». Впереди у нас были ещё километры дороги и два часа до рассвета...

МАСКА

10 февраля 1983 года в городе Кунгуре в вечернее время было совершено, с разницей в три часа, два нападения на несовершеннолетних девушек. Крепкий мужчина, в маске и ножом в руке, потребовал у девушки А. деньги, которых при ней не оказалось, тогда он её изнасиловал в обычной и извращённой форме. Спустя некоторое время, в районе Кунгурской ледяной пещеры, преступник напал сразу на двух девушек: угрожая ножом, обыскал их карманы, порезал щеку одной из них, однако поживиться ничем не смог - денег у них просто не было. Через несколько дней ещё два подобных нападения, как под копирку, - маска, нож, отъём денег, изнасилование. Местный розыск не приносит результатов.

Обсудив сложившуюся ситуацию, принимаем решение срочно выехать в Кунгур в составе следственно-оперативной группы. Никто из нас тогда не мог и предположить, что командировка туда затянется — на долгих четыре месяца.

От областной прокуратуры выезжаю я - прокурор-криминалист и начинающий старший следователь - Владимир Черкасов, а от управления уголовного розыска УВД направляют опытных оперативников из отдела по особо важным делам майоров Льва Мушникова и Станислава Шкляева, которые давно и успешно работают в тандеме. Все мы хорошо знакомы по работе, по предыдущим делам, и понимаем друг друга с полуслова.

Пока мы едем, совершается ещё одно нападение, аналогичное, на гражданку М., которая, однако, оказала активное сопротивление насильнику и громко взывала о помощи. Преступник нанёс ей удары ножом по рукам, ранил её, но крики женщины привлекли граждан, которые и поспешили ей на помощь. Преступник был вынужден скрыться с места нападения.

По прибытии на место входим в курс дела. Оказывается, по городу среди населения уже ходили и раньше слухи, что какой-то вооружённый ножом мужчина в маске нападает на женщин. Начинаем выяснять и неожиданно устанавливаем, что подобные слухи не беспочвенны: было ещё девять подобных нападений на женщин в течение декабря 1982 года и января 1983 года, о которых потерпевшие по различным причинам, в том числе и по понятным, не стали сообщать в милицию. По закону, дело об изнасиловании женщины, достигшей совершеннолетнего возраста, возбуждается не иначе, как по её заявлению. Закон охраняет тайну личной жизни.

Встречаемся с этими потерпевшими, они не скрывают произошедшего, а заявления не писали ещё и потому, что не надеялись, что насильника поймают. Резонно задаём им вопрос, а как нам преступника ловить, если вы даже не сообщили о совершённом в отношении вас преступлении. Получаем заявления сразу от девяти женщин и подробные рассказы о нападении на них.

Появляется возможность проанализировать преступления, с которыми нам предстоит разобраться. Сопоставив все показания потерпевших о приметах, манерах и действиях нападавшего, приходим к выводу, что, скорее всего, во всех случаях действовал один преступник - одиночка. Крепкий и физически сильный мужчина, среднего роста, имеет не менее двух масок - одну белую марлевую, другую - из синтетической сетки синюю, три комплекта одежды. Преступник действовал дерзко, нападал неожиданно и в таких местах, где потерпевшим, как правило, нечего было рассчитывать на чью-либо помощь, маски никогда не снимал, был немногословен. Используемый нож, судя по описаниям потерпевших, был один и тот же.

Хорошо подготовленное стремительное нападение, как правило, ошеломляло настолько женщин, что ни одна из них не смогла указать направления, куда затем скрывался преступник после нападения. Но... женщины есть женщины - все, как одна, обратили внимание на то, что нападавший был трезв и от него не пахло табаком или одеколоном.

Нам стало понятно, что мы имеем дело с серийным насильником и грабителем, трезвым, наглым и расчётливым, который не остановится, пока мы его не поймаем, и, судя по характеру его действий, судимым, хорошо ориентирующимся на местности. Места нападений находятся в разных концах небольшого города и происходят в самое различное время суток, в том числе и днём. Пытаемся связать это с графиком работы предприятий города и работы общественного транспорта, однако это ничего нам не даёт. Начинается проверка судимых и лиц, склонных к совершению правонарушений. В результате выходим на ранее судимого некого Н., который отбыл срок за совершение серии подобных нападений в соседней области с использованием маски и ножа, а местом своего жительства избрал после отбытия наказания город Кунгур, не рискнул вернуться в те места, где он причинил людям так много горя.

Тщательная проверка Н., занявшая несколько дней, подтвердила его полную непричастность к расследуемым нами нападениям. Дальше продолжаем работу с потерпевшими, пытаясь как можно больше узнать о деталях, совершённых на них нападений. Одна из них - Р. припоминает, что преступник, кроме денег, отобрал полученное ею письмо с её адресом и пригрозил, в случае если она вздумает пойти в милицию, навестить её и «по-свойски разобраться», адресок-то её ему будет весьма кстати.

Другая припомнила, через несколько дней после нападения она шла с мужем по улице и встретила там мужчину с усами. Был он без маски и ножа, но очень походил фигурой, ростом, одеждой на того преступника, таковым она его и посчитала. От неожиданности она растерялась, а когда пришла в себя, того мужчины и след простыл. Однако допрошенный муж хорошо запомнил этого прохожего и пояснил, что он его не знает, но раньше его видел, и даже приблизительно смог указать улицу

и дом, где тот живёт. Через несколько часов подозреваемый, а им оказался тридцатилетний рядовой - милиционер Кунгурского РОВД Г., уже отвечал на наши многочисленные вопросы. Свою причастность к совершению нападений он категорически отрицал - сначала. Тогда проводим по всем правилам его опознание потерпевшей. Женщина уверенно, даже несколько безапелляционно, его опознаёт как лицо, совершившее на неё нападение. Сразу проводим между ними очную ставку, где она полностью подтверждает свои показания.

Допрашиваемый милиционер продолжает всё отрицать, но уже не столь уверенно, как раньше. Отпустив женщину, мы начинаем многочасовой допрос подозреваемого в нападениях, обрушив на него шквал вопросов. Через шесть часов изматывающего допроса Г. начинает признаваться в совершении нападений, но то, о чём он начинает рассказывать, требует немедленной проверки, и Мушников покидает кабинет, оставляя меня и Шкляева с подозреваемым. Возвращается он через пару часов, когда наш подозреваемый признаётся в совершении первого десятка нападений, правда, его показания носят не конкретный характер - он не может ответить на уточняющие вопросы, что настораживает нас.

Старательно фиксирую показания Г. в протоколе допроса. Подойдя ко мне и наклонившись к моему уху, Мушников прошептал: «Это не он». Вот-те раз. Объявляю перерыв в допросе. Подозреваемого, по его просьбе, отводят в туалет, а Мушников объясняет, пока вы его тут допрашивали, я пошёл и поднял книги (подозреваемый служил в патрульно-постовой службе), дежурства нарядов сопоставил даты совершения нападения с днями его дежурств. Несколько дат совпало, значит, во время совершения преступления он должен был уйти с дежурства, а потом вернуться. Посмотрел, с кем он был в паре на дежурстве в эти дни. Там, где его напарниками были мужчины, я не стал к ним обращаться, могли соврать, что он никуда не отлучался, есть такое понятие, как мужская солидарность. В двух случаях его напарницей оказалась молодая женщина- милиционер, та бы скрывать не стала, поскольку речь шла об изнасилованиях. Она находилась в отделе, и Мушников пообщался с ней с глазу на глаз, объяснив ей всю серьёзность ситуации. Попросил, поскольку она сама женщина, рассказать правду и только правду о том, отлучался ли при ней её напарник во время дежурства. Напарница подозреваемого искренне поклялась и заверила его, что Г. никуда не отлучался во время их совместного дежурства, за это она готова отвечать. После этого он поговорил таким же образом с мужчинами-патрульными: те тоже, зная, о чём идёт речь, подтвердили, что их напарник во время дежурства никуда не отлучался.

У нашего подозреваемого было реальное алиби. Времени тратить на него мы больше не стали, спросили только, чего он нам тут голову морочил и вводил в заблуждение, а тот пояснил, что его же опознали, куда деваться было, по-видимому, обладал повышенной чувствительностью и внушаемостью...

Много позже, когда был задержан настоящий злодей, стало понятно, почему та женщина указала на милиционера. Оба они были удивительно похожи: рост и возраст, конституция, одежда, цвет волос и даже усы у обоих были одинаковые. Кроме того, очень уверенное опознание женщиной мнимого преступника объяснялось тем, что она фактически правильно опознала внешне мужчину, которого видела без маски на улице, принимая его за другого, которого ранее видела в маске.

Поиск продолжили дальше. Одна из потерпевших - П., следуя в маршрутном автобусе, встретила мужчину, который ранее совершил нападение на неё. Она запомнила остановки, на которых он зашёл в автобус и вышел из него. Правда, по пояснениям П., этот мужчина совершил на неё нападение без маски на лице, но с ножом в руке, а его приметы совпадали с теми, о которых сообщили нам другие потерпевшие. Через сутки этот мужчина, некий Тютиков, оказался в следственной камере и под давлением улик признался в разбойном нападении и ещё нескольких кражах. Однако к преступнику в маске он, как оказалось, не имел никакого отношения. Получив свои законные и заслуженные шесть лет лишения свободы по приговору суда, он был отправлен в места, не столь отдаленные...

Нападения, между тем, на какое-то время прекратились. Мы связывали это с тем, что при совершении последнего нападения потерпевшая - девчушка, совсем не героической внешности и форм, не испугалась вооружённого насильника в маске и, действуя по принципу «Лучший способ защиты — нападение», не дав ему опомниться, сама набросилась на него. Не ожидавшего подобного преступника она свалила с ног и вцепилась в его одежду, оторвав пуговицу, которая потом была изъята при осмотре места происшествия. Преступник во время борьбы успел слегка поранить ей руку ножом, с трудом отбился от неё и, вырвавшись из её рук, убежал.

Позднее об этом случае рассказал и настоящий преступник. Таким оборотом дела он был просто ошарашен, ведь это он напал на потерпевшую, а обороняться, наоборот, пришлось ему, насилу удалось вырваться и убежать от девчонки, которая была гораздо слабее его физически. Да, вдобавок, потерял во время схватки пуговицу. На следующий день специально вернулся на то место, чтобы забрать пуговицу, но её уже там кто-то подобрал. Тогда-то он и понял, что нападать на одиноких и, как ему казалось, беззащитных, женщин - дело далеко не безопасное. Могут и «коня на скаку остановить».

У следствия, благодаря тому случаю, наконец-то оказалась первая настоящая улика - пуговица от одежды преступника, но на ней, к сожалению, не были указаны фамилия и адрес преступника. Вписать эти данные нам ещё только предстояло.

8 июня 1983 года было совершено новое, циничное, нападение - в пригороде Кунгура, на тропинке, ведущей через лес в деревню Щадейка, преступник в синей маске и с ножом, выйдя из-за дерева, напал на молодую женщину - Л., которая шла

по лесу с двумя малолетними детьми. Отогнав плачущих и напуганных детей от матери, он отобрал у неё коричневый кошелёк с 13 рублями и тут же насильно удовлетворил свою скотскую похоть.

Между тем, мы понимали, что добром это всё не кончится, если не задержим преступника, к сожалению, так и случилось: уже 18 июня в лесополосе железной дороги в районе станции Блины, пригороде Кунгура, был обнаружен труп 20-летней студентки В., которая была изнасилована и задушена. Почерк совершения преступления был один и тот же.

А между тем обстановка в городе накалялась, преступления будоражили, и небезосновательно, общественность, женщины боялись одни ходить на работу, особенно в ночные смены. Руководители предприятий выказывали озабоченность таким положением дел и просили нас сделать всё возможное, чтобы быстрее задержать маньяка. Об этом же просили и власти города, куда поступали многочисленные запросы обеспокоенных граждан.

Несмотря на усиленное патрулирование и прибытие специальной группы для скрытой охоты на преступника, выйти на его след нам всё не удавалось: сил, необходимых для того, чтобы заблокировать весь город, у нас было недостаточно, была задержана лишь «мелкая рыбёшка». В город прибыл начальник отдела по особо важным делам Петров А.М., непосредственный начальник Мушникова и Шкляева. Обсуждаем с ним, что делать. Требуются дополнительные люди. Просчитываем варианты. Получается, что для того, чтобы перекрыть весь город полностью хотя бы на две недели, нам понадобятся порядка четырёхсот работников, причём не рядовые, а офицерский состав, владеющих оперативными приёмами наблюдения и захвата, - тогда у нас появятся какие-то реальные шансы отловить преступника, когда он в очередной раз выйдет «на охоту». Привлечь их можно было только из других РОВД области, откомандировав к нам.

О нашем плане Петров докладывает прибывшему в Кунгур начальнику управления уголовного розыска области полковнику Вагину Я.А. Прекрасный организатор и просто умный человек, Яков Абрамович оценивает план, соглашается с нашими предложениями и выходит на начальника УВД области. Решение о необходимости проведения силовой операции может принять только генерал, ведь предполагается операция, по сути своей сходная с войсковой, проводимой при поимке диверсантов. Генерала тоже беспокоит сложившаяся ситуация в городе, и он даёт указание: подготовить подробный план и проекты необходимых приказов, представить их ему на следующей неделе на подпись. К счастью, разворачивать такую полномасштабную операцию по поимке маньяка не понадобилось. События развивались стремительно.

26 июня, в ночное время, в Кунгуре вновь новое нападение: на молодую девушку напал, предположительно, тот же маньяк в маске и с ножом. Отобрав деньги и

изнасиловав, он опять благополучно скрылся. Потерпевшая, как сейчас её помню, миниатюрная и хрупкая, сумела тогда весьма подробно описать новые приметы в его одежде, уже через час они были доведены до всех поисковиков - это и помогло через сутки задержать нападавшего насильника.

27 июня около полуночи дежурная по железнодорожной станции Иренская, что под Кунгуром, заметила около грузовых вагонов мужчину, прогуливающегося на путях в неурочный час, который ей показался подозрительным, потому что он, по её мнению, мог совершить кражу из вагонов. Она тут же сообщила о нём инспектору уголовного розыска Кунгурского линейного пункта милиции Григорию Кириленко. Молодой оперативник жил рядом и, выбежав из дома, в свете станционных фонарей тут же увидел у вагонов мужчину. Хорошо разглядев его и сопоставив с недавно полученными свежими приметами разыскиваемого насильника, понял сразу, кто перед ним. Провёл его задержание.

Так, наконец, были пресечены преступные похождения уже ранее судимого и отсидевшего за кражу четыре года грузчика Кунгурской торговой базы двадцатидевятилетнего Николая Гредягина. Позднее на допросе Гредягин поделится: «Что меня задержали на станции, не особо напугало, рассчитывал, ну подержат, поотпираюсь, да и отпустят. Доказывать-то, я считал, нечем». Так себя он поначалу и повёл. Как выяснилось, совершенно напрасно и бесполезно. Не теряя времени, мы провели тщательный обыск в его квартире, где он проживал с женой и пасынком. При обыске были обнаружены все три комплекта одежды, описанные потерпевшими, и нож, изъятый кошелёк потерпевшей Л. и письменный конверт с адресом, отобранный у потерпевшей Р., спрятанный под обложку общей тетради с блатными лагерными песнями. Конверт обнаружил принимавший участие в обыске полковник Петров, который мне потом наедине расскажет, что у него от волнения в тот момент задрожали руки, когда понял, какую улику он обнаружил.

Допросили его пасынка, и тот рассказал, что отчим к Новому году изготовил из сетки синего цвета маску. Описанная мальчиком маска удивительно совпадала с описаниями маски, данными потерпевшими. Были изъяты и другие предметы, не связанные с совершёнными на женщин нападениями, но добытые путём краж. Кроме того, было обнаружено большое количество порнографических фотографий, довольно скверного качества, на которых Гредягин и его знакомая сняты нагишом и в позах, не оставляющих сомнений в их грехопадении. Кроме того, невольным помощником, сама не ведая об этом, в создании порнографической продукции оказалась тёща Гредягина. Однажды воспользовавшись тем, что она напилась, что называется «в стельку» и крепко заснула, находчивый зять обнажил её половые органы и произвел их фотосъемку крупным планом. О том, что по милости зятя она стала « порнозвездой», пожилая женщина узнала только на следствии. Установили, что фотографии готовились для продажи заключённым двух исправительно-

трудовых колоний, находящихся в Кунгуре. Дело для него обещало быть прибыльным...

Гредягин уже имел судимость, однако на учёте в Кунгурском РОВД и в паспортном столе он не состоял, поэтому в поле зрения следствия длительное время не попадал. Это удалось ему благодаря подделке паспорта: паспорт гражданина СССР нового образца имел недостаток - не все страницы паспорта имели проставленные номер и серию. Достаточно было убрать скрепку, которой крепились листы паспорта, убрать лист и заменить его новым, взятым из другого паспорта. Штамп прописки ставился на ту часть листа, на которой не было номера и серии. Также подменялись и листы с фотографиями владельца паспорта или со штампом регистрации брака.

Купив у неизвестного лица за 50 рублей утерянный гражданкой Б. паспорт, он провернул нехитрую «операцию» по замене листов в своём паспорте, что позволило ему избежать всех видов учёта. Таким образом, он ещё совершил и уголовно наказуемую подделку документа. В отделе кадров по месту его работы, повидимому, никто всерьёз не заглядывал в его паспорт. В дальнейшем, создатели паспорта исправили свою недоработку, и в следующих выпускаемых паспортах такие подделки-проделки стали невозможны.

Проверили график его работы и оказалось, что он у него скользящий, не подпадающий под общий режим предприятия, и дни, когда совершались преступления, совпадали с его выходными днями.

На допросах Гредягин, понимая, что сядет всерьёз, по-настоящему, и надолго, отпирался день-другой, а затем стал подробно рассказывать обо всех совершённых им нападениях. Он оказался весьма общительным и обстоятельным человеком, обладающим хорошей памятью и наблюдательностью, чтобы подтвердить показания, он охотно согласился показать и рассказать всё на местах нападений.

Начались поездки по местам его «подвигов». Лето было тёплое, и для него, видимо, было большим удовольствием проводить время на лоне природы, позируя и давая показания перед видеокамерой. Безусловно, это было гораздо лучше для него, чем сидеть в подвале - камере предварительного заключения. Судя по его поведению, он был ещё и весёлого нрава, рассказывая о совершённых нападениях во время следственных действий, как о похождениях, часто улыбался и шутил, как мне показалось, не понимал, что ему следовало бы плакать и каяться.

Находясь с ним на следственном эксперименте в довольно мрачном лесу, где он, выйдя из-за дерева, в маске на тропинке напал на женщину с двумя маленькими детьми, я как-то физически ощутил и понял, какой она испытала ужас и страх, подвергнувшись нападению. Даже не за себя, а за своих детей, которых она не могла защитить в тот момент, и жизнь которых, да и её собственная, зависела от

появившегося внезапно перед ней разбойника. Гредягин же продолжал весело рассказывать, что секс с этой женщиной у него получился не как надо, и он закончил интим «ручным» способом. О напуганных и плачущих детишках, присутствующих при этом, он предпочёл умолчать...

Впрочем, это не мешало ему точно указать все места нападений и подробно рассказать о них. От увиденного и услышанного от него во время следственного эксперимента, как он показывал и рассказывал, у меня складывалось впечатление, что все эти нападения были для Гредягина каким-то весёлым приключением, этакой азартной забавой для души и тела, к тому же приносящей время от времени доход в рублях, отобранных у потерпевших. Это, похоже, было для него настоящей и полноценной жизнью, в которой он нашёл себя, но смертельно опасной для окружающих.

Все потерпевшие тоже были в местах нападений на них во время следственных действий, и их показания полностью совпали с показаниями обвиняемого, что, безусловно, являлось одним из серьёзных доказательств по этому делу. Потерпевшая Л. опознала изъятый у Гредягина кошелёк, принадлежащий ей и отобранный у неё обвиняемым. Потерпевшая Р. опознала конверт от письма, отобранный у неё Гредягиным при нападении. Кроме того, на конверте был указан её адрес и фамилия. Криминалистическая экспертиза установила наличие на предметах одежды Гредягина микрочастиц одежды потерпевших женщин. На одежде же женщин, которые подверглись нападению, в свою очередь, обнаружены микрочастицы одежды обвиняемого. Судебно-биологической экспертизой было установлено наличие спермы Гредягина во взятых у потерпевших образцах семени насильника.

Характеризовался Гредягин положительно, не употреблял спиртных напитков, сомнительных знакомств не имел, на работу не опаздывал, работник был хороший. Одна из допрошенных работниц заметила, что Гредягин был лучшим грузчиком, другие после получки на работу не выходят днями, пьянствуют, сквернословят, а этот дурного слова не скажет, не говоря о том, чтобы выпить или прогулять, и работник безотказный. По вечерам Гредягин успевал ходить в вечернюю школу рабочей молодежи, желая получить законченное среднее образование. Своим примерным поведением в школе он настолько очаровал классного руководителя, что та указала в его характеристике: «Гредягин - добрый, милый человек...» Что ж, таким он и казался окружающим. И это тоже была маска – его поведение, но были и ещё две маски, которые он одевал по очереди, когда шёл совершать преступления. Подлинного его лица долгое время никто не видел и не знал.

В один из дней, когда шло следствие по закреплению доказательств, мне сообщили, что меня хочет видеть какая-то старушка. Это была мать Гредягина - Александра Михайловна, из глухой и отдалённой деревушки, где она одиноко

проживала в избушке-развалюхе на нищенскую пенсию. На вид ей было более семидесяти лет, невысокого роста, скромно одетая, тихая, она шла, прихрамывая, опираясь на палку. Узнав от людей об аресте единственного сына, собралась и поехала в город узнать о нём правду.

Язык не повернулся сказать ей всю правду. Просто объяснил, что будет суд и его ждёт наказание, могут посадить на длительный срок. Старушка заплакала, не дождаться мне его, скоро мне помирать. Потом, успокоившись, стала рассказывать, как одна, без отца, растила сына. Вспомнила о том, как однажды сильно заболела и слегла, помочь некому, сыну Коле пять лет, одни они в избе. Рассказала, как плакал маленький сын и просил её не умирать, повторял, кто же меня кормить будет, мамочка, он один тоже умрёт. Выжила она тогда, а чем он отплатил, сел за кражу в тюрьму, а сейчас вот снова... Утешить старушку мне было нечем.

Собранные доказательства позволяли успешно завершить расследование уголовного дела, которое принял к производству старший следователь Черкасов. Гредягину было предъявлено обвинение по тридцати пяти эпизодам: убийство, изнасилования, разбой, кражи, порнография, подделка документов, изготовление и ношение холодного оружия, хранение боеприпасов - всего по девяти статьям Уголовного кодекса.

Дело по обвинению Гредягина рассматривалось Пермским областным судом, которым он был приговорен к исключительной мере наказания - смертной казни. После оглашения приговора, осуждённого доставили в Пермскую тюрьму, там встречали его тюремные оперативники, которые мне потом и рассказали, что из автозака Гредягин вышел с улыбкой на лице и произнёс, всё равно, мол, приговор отменят, заменят на 15 лет. Как знал, но далеко не всё, человек только предполагает...

По формальным основаниям, после апелляции, в части убийства студентки В., Верховный суд РСФСР отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение, в результате чего областной суд приговорил Гредягина к 15 годам заключения. Доставленный после оглашения приговора, осуждённый снова улыбался, вышло, как он и рассчитывал. Однако с таким приговором не согласились уже потерпевшие, которые в своих жалобах резонно поставили вопрос, как этого зверя-насильника можно оставлять на этом свете.

Прокуратура области тоже не согласилась с приговором и принесла на него протест в вышестоящий суд, поставив вопрос о его отмене из-за необоснованной мягкости наказания. Снова состоялся суд, уже третий по счёту, который и поставил расстрельную точку в этом дела. Доставленный после оглашения приговора снова в тюрьму, Гредягин шёл под конвоем, опустив голову, и больше он не улыбался. Приговор суда был приведён в исполнение. Всему бывает конец.

«КРОВАВЫЙ» МАЛЬЧИК

Нападение на детские ясли в Кировском районе города Перми было совершено 2 августа 1982 года, а на детский сад в городе Соликамске – 13 августа. В обоих случаях помимо хищения вещей там были убиты ночные сторожа. Преступления были совершены по одному сценарию: преступник проникал ночью в помещения, насиловал и убивал пожилых женщин-сторожей, а затем на кухне готовил себе курицу, которую доставал из холодильника там же. Перекусив и отдохнув, он под утро покидал место преступления. При осмотре обоих мест происшествия были обнаружены отпечатки пальцев рук, совпавшие между собой, что дало нам основание считать: эти преступления совершены одним и тем же человеком.

При этом у нас были отпечатки только шести пальцев рук преступника, и это затрудняло идентификацию его личности по банку содержащихся в картотеке дактилоскопических карт, имеющихся в областных управлениях внутренних дел и центральной картотеке МВД. Такая идентификация возможна, если преступник ранее уже был судим или находился под стражей, либо отбывал наказание в местах лишения свободы. Идентификация отпечатков пальцев достаточно быстро могла быть проведена только при условии наличия отпечатков всех десяти пальцев рук преступника, проверка же отдельных отпечатков пальцев рук занимала гораздо больше времени. Именно поэтому обнаруженные на местах преступлений отпечатки пальцев рук преступника были направлены в центральную картотеку в Москву.

Начался поиск убийцы, кровавый след которого привёл нас в город Березники: тот совершил разбойное нападение уже днём, 18 августа, на девушку в доме, где он нанёс ей удары ножом, потом ударил утюгом по голове, завладел деньгами и, посчитав жертву мёртвой, скрылся. Медикам удалось спасти жизнь потерпевшей. При осмотре места происшествия был обнаружен отпечаток пальца руки преступника, совпадающий с обнаруженным отпечатком пальца на месте убийства сторожа в городе Соликамске.

А вскоре преступник вновь проявил себя – на этот раз в Республике Удмуртия, посёлке Балезино – крупной стыковой железнодорожной станции. Стало ясно, что в качестве средства передвижения он использует электрички, на них можно было с пересадками проследовать по маршруту Соликамск – Березники – Пермь – Балезино. Там, в детском саду, расположенном недалеко от железнодорожного вокзала, утром 29 августа 1982 года был обнаружен труп девушки-сторожа с множественными телесными повреждениями и перерезанными на обеих руках венами. Убийца также мерзко надругался над жертвой и опять не забыл после этого сытно закусить сваренной им тут же курицей – то, что рядом с местом его трапезы лежит тело убитой, никак не испортило ему аппетит. И тут нашли отпечатки его пальцев.

Все имеющиеся у нас отпечатки пальцев преступника, оставленные им на местах убийств, были незамедлительно переданы удмуртским коллегам — для сопоставления их с отпечатками, обнаруженными в детском саду в Балезино. И когда отдельные отпечатки пальцев, оставивших кровавый след в разных местах, совпали между собой, стало понятно, что мы имеем дело с одним и тем же насильником и убийцей.

Однако вот работники МВД Удмуртии посчитали возможным ограничиться только констатацией данного факта и по непонятным и необъяснимым причинам не сообщили нам, что, помимо совпадающих отпечатков пальцев рук преступника, в их распоряжении имеются ещё и несколько других его отпечатков, которых не было у нас и которым они по какой-то причине не придали значения. Эти отпечатки не были направлены для дальнейшей идентификации ни в центральную картотеку МВД СССР в Москву, ни переданы нам. В нашем распоряжении было бы уже девять отпечатков пальцев рук преступника вместе с уже имеющимися у нас шестью, и это, несомненно, могло значительно ускорить установление личности убийцы и его арест, поскольку большее количество отпечатков разных пальцев рук позволяло ускорить идентификацию преступника. Эти сведения могли бы, вполне возможно, предотвратить два последних убийства. Но эта недоработка выяснится позже, когда на местах других убийств будут обнаружены недостающие отпечатки пальцев рук убийцы — в дополнение к имеющимся, и по ним будет возможно в минимальные сроки установить имя преступника.

А тем временем преступник продолжал своё кровавое путешествие по стране. След его вновь обнаружился — на этот раз в детском саду в посёлке Первомайский Тамбовской области, где 10 октября того же года, ночью, он напал на пожилого мужчину-сторожа и убил его. Приготовив и откушав там своё фирменное блюдо — отварную курицу, он проследовал уже в Ростовскую область, где успел совершить убийство двух сторожей — пожилых женщин — в школе города Таганрога и в детском комбинате в райцентре Аксай. Как и раньше, он продолжал оставлять на местах совершения преступления отпечатки пальцев рук и остатки своей трапезы.

Отпечатков пальцев с мест всех убийств набралось теперь достаточно много, и, наконец, к вечеру 19 октября 1982 года эксперты-криминалисты смогли по картотеке идентифицировать их как принадлежащие ранее судимому девятнадцатилетнему Владимиру Егорову, сбежавшему из города Кунгура, где он отбывал наказание на стройках народного хозяйства (в народе это называлось – «быть на химии»).

Как только была получена информация от экспертов, сразу же начался целенаправленный розыск Егорова. Нами была допрошена его мать, А.Л. Егорова, жительница Соликамска, которая и сообщила, что её сын с 8-го класса убегал из дома и разъезжал по различным городам, а в сентябре 1981 года был осуждён за хулиганство на полтора года колонии. Она приезжала туда к нему на свидание, он ей жаловался, что ему тут плохо и не нравится, умолял её забрать его оттуда, может

«даже спрятать его в рюкзак и вынести». А в апреле 1982 года он уже был освобождён из места лишения свободы — условно, с обязательным привлечением к труду, и направлен для дальнейшего отбытия наказания «на химию» в город Кунгур. По её словам, он самовольно оставил место отбытия наказания и поехал в гости к сестре, живущей в Таганроге.

Адрес сестры подозреваемого, полученный от их матери был тут же передан нашим коллегам в Ростов-на-Дону с просьбой о немедленном задержании Егорова. Ещё через шесть часов от них пришло сообщение, что подозреваемый нами в преступлениях Егоров задержан по месту жительства его родственницы. Также они нам сообщили, что тот уже сознался в совершении двух убийств ночных сторожей на территории Ростовской области − в детском комбинате в райцентре Аксай и в школе № 2 города Таганрог, где также были обнаружены отпечатки пальцев его рук.

На следующий день я, прокурор-криминалист, и начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска области А.М. Петров вылетели в Ростов-на-Дону. Дела об убийствах, совершённых Егоровым на территории Ростовской области, находились в производстве старшего следователя прокуратуры города Таганрога Натальи Палкиной, с которой мы познакомились уже на месте и сразу нашли общий язык, согласовав с ней моё участие в дальнейших допросах подозреваемого. Было решено отработать и провести следственные действия сначала в части преступлений, совершённых на территории Ростовской области, а затем постепенно перейти к преступлениям, совершённым Егоровым в других регионах.

Через день мы вдвоём со следователем прибыли в Ростовскую тюрьму, где содержался арестованный. В следственный кабинет конвойный ввел худощавого невысокого парня, с тёмными короткими волосами и тёмно-карими глазами. Держался он самоуверенно и развязно, был достаточно словоохотлив. Так впервые я увидел Егорова. По договорённости с Натальей Палкиной я только присутствовал на допросе и присматривался к подозреваемому, а допрос полностью вела она. Допрос начался, однако установленный нами порядок неожиданно нарушил допрашиваемый. Он спросил меня, какой размер обуви я ношу, а затем заявил, что ему нравятся мои туфли и он хочет их, и мне надо их снять. Его беспредельная наглость, вседозволенность и игра под крутого парня не произвели на меня никакого впечатления, но его необходимо было поставить на место, поэтому, сурово глянув на него, предложил ему попробовать снять с меня обувь, добавив при этом «если получится». Почувствовав, видимо, скрытую опасность, Егоров замолчал, а следователь сделала ему замечание и предложила не отвлекаться от сути дела.

По нашей с ней договорённости, я и в дальнейшем сопровождал Наталью Палкину на проводимые ею следственные действия с участием Егорова, на допросах тот давал подробные показания обо всех совершённых им убийствах, в том числе и в Пермской области. Отпираться Егорову смысла просто не было: во всех местах

совершенных им убийств были обнаружены отпечатки пальцев его рук. В порядке проверки его показаний был организован выезд с ним на места совершения убийств. С памятью у него было всё в порядке, и поэтому на месте в присутствии понятых он подробно и правильно показывал, и рассказывал обстоятельства совершения преступлений. Однако вёл он себя по-прежнему достаточно развязно, куражился, видимо, бравируя и рисуясь перед следователем – достаточно молодой женщиной – и перед объективом телекамеры. Не стесняясь окружающих, он игриво ухватил рукой за грудь молодую девушку – работницу детсада, случайно оказавшуюся там; в школьном буфете – набрал горсть конфет и с самодовольным видом благодетеля важно раздавал их присутствующим. Наблюдать всё это со стороны было неприятно и противно – насколько же преступник был распущенным и беспардонным, если даже под конвоем позволял себе подобное, и можно было только представить, как он себя вёл наедине с беззащитными жертвами.

Наталья Палкина, проводившая следственные действия, не ставила его на место, а кое-где даже и подыгрывала ему, переводя в шутку его выходки, но я-то понимал, что это была игра с её стороны: она как опытный следователь тем самым хотела получить от подозреваемого как можно больше информации и, следовательно, доказательств его вины. Судя по замашкам Егорова, это была, похоже, обычная и привычная манера поведения человека, возомнившего себя неким супергероем, которому дозволено делать всё и везде, в том числе и присвоить не принадлежащее ему право отнимать жизнь у другого человека.

После окончания следственных действий в Ростовской области нам предстояло этапировать Егорова в Пермскую область, поэтому я твёрдо решил: его нужно будет поставить в жёсткие рамки, сбить с него спесь, вседозволенность, наглость и хамство, другими словами, его нужно было просто поставить на место – то, какое заслужил преступник, совершивший тягчайшие преступления.

Через пять дней ночным рейсом на самолёте мы вернулись к себе в Пермь. После приземления и подачи трапа в салон самолёта вошел офицер милиции с автоматом наперевес и громко попросил пассажиров оставаться на местах, пока с последнего ряда кресел мы не пройдем вместе с закованным в наручники Егоровым к выходу и, спустившись по трапу, не сядем в подогнанный вплотную к самолёту автозак. Наконец-то, мы у себя дома.

На следующее утро я спешил в изолятор временного содержания, куда был помещён доставленный нами Егоров. Конвойный привел заспанного и помятого арестованного в кабинет. Усевшись на крепко прибитый к полу табурет, он небрежно и фамильярно, не поднимая головы, спросил: «Курить есть? Давай!». Ответил: «Нет». «Тогда нам не о чем говорить», – получил я в ответ. Он, видимо, полагал, что ему и дальше можно вести себя по-прежнему, и явно не понимал, что ситуация для него кардинально изменилась: больше не будет как раньше – от его настроения и выходок зависеть больше ничего не будет. Ничего не сказав, отправил

его обратно в камеру. На следующий день я вновь собирался в изолятор, но тут мне позвонил Петров и сообщил, что Егорова вечером, в экстренном порядке, перевели в Пермскую тюрьму – как особо опасного преступника, предпринявшего попытку нападения на работника изолятора с целью побега.

Аскольд Маркович рассказал, что Егоров, когда вернулся в камеру, стал уговаривать сокамерников бежать – найти предлог, чтобы вызвать охранника, напасть на него и убить. Те наотрез отказались, они были задержаны за кражи, и «подписываться» на убийство и побег им никакого резона не было, в отличие от Егорова, которому терять было нечего. Кроме того, они реально понимали, что, даже нейтрализовав надзирателя, они дальше следующей решётки в коридоре пройти не смогут. Тогда Егоров каким-то образом один выломал сантехническую металлическую трубу от умывальника и, вызвав надзирателя, попытался на него наброситься и ударить трубой, да только не на того напал, тот в момент его скрутил. Кроме того, наш арестант не был особенно силен, его и хватало-то только на нападения на ещё более слабых физически, чем он сам, и по сути беззащитных потерпевших.

Во второй половине этого же дня вместе с Петровым мы прибыли в следственную часть тюрьмы. Конвойный привел Егорова. Начался допрос. От его былой развязности не осталось и следа. Курить он уже не требовал, на вопросы отвечал подробно и охотно, даже несколько заискивающе. Перемена в его поведении была просто разительная — это радовало, только было непонятно, что так на него повлияло. Ограничившись локальными вопросами об обстоятельствах совершения убийств на территории Пермской области и записав его показания на магнитофон, закончили допрос и отправили Егорова в камеру.

Поскольку нам с арестованным предстояло ещё продолжительное время работать, необходимо было знать, что от Егорова можно ожидать дальше, а для этого следовало понять, почему его поведение так неожиданно изменилось в лучшую для нас сторону. Всё разъяснилось, когда мы стали разбираться с ситуацией, связанной с внеплановым и экстренным переводом его из изолятора временного содержания в тюрьму. В личном деле арестованного Егорова имелась отметка, что он является особо опасным преступником, склонным к побегу, поэтому дежурный по тюрьме не рискнул помещать неожиданно доставленного им поздно вечером убийцу в общую камеру, а определил на ночь — до утра в небольшую камеру, где содержались прибывшие по этапу два особо опасных рецидивиста.

О причине разительной перемены поведения Егорова рассказали мне тюремные оперативники, которые провели собственное неофициальное расследование. Как только Егорова завели в камеру, он бесцеремонно попытался сразу занять место на нарах, однако сидельцы – два здоровых мужика двухметрового роста, которые лежали на нарах, спокойно и внушительно приказали ему встать у параши и сначала доложиться, кто он, откуда и за что сюда попал. Наш подопечный, не ожидавший такого приёма, сбивчиво доложил о себе, после чего ему милостиво

было позволено пройти и занять указанное место на нарах. Но тут Егорова «понесло»: он стал хвастать и в красках рассказывать сокамерникам о своих «подвигах». Лучше бы он этого не делал.

Известно, что насильники, как и педофилы, в местах лишения свободы относятся к презираемой категории. Среди заключённых народ тоже разный. Понятно, что есть там и «отморозки», но не они составляют большинство, основная часть – это обычные несчастные люди, попавшие туда в силу различных жизненных обстоятельств, порой по собственной глупости, из-за пьянства, из корысти и по другим причинам. У большинства из них есть семьи, матери, сёстры, дети, и они не утратили своего представления о мужской чести и достоинстве, о добре и зле. С этой категорией достаточно здравомыслящих сидельцев всегда можно найти общий язык, поэтому публика, подобная нашему фигуранту, даже в тюрьме вызывает у них отрицательное отношение. Так произошло и в этом случае.

Мужики хоть и были убийцами, но беззащитных женщин не насиловали и не убивали, а рассказанное насильником, бахвалящимся совершёнными им в отношении потерпевших женщин мерзостями, задело их за живое, человечное, которое в них ещё, видимо, оставалось, поэтому они тут же «опустили» его, превратив в «голубого», и предложили ему самому повеситься. Под их присмотром Егоров свил из порванной на ленты ткани матраса верёвку и несколько раз попытался повеситься, но всякий раз мужики доставали его из петли, посчитав, что в таком случае он слишком легко отделается за свои злодейства. Так и прошла первая ночь в Пермской тюрьме для убийцы и насильника Вовы. Утром был обход камер дежурным нарядом. Открыв окно «кормушки» в двери, дежурный застал почти идиллическую картину. Егоров смирно и тихо сидел зажатый между двумя своими дюжими сокамерниками. На привычный вопрос, есть ли жалобы, просьбы, он, как и его соседи, ответил, что ни жалоб, ни просьб не имеет. Дежурный уже собрался закрывать окно, как Егоров неожиданно бросился к двери и, намертво вцепившись в «кормушку», стал истово умолять перевести его из этой камеры хоть куда, только не оставлять его тут. Дежурному ничего не оставалось, и Егорова перевели. Какие-либо заявления и объяснения он делать и давать отказался, заявив, что никаких претензий ни к кому и ни по какому поводу не имеет. Проверять следственным путем произошедшее при отсутствии официального заявления от потерпевшего у нас не было оснований, не говоря уже о том, что весьма проблематичным было бы в сложившейся ситуации собрать необходимые доказательства, и, кроме того, это была совсем другая история, не имеющая отношения к расследуемому делу об убийствах, совершённых Егоровым.

Тюрьма, таким образом, помимо нас всё расставила по местам, указав убийце и насильнику на его низкое и незавидное место в арестантской иерархии, как он того и заслуживал — по делам его и по лагерным понятиям. Безусловно, произошедшее, независимо от того, как к нему можно относиться и расценивать, следствию пошло на пользу.

Руководством мне было поручено до формирования следственной группы проводить необходимые следственные действия по делу Егорова. Начались многодневные допросы обвиняемого, который помимо убийств совершил и множество других преступлений, разъезжая на поездах по центральной части страны, и по каждому из таких эпизодов его нужно было подробно и обстоятельно допросить, что занимало много времени. Многостраничные протоколы его допросов составляли уже солидный фолиант. Иногда на допросах Егоров вновь входил в раж, увлекаясь излишне красочным описанием совершённых им преступлений, пытаясь показать себя этаким решительным парнем. Это однажды чуть не стоило ему жизни, а присутствующему на допросе полковнику Аскольду Петрову – крупных неприятностей, да и мне бы потом пришлось бы долго отписываться и объясняться.

Случилось это совершенно неожиданно для меня, и только моя своевременная и быстрая реакция и хорошая физическая подготовка спасли положение. А произошло следующее: допросы арестованных проводились в специальных следственных кабинетах, такие есть в любой тюрьме. В специальных кабинетах табуретки, стулья, столы намертво прикреплены к полу в целях безопасности, оторвать их невозможно, там же имеется тревожная кнопка, на окнах – крепкие решётки. Мало кто знает из посторонних, что этих кабинетов всем следователям не хватает, и поэтому следователю, не успевшему с утра занять кабинет, порой приходится часами ждать, когда он освободится. Так впустую теряется драгоценное время работников следствия. Это тоже не самая лучшая и приятная сторона в следственной работе: стоять в очереди за рабочим местом – кабинетом, как за дефицитом в магазине. Мы именно поэтому договорились с администрацией тюрьмы, и они нам временно выделили место, отдав свой служебный кабинет. Там и проводились допросы.

Кабинет был обычный, без зафиксированных предметов Допрашиваемого Егорова в тот раз опять понесло. Допрос касался двух совершённых им убийств – в Тамбовской области и на станции Балезино. Егоров с выражением рассказывал, как убил пожилого мужчину – сторожа-фронтовика в посёлке Первомайский, как он сумел справиться с ним и с помощью гвоздодёра и ножа поставить на колени. Когда потерпевший понял, что ему не совладать с преступником, что тот сильнее его, сторож взмолился и стал просить: «Сынок, не убивай меня, я всю войну прошёл, живой остался, уходи, никому не скажу, что здесь был, не убивай только». – «Нет, дядя, не верю я тебе», – ответил Вова и ударил фронтовика ножом в горло. От рассказанного им, из-за его манеры повествования становилось понятно, что передо мной в человеческом облике и одежде сидит опасное животное, которое научили читать и писать, но двигали им только основные биологические потребности в воде и пище, а еще похоть. Однако я поймал себя на мысли, что такое сравнение вряд ли будет правильным, ведь дикие животные не убивают себе подобных просто так, ради удовольствия.

Егоров подробно и смачно рассказывал об убийстве девушки-сторожа в детском саду в Балезино. Вечером он сходил, чтобы скоротать время и дождаться наступления темноты, в имеющийся в Балезино клуб, посмотрел там весёлую комедию, которая ему очень понравилась, он хохотал от души. После этого проник в находящийся рядом с клубом детсад — он его заприметил ещё днём, — и там напал на девушку-сторожа, изнасиловал её, а потом бил по голове до тех пор, пока она не перестала шевелиться. Посчитав её мёртвой, он отвлекся и занялся приготовлением ужина из курицы, оставив потерпевшую вне поля зрения. Перекусив и осмотревшись, он увидел, что девушки на прежнем месте нет. Она, оказывается, очнулась и поползла к двери. С самодовольной улыбкой развалившись на стуле, Егоров продолжил: «Ну да ей, суке, показал, как меня обманывать, волоком за волосы притащил обратно, и ножом перерезал ей вены на обеих руках и смотрел, как шла кровь, она задёргалась и сдохла».

Я едва успел заметить боковым зрением, как сидевший справа от меня Петров, у которого явно сдали нервы после услышанного, вскочил и выхватил из-под допрашиваемого стул — Егоров стал падать на спину, а Аскольд Маркович замахнулся, чтобы с силой опустить стул тому на голову. В самый последний момент я в прыжке успел перехватить стул и оттолкнуть разъярённого Петрова в сторону, и, хотя полковник был выше и крупнее, мне всё же удалось вытолкать его из кабинета. Усадив напуганного Егорова обратно, я продолжил допрос.

Это происшествие, кстати, единственное такое в моей следственной практике, показало, что нервный срыв может произойти даже у спокойных и выдержанных, имевших ранее дело не с одной сотней убийц, профессионалов, каковым и являлся Петров. Так получилось, что тогда мне удалось спасти и защитить убийцу от самосуда, а уважаемого моего коллегу – от греха, который он мог взять на душу. О возможных последствиях, произойди непоправимое, даже не хотелось и думать. Об этом случае, естественно, сообщать я никому не стал, да и что, собственно, произошло, ну сдали нервы у заслуженного оперативника, бывает и такое.

Сейчас, когда из нас – троих участников той сцены – на этой земле остался я один, могу об этом рассказать впервые, не навредив никому, только для того, чтобы показать, какие большие эмоциональные нагрузки несёт следователь и работник уголовного розыска и какой выдержки и терпения требует эта профессия. После этого происшествия мне стали ещё более понятны действия двух рецидивистов, с которыми Егоров встретился в тюрьме. Подумал, хорошо, что у тех не было стула, а то отнимать его было бы некому. После произошедшего с Егоровым я попросил тюремных оперативников показать мне этих молодцов, чтобы увидеть, что они собой представляют, хотя бы внешне. Одного из рецидивистов провели мимо меня по коридору: одетый в полосатую робу могучий двухметровый детина лет тридцати от роду, с простым и открытым округлым лицом, голубыми глазами, он поражал удивительно уверенным взглядом и спокойным внешним видом. По сравнению с

ним Егоров представлял собой какого-то тщедушного подростка. Второй рецидивист был под стать первому.

После проведённых допросов, в порядке проверки показаний, мы провели следственные эксперименты с выездом обвиняемого на места совершения преступлений в Пермской области. Во время проведения этих следственных действий наш подопечный вёл себя корректно и уже не позволял вольностей в поведении.

В этот же период времени мы связались с коллегами из тех регионов, по которым путешествовал Егоров и где оставил свой кровавый след. Обращала на себя внимание его необычайная мобильность и «работоспособность» в занятии преступным промыслом. Так, за два с половиной месяца, предшествующих его задержанию, он успел проехать и побывать в тринадцати регионах и совершить при этом 28 нападений, оставив на 18 местах совершения преступлений отпечатки пальцев своих рук. К нам стали поступать уголовные дела, которые ранее значились нераскрытыми. Тогда же я имел нелицеприятный разговор по телефону с начальником управления уголовного розыска МВД Удмуртии. Я в сердцах высказал ему, что думаю по поводу работы его ведомства с отпечатками пальцев преступника, прямо обвинив в том, что в результате этого просчёта в их работе убийца смог забрать ещё две жизни, которые можно было бы спасти. Возразить ему было нечего, он смог только сослаться на нерадивых подчинённых, с которыми он пообещал разобраться и наказать. Кроме того, сама ситуация преподнесла нам урок на будущее – нужно налаживать более тесное взаимодействие следствия и оперативных служб не только внутри области, но и между регионами, и особенно это касалось расследования подобных дел. Тогда проще и быстрее стало бы отлавливать кровавых мальчиков-гастролёров, подобных Вове Егорову.

как основные следственные действия по После того закреплению доказательств были завершены, по указанию руководства дело было передано для завершения расследования старшему следователю прокуратуры области и созданной следственной группе. И хотя я отошёл от этого дела, уже занимаясь другими, неоднократно интересовался ходом расследования. Подопечный вёл себя вполне нормально, но, как и раньше, никакого сожаления или раскаяния в содеянном не проявлял. Егоров считал, что совершённые им преступления в порядке вещей, «пацан захотел – и сделал», что же тут такого, ничего особенного. Такое поведение являлось естественным для него образом жизни, правда, весьма опасным для окружающих. Впрочем, мне подумалось, что если подходить к нему как к животному, то ведь не всякое животное выказывает сожаление, как, например, друг человека – собака, которую можно отругать, и она, поджав хвост, будет виновато смотреть на хозяина. Вова виновато не смотрел. Он признавал и констатировал только факты совершённых им действий – преступлений.

Егорову было вменено совершение семи убийств в Пермской, Ростовской, Тамбовской, Донецкой областях и Республике Удмуртия, а также покушение на

убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Обвинение в изнасилованиях, кражах, разбоях, совершённых на территории тринадцати областей, краёв и республик, а всего было инкриминировано сорок эпизодов нападений, в основном на школы, детские сады, во время которых получили ранения различной тяжести, но, к счастью, остались живы после оказания им своевременной медицинской помощи ещё пять потерпевших − сторожей. В школе № 102 городе Прохладный сторожа не оказалось и тогда Егоров убил щенка, раздраженный его попискиванием. Проведёнными четырьмя судебно-психиатрическими экспертизами обвиняемый был признан вменяемым в инкриминируемых ему преступлениях. Эксперты при этом отметили, что он является психопатической личностью, но это на его действия не влияло.

Дело по его обвинению рассматривалось Пермским областным судом, и 30 сентября 1983 года суд вынес единственно возможное и справедливое решение, приговорив Егорова к исключительной мере наказания – расстрелу. По заведённому порядку, осуждённые к смертной казни содержались поодиночке в отдельных камерах для смертников и оттуда уже не выходили, выводили их только для приведения приговора в исполнение. Именно поэтому, когда по одному из дел об убийстве у нас возникла необходимость допросить осуждённого к смертной казни в соседней области, мне пришлось ехать туда в командировку, спускаться в подвал камеры смертников в тюрьме и там проводить допрос, мягко говоря, в не очень комфортных условиях. Зная об этом порядке, я никак не предполагал, что ещё раз увижу Егорова после суда, и произошло это спустя почти год после вынесения приговора, тогда я уже занимал должность начальника следственной части прокуратуры области.

Существует определённая процедура приведения в исполнение смертного приговора. Она носит закрытый характер и, естественно, не афишируется. Исполнение приговора производится в присутствии специальной комиссии, в которую входят представители прокуратуры и администрации тюрьмы, врач. Приведение смертного приговора в исполнение невозможно без исполнителя, который должен выстрелить из пистолета Макарова в затылок осуждённому. Невозможно без охранников, которые прежде должны вывести его из камеры смертников и представить комиссии, члены которой должны удостовериться в личности преступника и убедиться, что приговор оставлен в силе вышестоящим судом, а ходатайство о помиловании в установленном порядке отклонено.

При приведении приговора в исполнение имеет право присутствовать председательствующий судья, вынесший этот приговор, а от прокуратуры области на исполнение смертных приговоров направлялись только специально назначенные прокуроры – коллеги из отдела по надзору за соблюдением законности в местах лишения свободы. Узнать от них, когда будет приведён в исполнение приговор, не составляло особого труда. Но о предстоящей казни я узнал не от них, а от прокурора области И.Н. Павлецова, к которому зашёл как-то утром с докладом по очередному расследуемому мной уголовному делу. В разговоре Иван Николаевич спросил у меня, помню ли я

убийцу Егорова? «Ещё бы, конечно!» – ответил я. Прокурор области сообщил мне, что приговор по делу Егорова оставлен без изменения, а ходатайство о помиловании отклонено, все необходимые бумаги на этот счёт поступили, и сегодня приговор будет исполнен. Тогда я обратился к нему с необычной просьбой – разрешить мне присутствовать при этом. Понятно, что по должности это мне было не положено, я не входил в круг лиц, которым это было разрешено и положено по службе, но очень хотелось мне лично убедиться, что этого кровавого изверга и самой настоящей нечисти больше не будет на нашей земле. Шеф заколебался, но я, злоупотребляя его добрым отношением ко мне, тактично и мягко настаивал. «Хорошо, но тогда поедем вместе», – подумав, согласился он. Вечером мы вдвоём прибыли в тюрьму и спустились в тесный подвал.

Комиссия уже была в полном составе. Я примостился с правой стороны стола, за которым заседали члены комиссии. Минут через десять привели Егорова, который внешне почти не изменился, руки его были закованы в наручники за спиной, а двое дюжих охранников держали его с двух сторон. Он, отвечая на вопросы, назвал свои анкетные данные и сообщил о вынесенном ему смертном приговоре. Не знаю, понимал ли он, что наступил его смертный час, не уверен в этом, но в нём ощущалось как бы оцепенение, заторможенность и безразличие одновременно. Потом его развернули к другой стене, старший конвоя произвёл единственный выстрел — Егорову в затылок, и дымящаяся гильза оказалась у моего правого ботинка. Так на моих глазах закончил свой земной и преступный путь убийца. Закономерный и справедливый финал.

Сейчас наступили другие времена. Введён мораторий на смертную казнь. Убийца Егоров, окажись он в нашем времени, сидел бы в тёплой камере, по утрам его бы будили, а вечером укладывали спать, и по расписанию он бы питался и выгуливался, а охранники бдительно обеспечивали бы его охрану и покой. Возможно, при этом он пристрастился бы к чтению книг и повышал свой общеобразовательный уровень. Всё это делалось бы (и делается сейчас в отношении подобных ему недочеловеков) налогоплательщиков, которых в нашей стране мало кто спрашивает, хотят ли они содержать убийц. Принятые в угоду Западу положения, фактически отменившие применение смертной казни, явно не учитывали сложившиеся неблагоприятные криминогенные реалии, существующие в нашей стране. Это в полной мере можно отнести к количеству совершённых убийств. Как-то подсчитал, что в СССР убийства совершались каждые пятнадцать минут. Для сравнения, в США – каждые двадцать минут. С той поры ситуация только ухудшилась. В тех же Штатах никому и в голову не придёт мысль отменить смертную казнь, которая там применяется и предусмотрена в различных штатах в виде четырёх её разновидностей – от гильотины до электрического стула. И плевать им на вопли сторонников её отмены и мнения каких-то международных общественных организаций. Общество должно уметь защищать себя от убийц. Сейчас совершенно забыто то, что смертная казнь всегда являлась серьёзным сдерживающим фактором. Понятно, террористов-смертников, как и совершенных отморозков-маньяков,

смертной казнью не остановишь, но за государством остаётся право, защищаясь от них, уничтожать опасных преступников, посягнувших на самое дорогое, что есть у человека, – его жизнь. Реальное применение смертной казни будет способствовать уменьшению количества совершаемых особо тяжких преступлений.

В начале прошлого века один из классиков марксизма-ленинизма на вопрос, когда большевики отменят смертную казнь, ответил: «Как только её отменят господа убийцы!».

Между тем до настоящего времени убийцы не перестают убивать...

P.S. Когда данный рассказ готовился к печати, мы услышали, наконец, правдивое и разумное слово.

Выступая 9 декабря 2015 года на совместном заседании общественного и консультативного советов управления СКР по Удмуртии, председатель Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин твердо заявил: «Я лично выступаю за смертную казнь, прежде всего, как человек. Я полагаю, что людям, которые совершают такие тяжкие преступления, не место на земле... Не надо лицемерить. Зло должно быть наказуемо. Забрал чужую жизнь, тем более жизнь ребенка, – заплатишь своей».

Сказанное им актуально сегодня как никогда. Только не осталось бы это гласом вопиющего. Нужны перемены, они назрели.

АВТОБИОГРАФИЯ

Рева Василий Александрович, родился 14 января 1948 года в городе Перми.

1963-1966 гг. – столяр мебельной фабрики.

1966-1969 гг. – слесарь-монтажник ПМУ треста Уралэнергомонтаж.

1967-1973 гг. – учеба на юридическом факультете Пермского государственного университета.

1969-1974 гг. – работа в должностях следователя прокуратур Оханского, Ильинского районов Пермской области, прокуратуры Дзержинского района г. Перми.

1974-1975 гг. – срочная служба в рядах Советской Армии.

1975-1976 гг. – работа в составе следственной группы прокуратуры Союза ССР в Узбекской ССР

1976-1980 гг. – старший следователь прокуратуры Пермской области.

1980-1983 гг. – прокурор-криминалист прокуратуры Пермской области.

1983-1985 гг. – начальник следственной части прокуратуры Пермской области.

1985-1987 гг. – старший следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР.

1987-1989 гг. – старший следователь прокуратуры города Одинцово Московской области.

1989 г. – руководитель следственной группы прокуратуры Союза ССР в Армянской ССР.

Рева Василий Александрович | На перекрестках следствия, или встречи с убийцами

1990 г. – старший следователь прокуратуры Московской области.

1991 г. – следователь по особо важным делам прокуратуры Союза ССР.

1992-1995 гг. – начальник отдела Генеральной прокуратуры России.

1995-2010 гг. – работа в коммерческих структурах.

Почетный работник прокуратуры Российской Федерации. Старший советник юстиции.

Содержание

К предисловию книги	3
Предисловие	4
«Политическое» убийство	6
Красивая коза	9
Десятое ноября	14
Шизофрения	19
Длинное дело	28
Простая арифметика	33
Человек на своем месте	39
Банда	50
«Полосатая» зона	63
Чему быть суждено	71
Пустая бутылка	76
«Забытый» утюг	79
А за «козла» ответишь	83
Одна командировка	88
Цепная реакция	97
Частное определение	103
Всюду жизнь	107
Маска	<u>120</u>
«Кровавый» мальчик	113
Автобиография	
Содержание	<u>133</u>

Художественное издание

РЕВА ВАСИЛИЙ

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СЛЕДСТВИЯ, ИЛИ ВСТРЕЧИ С УБИЙЦАМИ

СБОРНИК ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ РАССКАЗОВ

Редакторы: Г.В. Казьмина, Е.А. Федюшина

Редактирование и техническое редактирование: Е.Н. Черникова, М.Ю. Болгова

Подписано в печать 15.01.2016. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Ризография. Объем 11,25 п.л. Тираж 350 экз. Заказ № 61. Издательство Липецкого государственного технического университета. Полиграфическое подразделение Издательства ЛГТУ. 398600, Липецк, ул. Московская, 30.